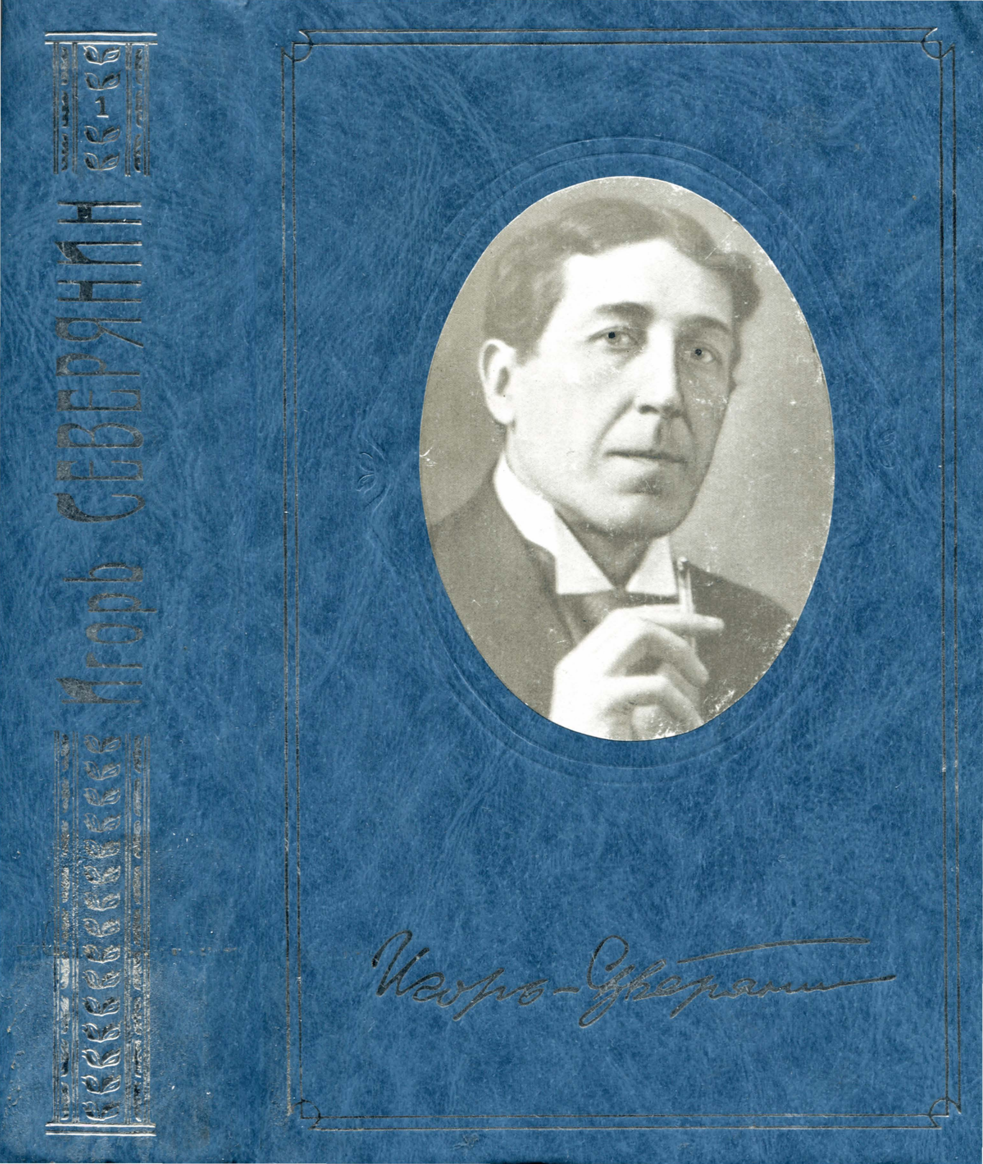
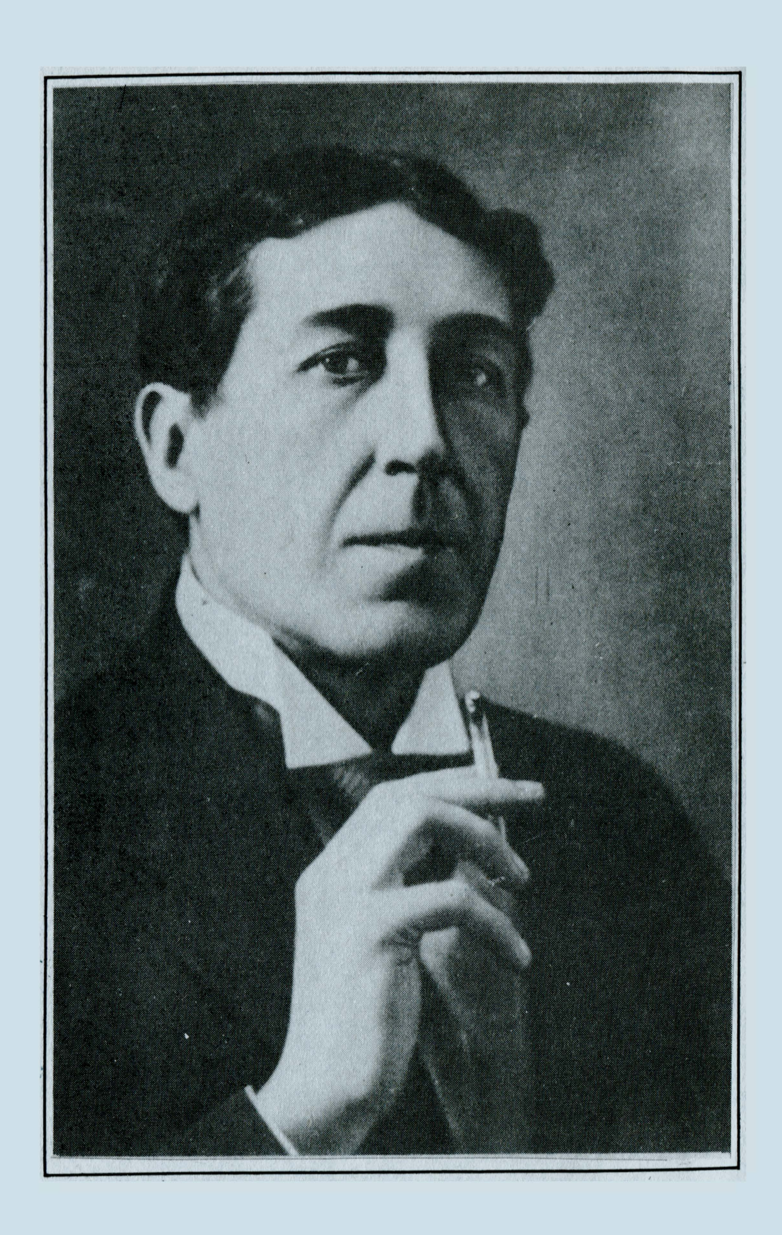

1
Игорь Северянин
Игорь-Северянин

СОЧИНЕНИЯ
в пяти томах

Том первый

Санкт-Петербург
Издательство
«LOGOS»
1995

ББК 84.Р1
С28

Составление, подготовка текста, вступительная статья и комментарии
В. А. КОШЕЛЕВА и В. А. САПОГОВА

Фотографии для публикации предоставлены Череповецким музейным объединением

Подбор фотографий Н. Т. ДОКУМЕНТОВОЙ

Художник В. КОРНИЛОВ

С $\frac{4702010102}{Г73(03)-95}$ Подписное

ISBN 5-87288-081-2 (т. 1)
ISBN 5-87288-080-4

«КОРОЛЬ ПОЭТОВ ИГОРЬ-СЕВЕРЯНИН»

Я, гений Игорь-Северянин,
Своей победой упоен.
Я повсеградно оэкранен!
Я повсесердно утвержден!..

От Баязета к Порт-Артуру
Черту упорную провел.
Я покорил Литературу!
Взорлил, гремящий, на престол!..

Эти строки Игоря-Северянина часто приводятся как образец бесстыдной саморекламы, далекой от истинного значения его поэзии.

Самое интересное, что в этих стихах — все правда. «*Повсеградно оэкранен*» — это не то чтобы, говоря по-современному, «экранизирован», а то, что имеет широкую и одинаковую везде популярность,— как одна и та же «фильма», с успехом шедшая в разных городах. «*Повсесердно утвержден*» — тоже правда: портреты Игоря-Северянина украшали будуары светских и особенно полусветских дам («демимондэнок», как их называл поэт) и комнатки восторженных гимназисток. «*Я покорил Литературу! Взорлил, гремящий, на престол!*» — это намек на сборник «Громокипящий кубок», которым Северянин действительно ворвался в литературу и о котором суровый мэтр русского символизма Федор Сологуб написал: «Когда возникает новый поэт, душа бывает взволнованна, как взволнованна бывает она приходом весны». Даже *Порт-Артур* поминается не всуе: поэт жил в знаменитой крепости вместе с отцом в канун русско-японской войны...

«*Я, гений...*» — это, конечно, поэтическая гипербола. В начале века многие поэты играли в «гениев». Но то, что Игорь-Северянин — истинный поэт, поэт Божиею милостию, при-

знавали в разное время В. Брюсов, А. Блок, Ф. Сологуб, М. Горький, В. Маяковский, Н. Гумилев, Б. Пастернак, О. Мандельштам — и не только они.

Знал себе цену и сам поэт. Когда в феврале 1918 г. в зале Московского Политехнического музея любители поэзии провозгласили его «королем поэтов», отодвинув на второе место Маяковского, Северянин отнесся к этому серьезно, даже написал «Рескрипт короля»:

Я избран королем поэтов,
Да будет подданным светло.

И с этого времени начал строить свою биографию как биографию живого классика. В 1920-е гг. он пишет три большие мемуарно-автобиографические поэмы: «Роса оранжевого часа», «Падучая стремнина», «Колокола собора чувств», где подробно рассказывает о своем становлении и первых литературных шагах и успехах. Начинает он, как положено, с родословной.

Игорь-Северянин — псевдоним Игоря Васильевича Лотарева. Написание через дефис, довольно быстро утраченное в массовых изданиях, должно было подчеркнуть, что «Северянин» — это не фамилия, а как бы второе имя (по типу Александр Невский). Приложение указывало на глубокую любовь автора к русскому Северу и привносило некий элемент царственного величия:

Кто я? Я — Игорь-Северянин,
Чье имя смело, как вино!

И. В. Лотарев родился 4 (16) мая 1887 г. в Петербурге. По отцовской линии он происходил из владимирских купцов. Отец поэта Василий Петрович Лотарев, сын крепостного, стал военным инженером; его старший брат Михаил Петрович — известным инженером-технологом, директором крупных ткацких фабрик, а сестра Елизавета (по мужу Журова) владела картонным заводом на реке Андоге, близ Череповца. От названия этой реки взял свой псевдоним ее сын Виктор Журов — Vittorio Andoga — прекрасный оперный баритон, знакомец Л. В. Собинова, бывший в 1920—30-х гг. режиссером знаменитого миланского театра «La Scala».

Дедом поэта с материнской стороны был родственник А. Фета — Степан Сергеевич Шеншин, предводитель дворянства Щигровского уезда Курской губернии. В родстве с Шеншиными были известные дворянские фамилии Клейнмихелей, Нелидовых, Дуков, Карамзиных (последнее обстоятельство особенно льстило Северянину, подчеркивавшему, «что

в жилах северного барда струится кровь Карамзина»). Мать поэта Наталия Степановна была в первом браке за военным инженером генералом-лейтенантом Г. И. Домонтовичем, и по этой линии в родстве с Игорем-Северянином состояли Е. К. Муравинская, по сцене Мравина, замечательное колоратурное сопрано Мариинского театра, революционерка А. М. Коллонтай, композитор В. В. Салов (автор оперы «Шурка»). Поэт Давид Бурлюк, знавший Северянина, отмечал в нем сходство с екатерининским вельможей и природный столичный аристократизм: «В Северянине большая тонкость столицы, большое спокойствие, выдержка, знание себе цены».

До девятилетнего возраста будущий поэт жил в Петербурге; там же в 1896 г. написал свое первое стихотворение «Звезда и Дева». В том же году в семье произошла размолвка, и отец, вышедши в отставку, переехал в «северную глушь» помогать сестре в управлении заводом — и взял с собою сына. Отроческие годы Северянина прошли в уездном Череповце, где он закончил, без особенных успехов, четыре класса реального училища. На каникулах он уезжал из нелюбимого им «ничтожного города» за тридцать верст к тетке, в живописное деревенское имение Сойвола, на берегу «лазурной Суды». Там его дядя выстроил для большой семьи великолепную дачную усадьбу.

В автобиографии, написанной для «Словаря русских писателей» С. А. Венгерова, Северянин писал (о себе — в третьем лице): «Там, на любимой Суде, Игорь проводил летние каникулы, лишь изредка отпускаемый в Петербург к матери, и там же он познал первую (идеальную) любовь к кузине Лиле, дочери брата отца, которая была на 5 лет его старше. Автор осознал себя поэтом благодаря этой любви». Этой «лилиесердой Лилит» (Елизавете Михайловне Лотаревой) Игорь усердно посвящал первые свои стихи. Вспоминал об этом и позднее:

Шексна моя, и Ягорба, и Суда,
Где просияла первая любовь,
Где стать поэтом в силу самосуда
Взбурленная мне предрешила кровь.

В 1904 г. после кратковременного пребывания с отцом на Дальнем Востоке, Игорь вернулся к матери и поселился под Петербургом, в Гатчине, о которой позднее писал в стихотворении «Музей моей весны»:

О милый тихий городок,
Мой старый верный друг,

Я изменить тебе не мог
И, убежав от всех тревог,
В тебя въезжаю вдруг!..

В Гатчине Северянин пережил самую глубокую любовь (к Евгении Тимофеевне Гуцан, которую в стихах поэтически называл «Златой»). Эту любовь он искренне описал в поэме «Злата» (1909) и в стихотворном романе «Падучая стремнина» (1922). С Гатчиной связаны и первые поэтические удачи Северянина — например, замечательное стихотворение «Весенний день» (1911).

В литературу он входил трудно. Начал с серии патриотических стихов, посвященных событиям русско-японской войны: «К предстоящему выходу Порт-Артурской эскадры», «Подвиг Новика» и т. п. Одно из этих стихотворений было напечатано в солдатском журнале «Досуг и дело». День выхода этого номера журнала — 1 февраля 1906 г.— поэт считал днем начала своей литературной деятельности. Однако за этим началом не последовало никакого продолжения: все прочие его патриотические «опыты», разосланные по разным редакциям, были возвращены обратно.

Тогда Игорь Лотарев попробовал себя в стихотворной юмористике и под разными псевдонимами (Игла, Граф Евграф д'Аксанграф и др.) напечатался во второсортных петербургских изданиях («Колокольчик», «Газетчик») и в некоторых провинциальных газетах. Ни успеха, ни денег эти публикации тоже не принесли.

К 1907 году он понял, что истинное его призвание — лирика, и своими поэтическими учителями определил Мирру Лохвицкую и Константина Фофанова. Северянин поддержал придуманный самой Миррой Лохвицкой образ вакхической «русской Сафо». Из ее поэзии он заимствовал многочисленные эпиграфы к собственным стихам, некоторые темы и образы (например, Балькис Савскую). Наконец, ее именем была названа придуманная поэтом страна грез, фантазии, поэзии — Миррэлия,

Где нет ни больных, ни лекарства,
Где люди не вроде людей...

С К. М. Фофановым Северянин познакомился в Гатчине 20 ноября 1907 г. (день, который он потом ежегодно отмечал), и этот неровный, но тонкий лирик первым оценил его поэтический талант:

О Игорь, мой единственный,
Шатенный трубадур!

Люблю я твой таинственный
Лирический ажур.

Лирические стихи Игоря Северянина газеты и журналы тоже не печатали. Поэт выпускал их отдельными брошюрками (от 2-х до 24-х страничек). С 1904 по 1912 гг. он издал (в основном, на средства дяди М. П. Лотарева) 35 таких тоненьких книжечек. Северянин аккуратно рассылал их по редакциям газет «для отзывов», но «отзывов» не было... Успех пришел неожиданно и даже скандально.

12 января 1910 г. стихи Северянина прозвучали в Ясной Поляне: журналист И. Наживин прочитал Льву Толстому брошюрку «Интуитивные краски». Толстой с негодованием высказался о ничтожестве современной русской поэзии и привел в качестве примера начальные стихи северянинской «Хабанеры II»:

Вонзите штопор в упругость пробки,
И взоры женщин не будут робки...

«Об этом,— вспоминал позднее Северянин,— мгновенно всех оповестили московские газетчики... после чего всероссийская пресса подняла вой и дикое улюлюканье, чем и сделала меня сразу известным на всю страну!.. С тех пор каждая моя новая брошюра тщательно комментировалась критикой на все лады, и с легкой руки Толстого, хвалившего жалкого Ратгауза в эпоху Фофанова, меня начали бранить все, кому не было лень. Журналы стали охотно печатать мои стихи, устроители благотворительных вечеров усиленно приглашали принять в них,— в вечерах, а может быть, и в благотворителях — участие...»

Но не все только бранили. Неожиданно для Северянина о нем лестно отозвался Валерий Брюсов: в октябре 1911 г. написал ему поощрительное письмо, а затем напечатал положительную рецензию на брошюру «Электрические стихи». Поэты посвятили друг другу послания, а в 1914 г. Брюсов написал одну из первых обстоятельных статей о северянинской поэзии.

В 1912 г. Игоря-Северянина приветил другой выдающийся поэт русского символизма Ф. К. Сологуб. Он представил молодого поэта петербургскому литературному миру на специально организованном вечере в своем салоне на Разъезжей улице, пригласил его в турне по России, начатое в Минске и законченное в Кутаиси. А главное — предпослал радостно-восторженное предисловие к первому большому сборнику Северянина «Громокипящий кубок», вышедшему в 1913 г.

Возможно, что Ф. Сологуб предложил название сборника и помог его составить: в составе и расположении стихотворений чувствуется опытная рука мастера и сологубовская суховатая элегантность.

«Громокипящий кубок» — лучший сборник Игоря-Северянина и явление в русской поэзии начала века, о чем и написал Сологуб в предисловии. Это — книга яркая, талантливая и свободная от всяких влияний. В ней отразились все лучшие качества Северянина-поэта: искреннее и упоенное приятие мира, умение точно и пластично его живописать, острота лирических переживаний, оригинальная стихотворная техника. На фоне подчеркнуто серьезных, с прорывами в «теургию» стихов символистов поэзия «Громокипящего кубка» выглядела «глуповатой» и истинной: в ней изначальное, бездумное переживание радости жизни и мира — как в первый раз увиденного и навсегда прощенного:

Шумите, вешние дубравы!
Расти, трава! цвети, сирень!
Виновных нет: все люди правы
В такой благословенный день!

Но выхода даже очень хорошего поэтического сборника для всероссийской славы было мало. Эту славу Северянину принесли «поэзоконцерты», с которыми он объездил чуть ли не всю Россию, а позднее, после революции, выступал в Европе.

Кто не слышал меня, тот меня не постиг
Никогда-никогда, никогда-никогда!

...Много лет спустя, зимой 1931 года Северянин читал свои стихи в Париже. На его вечер пришли все русские эмигранты. И не потому, что все любили его стихи, а потому, что захотели вспомнить родину. Об этом замечательно написала в письме к поэту (неотправленном) Марина Цветаева: «Ваш зал... Зал — с Вами вместе двадцатилетних... *Себя* пришли смотреть: *свою* молодость: *себя* тогда, свою последнюю — как раз успели! — молодость, любовь...» Поэзоконцерты Северянина были такой же приметой России 1910-х годов, как синематограф, выступления Вари Паниной, Анастасии Вяльцевой, «Пьеро»-Вертинского.

Игорь-Северянин не читал свои стихи со сцены, как это, лучше или хуже, делали многие поэты. Он исполнял их в необычной подчеркнуто острой эстрадной подаче, и делал это, если верить воспоминаниям современников, мастерски:

Позовите меня — я прочту вам себя,
Я прочту вам себя, как никто не прочтет...

У него был хорошо поставленный от природы голос, которым поэт владел безукоризненно, абсолютный слух, тонкая музыкальность и изощренное чувство ритма. Композитор Сергей Прокофьев видел в Северянине дар музыканта, приводя в пример знаменитый «Квадрат квадратов» как построение, аналогичное контрапункту и фуге. В «Квадрате квадратов» — форме, изобретенной Северянином,— в одном четверостишии 16 пересекающихся рифм:

Никогда ни о чем не хочу говорить...
О поверь! Я устал, я совсем изнемог...
Был года палачом,— палачу не парить...
Точно зверь, заплутал меж поэм и тревог...

Для эстрады нужна была постоянная, оригинальная, но легко узнаваемая маска. У Северянина это была маска эстета-гения, русского Оскара Уайльда, равнодушного к своей славе. Современники, видевшие его выступления, рассказывают, что исполнял он свои «поэзы» подчеркнуто отстраненно, не вступая в контакт с публикой, будто бы даже слегка презирая ее. Он не жестикулировал: руки за спиной или скрещены на груди,— взгляд устремлен куда-то вдаль, поверх голов. Читая стихи, Северянин не подчеркивал смысла, а наоборот, затруднял его восприятие неожиданными интонациями, паузами, растягиванием гласных звуков. От начала к концу чтения распевность все больше нарастала, чтение почти превращалось в пение (сохранились ноты некоторых мелодий, на которые читал Северянин, записанные композитором С. Ф. Дешкиным). Закончив чтение, автор быстро уходил с эстрады, не удостоив публику даже взглядом, и, несмотря на ее восторги, на поклоны больше не выходил.

У Северянина сложился большой круг почитателей. «Громокипящий кубок» за пять лет (с 1913 по 1918) выдержал десять изданий. Последующие сборники: «Златолира» (1914), «Ананасы в шампанском» (1915), «Victoria Regia» (1915), «Поэзоантракт» (1915), «Тост безответный» (1916) — также переиздавались неоднократно. Сборники — Северянин называл их «томами поэз» и вел последовательную нумерацию — строились тремя способами. В сборники первого типа включалось много ранних (и часто слабых) стихотворений, к которым прибавлялись стихи последнего времени, среди которых было несколько «коронных» (таковы «Златолира», «Ананасы в шампанском»). Второй тип — сборник, включавший стихи

одного года («Тост безответный», «Соловей»). И, наконец, книги избранного («За струнной изгородью лиры», «Поэзоконцерт»).

Книги и концерты Северянина стали, наряду с кинематографом и цыганским романсом, фактом массовой культуры начала века. Северянин, как и Маяковский,— поэт улицы, городской толпы. Он тоже пытался дать язык «безъязыкой» улице. Но если Маяковский обращался к «отверженным» города, то Северянин — к пестрому городскому люду: мещанам, гимназистам, бедным студентам, горничным и белошвейкам он предлагал язык грез. Для них интригующие, новые и не совсем понятные слова: *ландолет бензиновый, моторный лимузин, шалэ березовое, осени berceuse, шоколадная шаплэтка* и т. п.— оставались только словами, знаками недостижимой «шикарной» жизни, которая вместо традиционных окороков и наливок предлагает «мороженое из сирени» и «ананасы в шампанском»:

Сударыни, судари, надо ль? — не дорого — можно без прений...
Поешь деликатного, площадь: придется товар по душе!

Недаром же Северянин был учеником Сологуба, провозгласившего привилегией поэта творить «сладостную легенду» о жизни, существующей только в мечте, «на Звезде Маир» или «Земле Ойле». «Шикарная» жизнь северянинского мира с ее многочисленными «деликатесами» была такой же «творимой легендой», которая, в сущности, оставалась недоступной не только для «площади», но и для самого «грезэра»...

На почитателей поэта лавиной обрушивались его незамысловатые неологизмы (*лесофея, лилиебатистовый, озерзамок, полднелень* и т. п.), яркие словосочетания (*арфеет ветер, губы веснеют, влекусь я в моревую сквозь*),— «И что ни слово — то сюрприз!» Публике нравилась необыденная «изящная» жизнь принцесс и королев где-нибудь в романтической стране Миррэлии, «краю ландышей и лебедей». В Миррэлии правит добрая королева Ингрид, есть там и признанная поэтесса — Балькис Савская (так, кстати, Северянин называл свою гражданскую жену Марию Домбровскую). Эта страна «не видна никому» — и поэтому ее минуют войны и революции... Другой части публики нравились северянинские «грезэрки» и «эксцессерки», скандально попирающие общепринятые нормы. Поэт обещал:

В группе девушек нервных, в остром обществе дамском
Я трагедию жизни претворю в грёзо-фарс...—

И, надо признать, с успехом это делал.

Современные Северянину литературные направления усложняли и без того непростую действительность. Он же, наоборот, упрощал ее, доводя до примитива:

Мой мозг прояснили дурманы,
Душа влечется в Примитив...

Влечение, на первый взгляд, неожиданное. Северянин представал как создатель неологизмов и словесных диковинок, как автор манерных «хабанер», «прелюдов», «вирэлэ» и прочих изысканных форм. Он, между прочим, изобрел десять новых строфических форм поэзии (таких, как *миньонет, кэнзель, рондолет, дизэль, лэ, квинтина, квадрат квадратов*), которые активно использовал в своей поэзии и теоретически описал в 1933 г. в труде «Теория версификации». Эта — внешняя — сторона его творчества, свидетельствующая о необыкновенной виртуозности поэта, могла создавать впечатление усложненности его стихов. Впечатление это явно обманчиво.

У Северянина часты характерные названия: «Примитивный романс», «Элементарная соната», «Четкая поэза». Его несложные неологизмы специфически косноязычны. В основе его излюбленных стихотворных идей — стремление к «детскости», «первобытности», «дикарству».

Книга «Громокипящий кубок» состоит из четырех разделов. Последний («Эго-футуризм») включает стихи, содержащие некие теоретические декларации, от которых поэт вскоре отошел. Предпоследний («За струнной изгородью лиры») представляет собой раннюю попытку Северянина воссоздать в стихах «грезовое царство», будущую «Миррэлию», представившую прозаичную действительность как некую экзотическую реальность... Два же начальных раздела, самые большие по объему, контрастно противопоставлены.

Стихотворения, объединенные в разделе «Сирень моей весны» просты по форме и вполне «элементарны» по содержанию. В совокупности своей они представляют картину того, что, собственно, и занимало Северянина-поэта: любовь в ее светлом и чистом бытии, веселье и безудержная радость жизни, детские «жалости» и «шалости» и природа в ее специфически «дачных» проявлениях: море и солнце, лес и парк, прогулка и рыбалка...

Пойте — пойте, бубенчики ландышей,
Пойте — пойте вы мне —
О весенней любви, тихо канувшей,
О любовной весне...

Северянин здесь представляет мир истинных ценностей бытия — и мир этот оказывается катастрофически удален от «культуры», от «науки» и от тех условностей, которые окружают современного человека. Символами этого мира становятся «Весна» и «Сирень» — два опорных понятия северянинских стихов — Весна, пробуждающая человека к жизни, и Сирень, любимый цветок, олицетворение этого пробуждения.

Последнее стихотворение раздела — «Надрубленная сирень»: тревожное повествование о том, как в бытие этого мира вмешался человек с незаменимым орудием «культуры»:

Согнулись грабли...
Сверкнули сабли,—
И надрубили сирень весны!..

Второй раздел назван в pendant с этим стихотворением: «Мороженое из сирени!» «Надрубленный» символ естественного людского бытия превращается в «культурное» изделие, имеющее денежный эквивалент («полпорции десять копеек...») и предназначенное «площади» в качестве «деликатного» продукта... Так современная жизнь, ушедшая от естественности, уродует природоподобное человеческое бытие.

Это уже «поэзы» в собственном смысле этого слова. Это мир, вывернутый наизнанку; в нем господствует уже не «река форелевая», а «кабриолеты», «ландо» и «аэропланы», не «девочки», а «сюрпризэрки», «куртизанки» и «гурманки»... А вместо поэта — «паж».

Я приказал дать «полный». Я нагло приказал
Околдовать природу и перепутать путь!
Я выбросил шоффэра, когда он отказал,—
Взревел! и сквозь природу — вовсю и как-нибудь!

В этом мире господствует та неподражаемая северянинская ирония, которая восхищала и одновременно настораживала Валерия Брюсова. «Ведь я лирический ироник...» — заметил как-то Северянин. Это очень точное определение: не иронический лирик, а именно «лирический ироник». Носитель иронии, который усмехается над тем, что сам же и воспевает:

Ты пришла в шоколадной шаплетке,
Подняла золотую вуаль...

Ирония, которая не осмеивает и не «отрицает», а лишь усмехается:

И мечты сюрпризэрки
Над качалкой грезэрки
Воплотятся в капризный, но бессмертный эксцесс!

Ирония, которая не казнит, а соглашается с неизбежностью:

Как боа кризантэмное бледно-бледно фиалково!
Им вы крепко затянете мне певучее горло...

Ирония, которая бросается чуждому миру, как кость бросается взбесившейся собаке: на, радуйся, только отстань:

Шуршат истомно муары влаги,
Вино сверкает, как стих поэм...
И закружились от чар малаги
Головки женщин и кризантэм...

Ирония, которая, конечно же, не была понята этими закружившимися «головками», вполне признавшими поэта «своим»:

В будуаре тоскующей нарумяненной Нелли,
Где под пудрой молитвенник, а на ней Поль-де-Кок,
Где брюссельское кружево... на платке из фланели! —
На кушетке загрезился молодой педагог...

Хорошо знавший Северянина поэт и переводчик Г. Шенгели писал о нем: «Игорь обладал самым демоническим умом, какой я только встречал,— это был Александр Раевский, ставший стихотворцем; и все его стихи — сплошное издевательство над всеми и всем, и над собой...»

Каретка куртизанки опять все круче, круче,
И паж к ботинкам дамы, как фокстерьер, прилег...

Своей иронией поэт-«паж» пытался отделить себя от мира, который был в его стихах. Это ему не вполне удавалось — что заметил Брюсов и другие критики. Свой наивный «эготизм», в основе которого лежало традиционно романтическое противопоставление поэта и толпы, Северянин решил обосновать теоретически и стал во главе группы «эгофутуристов».

В 1911 г. он совместно с Константином Олимповым (сыном К. М. Фофанова) образовал кружок «Ego», с которого и начался «эгофутуризм». Через год была создана «Академия эго-поэзии», выпущен манифест Вселенского Эго-футуризма под названием «Скрижали Эго-поэзии». Группа «эгофутуристов» не имела постоянного состава. В разное время в нее входили Грааль Арельский, Василиск Гнедов, Иван Игнатьев, Павел Широков, Георгий Иванов, Дмитрий Крючков. Не было у «эгофутуристов» и серьезной литературной программы: их декларации, главным пафосом которых было восхваление «вселенского эгоизма» как «единственной правдивой и

жизненной интуиции», основывались на популярных философских книжках для самообразования.

Позднее Северянин вспоминал: «Лозунгами моего эгофутуризма были: 1. Душа — единственная истина. 2. Самоутверждение личности. 3. Поиски нового без отверганья старого. 4. Осмысленные неологизмы. 5. Смелые образы, эпитеты, ассонансы и диссонансы. 6. Борьба со «стереотипами» и «заставками». 7. Разнообразие метров». Все это было не чуждо русской поэзии и до появления «эгофутуризма». Становясь лидером «самобытной» поэтической группы, Северянин, по существу, провозглашал себя как неповторимую поэтическую личность,— а потому скоро сам от нее отошел.

Современники, не вдававшиеся в детали соперничества между различными футуристическими течениями, тоже считали Северянина футуристом. Видимо, разногласия действительно не были поначалу серьезными. В 1914 году Северянин вместе с «кубофутуристами» Давидом Бурлюком, Маяковским и Василием Каменским совершил даже турне по Крыму, торжественно названное «Олимпиадой футуризма». Во время Олимпиады, подробно описанной Северянином в поэме «Колокола собора чувств» (1925) и в «Заметках о Маяковском» (1940), произошла его размолвка с «кубо», которая привела к серии полемических выпадов с обеих сторон — как в стихах, так и в критических выступлениях. Эта полемика не помешала, однако, сохранению приятельских отношений Северянина с Маяковским, продолжавшихся и после революции. Сохранились свидетельства современников, что Маяковский на своих поэтических вечерах охотно читал «поэзы» Северянина, тем самым еще больше укрепляя его невероятную популярность.

В 1914—15 гг. поэтическая слава Игоря-Северянина стала действительно «экстазной». Поэзовечера ломились от восторженной публики. Сборники стихов выпускались огромными тиражами — и мгновенно расхватывались. И. А. Бунин с некоторой даже завистью свидетельствовал, что имя Северянина «знали не только все гимназисты, студенты, курсистки, молодые офицеры, но даже приказчики, фельдшерицы, коммивояжеры, юнкера,— не имевшие в то же время понятия, что существует такой русский писатель: Иван Бунин».

Я выполнил свою задачу,
Литературу покорив.
Бросаю сильным на удачу
Завоевателя порыв.

У искушенного читателя стихи Игоря-Северянина и его слава вызывали настороженное удивление. У большей части критиков не только его стихи, но и он сам вызывали растерянность, недоумение, раздражение; диапазон оценок и разброс мнений были исключительны. Итогом восприятия Северянина современниками стал большой сборник «Критика о творчестве Игоря-Северянина» (М., 1916) — издание само по себе беспрецедентное: ни один из знаменитых поэтов, его современников, такого сборника не удостоился.

В одной из статей сборника (С. Боброва) была сделана попытка «представить читателю в некотором хронологическом порядке отношения Северянина и критики», чтобы попытаться определить его место в литературном процессе. Попытка автору статьи не удалась — но и десятилетия спустя из того немногого, что написано о творчестве Северянина, мало что прояснилось. Игорь-Северянин — единственный поэт, который в разное время разными критиками, исследователями и авторами учебников был включен во *все* литературные течения и направления начала века — от предсимволизма до постсимволизма.

Поэтическую генеалогию Северянина (к чему дал основания сам поэт) связывали с предсимволизмом: Фофанов и Лохвицкая — его любимые поэты, назывались еще К. Случевский, А. Апухтин, С. Надсон (С. Бобров). Зинаида Гиппиус считала творчество Северянина «подновленным» декадентством 1890-х гг.; позже его рассматривали как эпигона К. Бальмонта. Основания, казалось бы, вполне достаточные: индивидуализм, самообожествление, культ самодовлеющей личности, культ красоты, понимаемой как внеморальная ценность («Я славлю восторженно Христа и Антихриста...»), преобразование мира в «творимую легенду»...

С младосимволистами Северянина связывают некоторые мотивы, например, «мещанской драмы», «восхождения» (в стихотворении В. Брюсова, посвященном Северянину: «И ты стремишься ввысь, где солнце — вечно...). Тут же — мифологические мотивы борьбы Хаоса и Космоса (например, в «Трагедии Титана»), магия музыки и певческая сила его стихов (К. Чуковский).

С акмеистами Северянина роднит стремление к точности реалий, предметности («Поэза спичечного коробка»), тоска по той культуре, «где чайка взреяла Элладой»...

Кажется, Северянин был близок к футуризму — но «кубофутуристы» его «своим» не признали, он же с ними резко порвал, обвинив в бездарности, ложном новаторстве и глумлении над всем святым:

Меня взорвало это «кубо»,
В котором все бездарно сплошь,—
И я решительно и грубо
Ему свой стих точу, как нож...

Что это? Замечательная поэтическая восприимчивость, «дар перевоплощения» (В. Брюсов) или беззастенчивая подражательность? А. Амфитеатров в разгромной статье о Северянине так и назвал его: «гений подражательности». К тому же и современников, и последующих читателей не покидало ощущение, что серьезные, выстраданные темы русского символизма и постсимволизма Игорь-Северянин снизил, опростил и даже опошлил. То, что было доступно немногим, стало достоянием всех: «Пора популярить изыски...»

Не принимая участия в создании эстетики и поэтики ни одного поэтического направления своего времени, Северянин с его игровым талантом легко принял и ассимилировал их все,— и не как равнодушный эпигон, а чувствуя и понимая зерно каждой. Более того: так же легко он делал иногда то, к чему теоретики и поэты этих течений стремились, но не могли достичь: попытки создания эпоса символистами, тяга к сюжетному повествованию у акмеистов... Естественный песенный дар сочетался у Северянина с талантом рассказчика, что органично реализовалось в трилогии его автобиографических поэм и в «романе в строфах» «Рояль Леандра», ориентированном на пушкинского «Онегина».

И символисты, и постсимволисты стремились, как к недостижимому идеалу, к «неслыханной простоте», выраженной, помимо всего прочего, в младенческой ясности, свежести и наивности. Показательны мучительные поиски в этом направлении А. Блока («Пузыри земли»), мифологические вариации С. Городецкого, «адамизм» — то есть стремление к первозданности — акмеистов, освоение футуристами эстетики примитива. У Северянина это стремление реализовывалось само собой: он поражал и раздражал именно своей обескураживающей наивностью и кажущимся простодушием. Обвинения в безвкусице (В. Брюсов), неотчетливости поэтического пути и понимания назначения поэта (А. Блок) — его совершенно не трогали. «Дурной вкус» входил в поэтическое задание как неизбежный элемент демократизации и «эстрадизации» поэзии.

Современники отмечали у Северянина «способность рисовать, что видит» (В. Брюсов), тяготение к описательности (З. Гиппиус). Особенно это относится к северянинским описаниям природы: в лучших стихах поэта они достигают редкой

точности и выразительности, не осложненной ни мистическими, ни культурологическими, ни какими-либо другими ассоциациями и аллюзиями:

Голубые голуби на просторной палубе.
А дождинки капали,— голуби их попили.
На просторной палубе голубые голуби
Все дождинки попили, а дождинки капали.

Находящихся рядом экзотизмов и «изысков» поэт как бы не замечает,— но и не скрывает несложного «механизма» их создания: обыкновенную маленькую дачу можно назвать «шалэ», деревенского мужика «поселянином», а севши на извозчика — вообразить себя «в комфортабельной карете на эллиптических рессорах»...

По собственному признанию Северянина, декаданс был органически чужд его натуре. Он ощущал себя поэтом, промежуточным между «классикой» и «авангардом». Авангард, усвоив художественные идеи и формы предшествующего искусства, затем разрушает его и из обломков пытается создать новый язык. Северянин, повторив путь русской поэзии начала века и много усвоив в ней, не разрушал ее окончательно (вспомним: «поиски нового без отверганья старого»), а сознательно или невольно снижал, травестировал и на этой основе создавал свои поэтические формы и собственный стиль поэтического мышления.

Северянину удивлялись — к нему привыкали. Его ждала беда многих тогдашних поэтов (К. Бальмонта, В. Брюсова, Н. Гумилева) — самоповторение. Ф. Сологуб ценил в «Громокипящем кубке» прежде всего свободу и легкость. В следующих сборниках поэт их понемногу утрачивал: писал он быстро и много, и над ним уже довлела слава и необходимость потакать публике, знающей, чего она хочет.

В России нарастали трагические события — отношение к ним поэта оказывалось детски наивным и несерьезным. В августе 1914 г. он пишет серию восторженных «приветствий» начавшейся мировой войне:

Когда отечество в огне,
И нет воды, лей кровь, как воду!..

Уже в сентябре он опомнился:

Не разрешайте спора кровью,—
Ведь спор ничем не разрешим!..

Но его поэтическое слово было сказано, распространилось по России,— и как потом сам Северянин ни уточнял свои призы-

вы, как ни отказывался от них, они навсегда легли черным пятном на его поэтическую биографию.

У Северянина много стихов, посвященных первой мировой войне. Основной их мотив — война против поэзии и мешает жизни поэтов:

Искусство в загоне — сознаемся в этом!
Искусство затмила война.
Что делать в разбойное время поэтам,
Поэтам, чья лира нежна?..

Точно так же ему чужды революция и гражданская война, равно противны и «красные», и «белые»:

Сегодня «красные», а завтра «белые» —
Ах, не материи! Ах, не цветы! —
Людишки гнусные и озверелые,
Мне надоевшие до тошноты.

Причиной же «всяких зол» мира становится политика:

Долой политику — сатанье наважденье!
Пребудем братьями! Какое наслажденье
Прожить в содружестве положенные дни!
Долой политику, мешающую слиться
В любви и равенстве! Да прояснятся лица!
Нет «друга» и «врага»: есть *люди* лишь одни!

Однако неучастие в политике не спасает от ее последствий. Неизвестно, как бы сложилась судьба Игоря-Северянина, не окажись он после революции в эмиграции.

Еще с 1915 г. Северянин иногда проводил лето в Эстонии, где отдыхали многие петербургские интеллигенты (в том числе Ф. Сологуб). Северянин отдыхал в маленьком полукурортном-полурыбацком поселке Тойла на берегу Финского залива. В январе 1918 г. он привез сюда из голодного революционного Петрограда больную мать и решил «на время» поселиться здесь сам: кончатся революции, установится мир — и он вернется обратно. Но Северянину суждено было «застрять» в Эстонии на всю оставшуюся жизнь, хотя сам он себя эмигрантом не считал. В 1930 г., встретившись с полпредом СССР Ф. Ф. Раскольниковым, он сказал ему об этом: «Прежде всего я не эмигрант и не беженец. Я просто дачник. С 1918 г. В 1921 г. принял эстонское гражданство. Всегда был вне политики. Рад каждому, кто рад мне...»

Впрочем, один раз, в феврале 1918 г., ему пришлось выехать со своей «дачи» в Москву. Там 14 (27) февраля состоялись выборы короля поэзии, о чем предварительно сообщили

газеты: «Поэты! Учредительный трибунал созывает всех вас состязаться на звание короля поэзии. Звание короля будет присуждено публикой всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием. Всех поэтов, желающих принять участие в великом, грандиозном празднике поэтов, просят записываться в кассе Политехнического музея...»

Игорь-Северянин был провозглашен «королем поэзии». Вице-королем стал Владимир Маяковский. Третье место занял Константин Бальмонт, или, по другим сведениям, «поэт-авиатор» Василий Каменский.

Свидетельства современников об этом избрании очень противоречивы. Согласно одним воспоминаниям, председательствовал на «поэзовечере» видный ученый и критик П. С. Коган, согласно другим — клоун В. Л. Дуров. Одни мемуаристы вспоминают, что на этом вечере Северянин был «в ударе» и мастерски читал новые стихи; другие отмечают, что приехал он «к концу вечера» и вяло прочитал несколько ранних «поэз». В некоторых воспоминаниях указывается, что избрание Северянина было чуть ли не спровоцировано кубофутуристами (в том числе и Маяковским, провозгласившим лозунг: «Долой королей — теперь они не в моде!»); в других замечено, что футуристы протестовали против «нечестности» выборов и успех Северянина был Маяковскому явно неприятен...

Дабы объяснить эту «несправедливость», мемуаристы кивают на публику: дескать, «загипнотизированная» манерой чтения Северянина, публика не разобралась в истинных поэтических ценностях... Дело, вероятно, в другом. Любители поэзии первых месяцев революции вряд ли были чересчур «элитарной» публикой. Им должна была импонировать именно северянинская «простота» и открытость, в которой даже «парфюмерно-галантерейные» изыски оказывались достаточно грубым «кушаньем» для «площади»: публике во все времена не чуждо стремление к «деликатному». Да и само избрание «короля» было, что называется, дело «деликатное»: после голосования состоялось «чествование и увенчание мантией и венком короля и кандидата» — церемония, которая приоткрывала шутливую атмосферу целого...

Между тем Северянин отнесся к этому событию вполне серьезно: после вечера в Москве был выпущен альманах, на обложке которого был помещен портрет с надписью: «Король поэтов Игорь-Северянин».

Отныне плащ мой фиолетов,
Берета бархат в серебре:

Я избран королем поэтов
На зависть нудной мошкаре.

Оказавшись в Эстонии (которая вскоре была оккупирована немецкими войсками, а в феврале 1920 г. стала самостоятельным государством), «король поэтов» продолжал писать стихи. Количество выходивших сборников было поначалу не меньше, чем в России: в 1919—1923 гг. вышло 9 его поэтических книг («Миррэлия», «Вервена», «Соловей», «Менестрель», «Pühajõgi», «Фея Eiole», «Трагедия Титана» и др.). Правда, тиражи были уже не те, и большого литературного заработка сборники не приносили. Северянин почти безвыездно живет в той же приморской деревне («на земле в красоте»).

В 1921 г. он впервые выехал за пределы Эстонии: начались его европейские гастроли. Сначала он выступил в Латвии и Литве, а затем, в разные годы, побывал в Германии, Финляндии, Польше, Чехословакии, Болгарии, Югославии, Румынии, Франции. Гастроли проходили успешно: слава северянинских поэзоконцертов еще не угасла. Однако зрители скоро заметили изменения и в новых стихах поэта, и в манере их подачи. Свои старые стихи он исполнял по-старому: наполовину читал, наполовину пел; новые же — именно читал, декламировал. «Северянин стал совсем другой, он больше не подвывает, а читает, как все, вырос, стал мудр и прост» (Г. Адамович).

Новая манера чтения знаменовала демонстративный отход поэта от «эстрадности», от массовой низовой городской культуры. Он позволяет себе издеваться, третировать публику, привыкшей к «старому» Северянину,— и делает это совсем в манере раннего Маяковского:

Мясо наелось мяса, мясо наелось спаржи,
Мясо наелось рыбы и налилось вином.
И расплатившись с мясом, в полумясном экипаже,
Вдруг покатилось к мясу в шляпе с большим пером.
Мясо ласкало мясо и отдавалось мясу,
И сотворяло мясо по прописям земным.
Мясо болело, гнило и превращалось в массу
Смрадного разложенья, свойственного мясным.

Стихотворение называется «Поэза «Villa mon repos» — по названию модного таллиннского ресторана, где в сентябре 1921 г. Северянин дал несколько концертов.

В 1930 г., после гастрольной поездки Северянина в Югославию и Болгарию, одна из газет писала: «Я — гений Игорь-Северянин» превратился просто в хорошего и, если позволи-

тельно так выразиться, в «нормального» русского поэта. И эта метаморфоза пошла ему на пользу. Именно теперь, когда выплеснуты «ананасы в шампанском», брошены «каретки куртизанок» и прочие, давно обратившиеся в хлам реквизиты,— особенно выделяется в Северянине то, что самоценно в каждом художнике — его своеобразное и значительное дарование... Годы не прошли бесследно. Огонь революции опалил пышный серпантин придуманных слов, ветры изгнания сдули пудру претенциозности,— поэт вырос духовно; прежние юношеские наряды, в которых погоня за вкусом убивала самый вкус, ему уже не по плечу. Появилось в нем и то новое от подлинно прекрасного, что можно почерпнуть только из источников нашей классической поэзии».

Эти наблюдения интересны не просто как свидетельство современника, но и как попытка объяснения той метаморфозы, которая произошла с Игорем-Северянином, который в начале 1920-х гг. провозгласил культ поэтической простоты, обыденности, «безвыкрутасности»:

И после Белого и Блока,
Когда стал стих сложней, чем танк,
Влюбленный в простоту глубоко,
Я простотой иду va banque!

И тут же: «Чем проще стих, тем он труднее...» Стихия безыскусственной естественности никогда не была чужда Северянину — теперь он возвращается к простоте русской классической традиции.

За границей Северянин пишет стихи разного достоинства,— но теперь они вполне обычны, традиционны и не «узнаваемы» (как можно было «узнать» Северянина по одной строфе из «Громокипящего кубка»!). Интерес к нему и его стихам постепенно падает, материальное положение становится все сложнее. Его иногда печатают эмигрантские газеты, но все чаще он вынужден «перебиваться» переводами из эстонской поэзии. После сборника избранного «Трагедия Титана», вышедшего в Берлине в 1923 г., следующий его сборник — «Классические розы» — выходит в Белграде только в 1931 г. Он оказался последним большим сборником его лирики. В рукописях остались подготовленные сборники «Ручьи в лилиях», «Настройка лиры», «Литавры солнца», «Рассказы в ямбах», «Очаровательные разочарованья»...

Чтобы свести концы с концами, поэт сам продавал «по знакомым» свои старые сборники, обивал пороги правительственных учреждений, ходатайствуя о помощи. В письме к болгарскому ученому С. Чукалову он сообщал о себе: «Мы

уже вторую неделю питаемся картошкой с крупной кристаллической солью... Вокруг — звереющий мир и убивающее душу равнодушие... К сожалению, новых книг не пишу. Не для кого». Последнее — неправда. Северянин продолжал писать стихи до последних дней жизни: он не мог не писать.

Последние произведения Северянина ясны и просты: картины природы и человека в его единении с природой, воспевание подлинной человеческой любви, воспоминания о прошлом, раздумья над собственной судьбой, тоска по утраченной родине, окрашенная грустью и ностальгией:

И грезы ломкие и хрусткие
Влекут к волнующему сну:
Я снова вижу реки русские —
Нелазу, Суду и Шексну...

В романтизированной дымке возникает перед поэтом прошлое, остро ощущаемое им на чужбине как некая изначальность человеческого бытия:

А в мире все цветет сирень,
Весенний наступает день,
Чарует рокот соловьиный,
И людям так же снятся сны
Обманывающей весны...

При всех изменениях тематики, поэтики, стиля послереволюционных его стихотворений, остается неизменным одно качество Северянина-лирика: он не жалуется, редко пишет о трудностях и страдании. У Северянина осталось замечательное чувство поэзии не только как формы самовыражения, но и как способа существования в мире. Его поэзия привлекает ничем не замутненным присутствием мечты и безмятежности и мира и любви:

Соловьи монастырского сада,
Как и все на земле соловьи,
Говорят, что одна есть отрада
И что эта отрада — в любви...

Это стихотворение, посвященное С. В. Рахманинову, входит в цикл «На колокола» навеянный посещением Куремяэского женского монастыря в Эстонии. Глядя на монахинь, поэт не может понять, как можно умерщвлять плоть, если

Эти цветы, эти птицы,
Запахи, неба кайма,
Что теплотой золотится,—
Попросту сводят с ума...

...В августе 1940 г. Эстония была официально присоединена к Советскому Союзу. Северянин (который в это время жил в Нарва-Йыэсу) был уже совершенно больным. Он не замедлил с проявлениями лойяльности новому режиму: начавшая выходить в Нарве газета «Советская деревня» печатает его новые стихи: «Привет Союзу», «Наболевшее», «В наш праздник». В них не было уже почти ничего от «былого» Северянина; последнее из названных стихотворений кончалось распространенным в те годы призывом:

Наш дух навсегда овесенен.
Мы верим в любви торжество.
Бессмертный да здравствует Ленин
И Сталин — преемник его!

Но подобные публикации, несмотря на откровенное «лицедейство», все-таки остались на периферии литературного сознания. Некоторые из них попали в центральную печать (журналы «Красная новь» и «Огонек»),— но идеологические вожди предпочли не обратить внимания на эти «политические декларации». Возможно, они чувствовали, что Северянин ни при каком режиме органически не сможет стать «придворным» поэтом...

Началась война. Когда фашисты вступили на территорию Эстонии, больной поэт посылает телеграмму М. И. Калинину, обращается к Председателю Президиума Верховного Совета Эстонской ССР И. Варесу с просьбой помочь ему эвакуироваться в тыл. Помощь ему оказана не была.

Он умер от сердечной недостаточности в оккупированном Таллинне 20 декабря 1941 г.

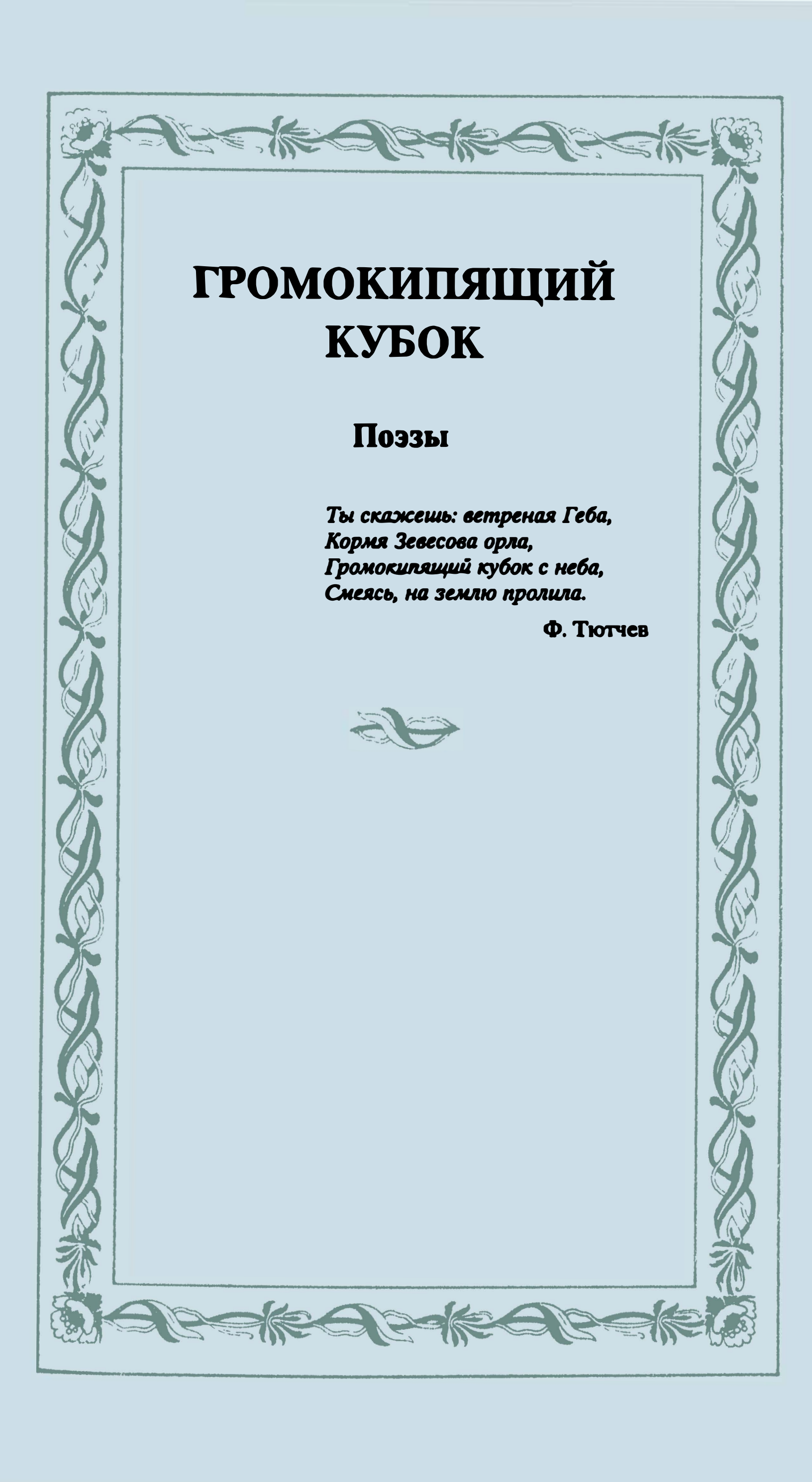
«Это — настоящий, свежий, детский талант»,— написал о Северянине Александр Блок. Осип Мандельштам в рецензии на «Громокипящий кубок», отметив очевидные недостатки поэзии Северянина, счел нужным добавить: «И все-таки легкая восторженность и сухая жизнерадостность делают Северянина поэтом. Стих его отличается сильной мускулатурой кузнечика. Безнадежно перепутав все культуры, поэт умеет иногда дать очаровательные формы хаосу, царящему в его представлении. Нельзя писать «просто хорошие» стихи. Если «я» Северянина трудно уловимо, это не значит, что его нет».

Поэтому интерес к творчеству Игоря-Северянина в России, хотя временами ослабевал, но никогда не исчезал окончательно. Любовь к нему читателей обусловливалась тем, что это «поэт с открытой душой» (так назвал его тот же Блок). Он умел во всех проявлениях действительности находить «си-

янье жизни и тепла», радость, добро и бестрепетное наслаждение. У него было замечательное чувство поэзии — не только как формы самовыражения, но и как способа существования в мире.

Поэтому «северянинская» ветвь не исчезает из русской поэзии XX века. Рефлексы ее проявляются в разное время и в разных стилях — от чисто эстрадной, развлекательной поэзии до изысканного, построенного на интеллектуальной игре творчества обэриутов или современных «концептуалистов».

В. А. Кошелев, В. А. Сапогов

ГРОМОКИПЯЩИЙ КУБОК

Поэзы

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

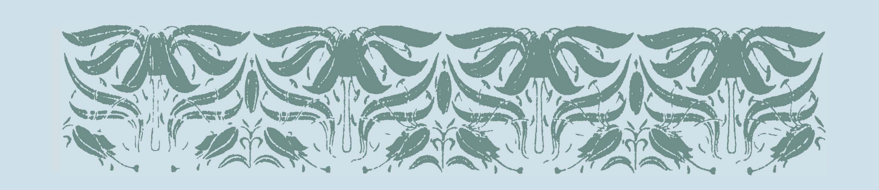
Ф. Тютчев

АВТОПРЕДИСЛОВИЕ

Я — противник автопредисловий: мое дело — петь, дело критики и публики судить мое пение. Но мне хочется раз навсегда сказать, что я, очень строго по-своему, отношусь к своим стихам и печатаю только те поэзы, которые мною не уничтожены, т. е. жизненны. Работаю над стихом много, руководствуясь только интуицией; исправлять же старые стихи, сообразно с совершенствующимся все время вкусом, нахожу убийственным для них: ясно, в свое время они меня вполне удовлетворяли, если я тогда же их не сжег. Заменять же какое-либо неудачное, того периода, выражение «изыском сего дня» — неправильно: этим умерщвляется то, сокровенное, в чем зачастую нерв всей поэзы. Мертворожденное сжигается мною, а если живое иногда и не совсем прекрасно,— допускаю, даже уродливо,— я не могу его уничтожить: оно вызвано мною к жизни, оно мне мило, наконец, оно — мое!

Игорь-Северянин

I. СИРЕНЬ МОЕЙ ВЕСНЫ

ОЧАМ ТВОЕЙ ДУШИ

Очам твоей души — молитвы и печали,
Моя болезнь, мой страх, плач совести моей,
И все, что здесь в конце, и все, что здесь в начале,—
        Очам души твоей...

Очам души твоей — сиренью упоенье
И литургия — гимн жасминовым ночам;
Все — все, что дорого, что будит вдохновенье,—
        Души твоей очам!

Твоей души очам — видений страшных клиры...
Казни меня! пытай! замучай! задуши! —
Но ты должна принять!.. И плач, и хохот лиры —
        Очам твоей души!..

Мыза Ивановка
1909. Июнь

СОЛНЦЕ И МОРЕ

Море любит солнце, солнце любит море...
Волны заласкают ясное светило
И, любя, утопят, как мечту в амфоре;
А проснешься утром,— солнце засветило!

Солнце оправдает, солнце не осудит,
Любящее море вновь в него поверит...
Это вечно было, это вечно будет,
Только силы солнца море не измерит!

1910 Август

ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ

Дорогому К. М Фофанову

Весенний день горяч и золот,—
Весь город солнцем ослеплен!
Я снова — я: я снова молод!
Я снова весел и влюблен!

Душа поет и рвется в поле,
Я всех чужих зову на «ты»...
Какой простор! какая воля!
Какие песни и цветы!

Скорей бы — в бричке по ухабам!
Скорей бы — в юные луга!
Смотреть в лицо румяным бабам!
Как друга, целовать врага!

Шумите, вешние дубравы!
Расти, трава! цвети, сирень!
Виновных нет: все люди правы
В такой благословенный день!

1911. Апрель

В ГРЕХЕ — ЗАБВЕНЬЕ

Ты — женщина, и этим ты права

Валерий Брюсов

Вся радость — в прошлом, в таком далеком
и безвозвратном,
А в настоящем — благополучье и безнадежность.
Устало сердце и смутно жаждет, в огне закатном,
Любви и страсти; — его пленяет неосторожность...

Устало сердце от узких рамок благополучья,
Оно в уныньи, оно в оковах, оно в томленьи...
Отчаясь грезить, отчаясь верить, в немом безлучьи,
Оно трепещет такою скорбью, все в гипсе лени...

А жизнь чарует и соблазняет, и переменой
Всего уклада семейных будней влечет куда-то!
В смущеньи сердце: оно боится своей изменой
Благополучье свое нарушить в часы заката.

Ему подвластны и верность другу, и материнство,
Оно боится оставить близких, как жалких сирот...
Но одиноко его биенье, и нет единства...
А жизнь проходит, и склеп холодный, быть может,
вырыт...

О, сердце! сердце! твое спасенье — в твоем безумьи!
Гореть и биться пока ты можешь,— гори и бейся!
Греши отважней! — пусть добродетель — уделом
мумий:
В грехе — забвенье! а там — хоть пуля, а там —
хоть рельсы!

Ведь ты любимо, больное сердце! ведь ты любимо!
Люби ответно! люби приветно! люби бездумно!
И будь спокойно: живи, ты — право! сомненья, мимо!
Ликуй же, сердце: еще ты юно! И бейся шумно!

1911

В БЕРЕЗОВОМ КОТТЭДЖЕ

На северной форелевой реке
Живете вы в березовом коттэдже.
Как Богоматерь великого Корреджи,
Вы благостны. В серебристом парике
Стряхает пыль с рельефов гобелена
Дворецкий ваш. Вы грезите, Мадлена,
Со страусовым веером в руке.
Ваш хрупкий сын одиннадцати лет
Пьет молоко на мраморной террасе;
Он в землянике нос себе раскрасил;
Как пошло вам! Вы кутаетесь в плэд
И, с отвращеньем, хмуря чернобровье,
Раздражена, теряя хладнокровье,
Вдруг видите брильянтовый браслет,
Как бракоцепь, повиснувший на кисти
Своей руки: вам скоро... много лет,
Вы замужем, вы мать... Вся радость — в прошлом,
И будущее кажется вам пошлым...
Чего же ждать? Но морфий — или выстрел?..
Спасение — в безумьи! Загорись,
Люби меня, дающего былое,
Жена и мать! Коли себя иглою,
Проснись любить! Смелее в свой каприз!
Безгрешен грех — пожатие руки
Тому, кто даст и молодость, и негу...
Мои следы к тебе одной по снегу
На берега форелевой реки!

1911 Август

BERCEUSE [1] ОСЕННИЙ

День алосиз. Лимонолистный лес
Драприт стволы в туманную тунику.
Я в глушь иду, под осени berceuse,
Беру грибы и горькую бруснику.

Кто мне сказал, что у меня есть муж
И трижды овесененный ребенок?..
Ведь это вздор! ведь это просто чушь!
Ложусь в траву, теряя пять гребенок...

Поет душа, под осени berceuse,
Надежно ждет и сладко-больно верит,
Что он придет, галантный мой Эксцесс,
Меня возьмет и девственно озверит.

И, утолив мой алчущий инстинкт,
Вернет меня к моей бесцельной яви,
Оставив мне незримый гиацинт,
Святее верб и кризантэм лукавей...

Иду, иду, под осени berceuse,
Не находя нигде от грезы места,
Мне хочется, чтоб сгинул, чтоб исчез
Тот дом, где я — замужняя невеста!..

1912. Февраль

[1] Berceuse — колыбельная песня (*фр.*).

ЭЛЕМЕНТАРНАЯ СОНАТА

О, милая, как я печалюсь! о, милая, как я тоскую!
Мне хочется тебя увидеть — печальную и голубую...

Мне хочется тебя услышать, печальная и голубая,
Мне хочется тебя коснуться, любимая и дорогая!

Я чувствую, как угасаю, и близится мое молчанье;
Я чувствую, что скоро — скоро окончится мое
страданье...

Но, господи! с какою скорбью забуду я свое мученье!
Но, господи! с какою болью познаю я свое забвенье!

Мне кажется, гораздо лучше надеяться, хоть
безнадежно,
Чем мертвому, в немом безгрезьи, покоиться
бесстрастно-нежно...

О, призраки надежды — странной — и сладостной, и
страстно-больной,
О, светлые, не покидайте мечтателя с душою знойной!

Не надо же тебя мне видеть, любимая и дорогая...
Не надо же тебя мне слышать, печальная и голубая...

Ах, встречею боюсь рассеять желанное свое страданье,
Увидимся — оно исчезнет: чудесное — лишь
в ожиданьи...

Но все-таки свиданье лучше, чем вечное к нему
стремленье,
Но все-таки биенье мига прекраснее веков забвенья!..

1911 Октябрь

ИДИЛЛИЯ

Милый мой, иди на ловлю
Стерлядей, оставь соху...
Как наловишь, приготовлю
Переливную уху.

Утомился ты на пашне,—
Чай, и сам развлечься рад.
День сегодня — как вчерашний,
Новый день — как день назад.

Захвати с собою лесы,
Червяков и поплавки
И ступай за мыс, на плесы
Замечтавшейся реки.

Разведи костер у борозд,
Где ковровые поля;
Пусть потрескивает хворост,
Согревается земля...

А наловишь стерлядей ты
И противно-узких щук,
Поцелуй головку флейты,—
И польется нежный звук.

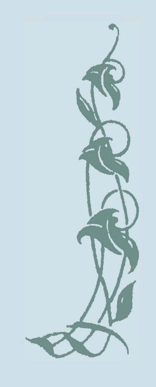
Засмеясь, я брошу кровлю,
И волнуясь, и спеша,
Прибегу к тебе на ловлю,
Так прерывисто дыша.

Ты покажешь мне добычу
(У меня ведь ты хвастун!),
Скажешь мне: «Давно я кличу!» —
И обнимешь, счастьем юн.

И пока, змеяся гибкой,
Стройной тальей у костра,
Ужин лажу,— ты с улыбкой
(А улыбка так остра!)

Привлечешь меня, сжигая,
Точно ветку — огонек,
И прошепчешь: «Дорогая!» —
Весь — желанье, весь — намек...

Мыза Ивановка
1909. Май

ЭТО ВСЕ ДЛЯ РЕБЕНКА

О, моя дорогая! ведь теперь еще осень, ведь теперь еще осень...
А увидеться с вами я мечтаю весною, бирюзовой весною...
Что ответить мне сердцу, безутешному сердцу, если сердце вдруг спросит,
Если сердце простонет: «Грезишь мраком зеленым? грезишь глушью лесною?»

До весны мы в разлуке. Повидаться не можем. Повидаться нельзя нам.
Разве только случайно. Разве только в театре. Разве только в концерте.
Да и то бессловесно. Да и то беспоклонно. Но зато — осиянным
И брильянтовым взором обменяться успеем...— как и словом в конверте...

Вы всегда под охраной. Вы всегда под надзором. Вы всегда под опекой.
Это все для ребенка... Это все для ребенка... Это все для ребенка...
Я в вас вижу подругу. Я в вас женщину вижу. Вижу в вас человека.
И мне дорог ваш крестик, как и ваша слезинка, как и ваша гребенка...

1911

ЯНТАРНАЯ ЭЛЕГИЯ

> Деревня, где скучал Евгений,
> Была прелестный уголок
>
> *А. Пушкин*

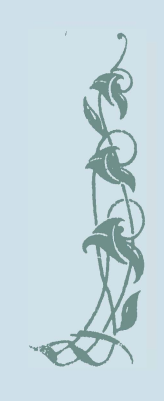
Вы помните прелестный уголок —
Осенний парк в цвету янтарно-алом?
И мрамор урн, поставленных бокалом
На перекрестке палевых дорог?

Вы помните студеное стекло
Зеленых струй форелевой речонки?
Вы помните комичные опенки
Под кедрами, склонившими чело?

Вы помните над речкою шалэ,
Как я назвал трехкомнатную дачу,
Где плакал я от счастья и заплачу
Еще не раз о ласке и тепле?

Вы помните... О да! забыть нельзя
Того, что даже нечего и помнить...
Мне хочется Вас грезами исполнить
И попроситься робко к Вам в друзья...

Мыза Ивановка
1911

ВСЕ ПО-СТАРОМУ

— Все по-старому...— сказала нежно,—
Все по-старому...—
Но смотрел я в очи безнадежно —
Все по-старому...

Улыбалась, мягко целовала —
Все по-старому.
Но чего-то все не доставало —
Все по-старому!..

Мыза Ивановка
1909. Июль

ИЗ ПИСЬМА

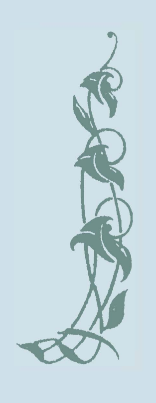
Жду — не дождусь весны и мая,
Цветов, улыбок и грозы,
Когда потянутся, хромая,
На дачу с мебелью возы!

У старой мельницы, под горкой,
На светлой даче, за столом,
Простясь с своей столичной «норкой»,
Вы просветлеете челом.

Как будет весело вам прыгать
То к чахлой лавке, то к пруду,
Детей к обеду звонко кликать,
Шептать кому-то: «Я приду»...

И как забавно до обеда,
Когда так яростны лучи,
Позвать мечтателя-соседа
С собой на дальние ключи...

1911

ПОСВЯЩЕНИЕ

Тебя не зная — всюду, всюду
Тебя искал я, сердцем юн:
То плыл на голубую Суду,
То на нахмуренный Квантун...

Мне много женских душ дарило
Свою любовь, свою печаль...
В них не найдя тебя, ветрило
Я поднимал — и снова в даль!

Так за второй встречалась третья...
Но не было меж них тебя...
Я не отчаивался встретить
Тебя, владычица моя!

Тогда, бесплотная доныне,
Прияла ты земную плоть:
Весной, в полях, под небом синим,
С тобой нас съединил господь.

Твой первый взгляд явил мне чудо
(Он — незабвенный амулет!):
И ты меня искала всюду,
Как я тебя, пятнадцать лет!

Найти друг друга, вот — отрада!
А жизнь вдвоем — предтеча тьмы...
Нам больше ничего не надо:
Лишь друг вне друга — вместе мы!

1912

РОМАНС

О, знаю я, когда ночная тишь
Овеет дом, глубоко усыпленный,
О, знаю я, как страстно ты грустишь
Своей душой, жестоко оскорбленной!..

И я, и я в разлуке изнемог!
И я — в тоске! я гнусь под тяжкой ношей...
Теперь я спрячу счастье «под замок»,—
Вернись ко мне: я все-таки хороший...

А ты — как в бурю снасть на корабле —
Трепещешь мной, но не придешь ты снова:
В твоей любви нет ничего земного,—
Такой любви не место на земле!

1910. Ноябрь

ПРИМИТИВНЫЙ РОМАНС

Моя ты или нет? Не знаю... не пойму...
Но ты со мной всегда, сама того не зная.
Я завтра напишу угрюмцу твоему,
Чтоб он тебя пустил ко мне, моя родная!

Боюсь, он не поймет; боюсь, осудит он;
Боюсь, тебя чернить он станет подозреньем...
Приди ж ко мне сама! Ты слышишь ли мой стон?
Ты веришь ли тоске и поздним сожаленьям?

Иль нет — не приходи! и не пиши в ответ!
Лишь будь со мной и впредь, сама того не зная.
Так лучше... так больней... Моя ты или нет?
Но я... я твой всегда, всегда, моя родная!

1912

СТАНСЫ

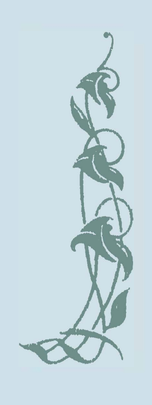
Простишь ли ты мои упреки,
Мои обидные слова?
Любовью дышат эти строки,
И снова ты во всем права!

Мой лучший друг, моя святая!
Не осуждай больных затей;
Ведь я рыдаю, не рыдая.
Я, человек не из людей!..

Не от тоски, не для забавы
Моя любовь полна огня:
Ты для меня дороже славы!
Ты — все на свете для меня!

Я соберу тебе фиалок
И буду плакать об одном:
Не покидай меня! — я жалок
В своем величии больном...

Дылицы
1911

НАМЕКИ ЖИЗНИ

В вечерней комнате сидели мы втроем.
Вы вспомнили безмолвно о четвертом.
Пред первым, тем, кто презирался чертом,
Четвертый встал с насмешливым лицом...

Увидевший вскричал, а двое вас —
Две женщины с девической душою —
Зажгли огонь, пугаясь бледнотою
Бессильного осмыслить свой рассказ...

...Утрела комната. И не было троих.
Все разбрелись по направленьям разным.
Служанка Ваша, в любопытстве праздном,
Сдувала пыль. И вдруг раздался крик:

У письменного — скрытного — стола
Увидела подгорничная в страхе,
Что голова хозяина... на плахе!
Все через миг распалось, как вода.

...А заденела комната, с письмом
От Вашего врага пришел рассыльный.
И в том письме, с отчаяньем бессильным,
Молили Вас прийти в презренный дом:

Ребенок умирал. Писала мать.
И Вы, как мать, пошли на голос муки,
Забыв, что ни искусству, ни науке
Власть не дана у смерти отнимать.

...Вы вечером страдали за порыв,
И призраки Вам что-то намекали...
А жизнь пред Вами в траурном вуале
Стояла, руки скорбно опустив...

И показав ряд родственных гробов,
Смертельный враг духовных одиночеств,
Грозила Вам мечом своих пророчеств,
Любовь! ты — жизнь, как жизнь — всегда
любовь.

1911

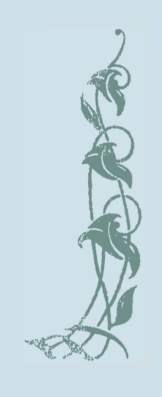
ДЕНЬ НА ФЕРМЕ

Из лепестков цветущих розово-белых яблонь
Чай подала на подносе девочка весен восьми.
Шли на посев крестьяне. Бегало солнце по граблям.
Псу указав на галку, баба сказала: возьми!

Было кругом раздольно! было повсюду майно!
Как золотела зелень! воздух лазурно-крылат!
Бросилась я с плотины,— как-то совсем случайно,
Будто была нагая, вниз головой, в водопад!

И потеряв сознанье от высоты паденья,
Я через миг очнулась и забурлила на мыс...
Я утопляла солнце! плавала целый день я!
А на росе, на ферме, жадно пила я кумыс.

1912

ЛЕСОФЕЯ

Она читает зимой Евангелье,
Она мечтает о вешнем ангеле.
Душой поэта и аполлонца
Все ожидает литавров солнца!

Умом ребенок, душою женщина,
Всегда капризна, всегда изменчива,
Она тоскует о предвесеньи,
О незабудках, о росной сени...

И часто в ложе, на пестрой опере,
Когда ей сердце мечты отропили,
Она кусает платок, бледнея,—
Дэмимонденка и лесофея!..

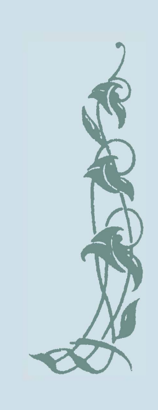
1912

РОНДЕЛИ

Нарцисс Сарона — Соломон —
Любил Балькис, царицу Юга.
Она была его супруга.
Был царь, как раб, в нее влюблен.
В краю, где пальмы и лимон,
Где грудь цветущая упруга,
Нарцисс Сарона, Соломон,
Любил Балькис, царицу Юга.
Она цвела, как анемон,
Под лаской царственного друга.
Но часто плакал от испуга,
Умом царицы ослеплен,
Великолепный Соломон...

1911

ПИСЬМО ИЗ УСАДЬБЫ

> В мои мечты неизреченные
> Вплелась вечерняя печаль.
>
> *Мирра Лохвицкая*

Вчера читала я,— Тургенев
Меня опять зачаровал.
Закатный запад был сиренев
И, все в грядущем обесценив,
Меня к былому призывал.
Шел тихий снег; вдали долины
Снежели, точно полотно;
Глядели голые малины
В мое любимое окно.
Всегда все то же, все одно...
Мне запечалилось. Я вышла
В холодный омертвелый сад,—
Он был от снега полосат,
Пошла к каретнику; на дышло
Облокотилась, постояв
Минуты две; потом я в сани
Присела мягко, крикнув Сане
Свезти к реке меня. Твоя
В то время я была, мой нежный,
Тобой дышала в этот миг!
А потому я напрямик,
Окружена природой снежной,
К тебе стремилася в мечте...
(Вы, эти, тут,— далече те!..) —
Мои мечты... О, знаешь их ты,—
Они неясны, как намек...
Их понимают только пихты,
А человеку невдомек...
Но ты не думай: я не буду
Былого трогать,— где та кисть,
Чтоб передать мою корысть
К минувшим дням? Кто верит в Будду,
Тому не нужен Магомет.
Как миру страшен хвост комет,
Так мне — столица: ведь концерты
Тебя от поля отвлекли.
И уж давно твои конверты
Я не вскрываю... Заколи!

Замучь меня! повесь! — но дай мне
Хотя два слова о себе.
Как в алфавите «а» и «б»,
Так мы с тобою в нашей тайне.
Я так люблю свои поля,
Свои игольчатые рощи.
Что может быть милей и проще
Усадьбы нашей? Жизнь паля,
Как хворост, в шелковых салонах,
Я так измучилась, я так
Истосковалась... За «пятак»
Я не купила б опаленных
Столичных душ с их пустотой,
Задрапированных мишурно.
А здесь-то, здесь-то! Как лазурно
Сияет небо; простотой
Здесь веет воздух. Посмотрел бы,
Как я похорошела тут!
Как розы алые, цветут
Мои ланиты,— это вербы
Рождают розы на лице!..
Приди ко мне, забудь столицу,—
Я быль даю за небылицу,
Начало чувствую в конце...
Не бойся скуки деревенской,
Предай забвенью мишуру!
С твоей душой, душой вселенской,
Не место там,— «не ко двору»
Пришелся ты; ты только вникни,
Приди ко мне, ко мне приникни
И позабудься на груди,
Тобой трепещущей... Приди!..

1910. Декабрь

NOCTURNE

Я сидел на балконе, против заспанного парка,
И смотрел на ограду из подстриженных ветвей.
Мимо шел поселянин в рыжей шляпе из поярка.
Вдалеке заливался невидимка-соловей.

Ночь баюкала вечер, уложив его в деревья.
В парке девушки пели,— без лица и без фигур.
Точно маки сплетали новобрачной королеве,
Точно встретился с ними коробейник-балагур...

Может быть, это хоры позабывшихся монахинь?..
Может быть, это нимфы обездоленных прудов?
Сколько мук нестерпимых, целомудренных и ранних,
И щемящего смеха опозоренных родов...

Дылицы
1911

ЕЕ МОНОЛОГ

Не может быть! вы лжете мне, мечты!
Ты не сумел забыть меня в разлуке...
Я вспомнила, когда, в приливе муки,
Ты письма сжечь хотел мои... сжечь!.. ты!..

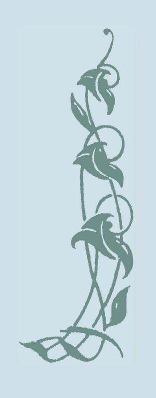
Я знаю, жгут бесценные дары:
Жжет молния надменные вершины,
Поэт — из перлов бурные костры,
И фабрикант — дубравы для машины;

Бесчувственные люди жгут сердца,
Забывшие для них про все на свете;
Разбойник жжет святилище дворца,
Гордящегося пиршеством столетий;

И гении сжигают мощь свою
На алкоголе — символе бессилья...
Но письма сжечь,— где я тебе пою
Свою любовь! где распускаю крылья!

Их сжечь нельзя — как вечной красоты!
Их сжечь нельзя — как солнечного неба!
В них отзвуки Эдема и Эреба...
Не может быть! вы лжете мне, мечты!

Мыза Ивановка
1909. Июнь

И ТЫ ШЕЛ С ЖЕНЩИНОЙ

И ты шел с женщиной — не отрекись. Я все
заметила — не говори.
Блондинка. Хрупкая. Ее костюм был черный.
Английский. На голове —
Сквозная фетэрка. В левкоях вся. И в померанцевых
лучах зари.
Вы шли печальные. Как я. Как я! Журчали ландыши
в сырой траве.

Не испугалась я,— я поняла: она мгновенье,
а вечность — я.
И улыбнулась я под плач цветов, такая светлая.
Избыток сил
В душе почувствовав, я скрылась вглубь. Весь вечер
пела я. Была — дитя,
Да, ты шел с женщиной. И только ей ты неумышленно
взор ослезил.

1912 Май

В ОЧАРОВАНЬИ

Быть может оттого, что ты не молода,
Но как-то трогательно-больно моложава,
Быть может оттого я так хочу всегда
С тобою вместе быть; когда, смеясь лукаво,
Раскроешь широко влекущие глаза
И бледное лицо подставишь под лобзанья,
Я чувствую, что ты — вся нега, вся гроза,
Вся — молодость, вся — страсть; и чувства без названья
Сжимают сердце мне пленительной тоской,
И потерять тебя — боязнь моя безмерна...
И ты, меня поняв, в тревоге, головой
Прекрасною своей вдруг поникаешь нервно,—
И вот другая ты: вся — осень, вся покой...

Дылицы
1912. Июнь

В КЛЕНАХ РАСКИДИСТЫХ

В этих раскидистых кленах мы наживемся все лето,
В этой сиреневой даче мы разузорим уют!
Как упоенно юниться! ждать от любви амулета!
Верить, что нам в услажденье птицы и листья поют!

В этих раскидистых кленах есть водопад вдохновенья.
Солнце взаимного чувства, звезды истомы ночной...
Слушай, моя дорогая, лирного сердца биенье,
Знай, что оно пожелало не разлучаться с тобой!

Ты говоришь: я устала... Ты умоляешь: «О, сжалься!
Ласки меня истомляют, я от блаженства больна»...
Разве же это возможно, если зеленые вальсы
В этих раскидистых кленах бурно бравурит Весна?!

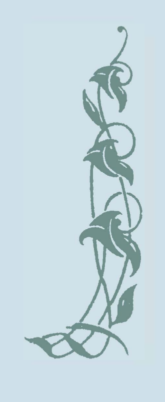
Веймарн
1912 Июнь

ЭСКИЗ ВЕЧЕРНИЙ

Она идет тропинкой в гору.
Закатный отблеск по лицу
И по венчальному кольцу
Скользит оранжево. Бел ворот
Ее рубашечки сквозной.
Завороженная весной,
Она идет в лиловый домик,
Задумавшийся над рекой.
Ее душа теперь в истоме,
В ее лице теперь покой.
Озябший чай и булки с маслом
Ее встречают на столе.
И на лице ее угаслом
К опрозаиченной земле
Читаю нежное презренье,
Слегка лукавую печаль.
Она откидывает шаль
И обдает меня сиренью.

1912 Июнь
Веймарн

ВЕСЕННЯЯ ЯБЛОНЯ

АКВАРЕЛЬ

Перу И. И. Ясинского посвящаю

Весенней яблони в нетающем снегу
Без содрогания я видеть не могу:
Горбатой девушкой — прекрасной, но немой —
Трепещет дерево, туманя гений мой...
Как будто в зеркало — смотрясь в широкий плес,
Она старается смахнуть росинки слез,
И ужасается, и стонет, как арба,
Вняв отражению зловещего горба.
Когда на озеро слетает сон стальной,
Бываю с яблоней, как с девушкой больной,
И, полный нежности и ласковой тоски,
Благоуханные целую лепестки.
Тогда доверчиво, не сдерживая слез,
Она касается слегка моих волос,
Потом берет меня в ветвистое кольцо,—
И я целую ей цветущее лицо...

1910

НА РЕКЕ ФОРЕЛЕВОЙ

На реке форелевой, в северной губернии,
В лодке, сизым вечером, уток не расстреливай:
Благостны осенние отблески вечерние
В северной губернии, на реке форелевой.

На реке форелевой в трепетной осиновке
Хорошо мечтается над крутыми веслами.
Вечереет холодно. Зябко спят малиновки.
Скачет лодка скользкая камышами рослыми.
На отложье берега лен расцвел мимозами,
А форели шустрятся в речке грациозами.

1911. Август

ЭЛЕГИЯ

Я ночь не сплю, и вереницей
Мелькают прожитые дни.
Теперь они,
Как небылицы.

В своих мечтах я вижу Суду
И дом лиловый, как сирень.
Осенний день
Я вижу всюду.

Когда так просто и правдиво
Раскрыл я сердце, как окно...
Как то давно!
Как то красиво!

Я не имею даже вести
О той, которой полон май;
Как ни страдай,—
Не будем вместе.

Я к ней писал, но не достоин
Узнать — счастлива ли она.
Прошла весна,
Но я... спокоен.

О, я не требую ответа,
Ни сожаления, ни слез,
Царица грез
Елисавета!

Биеньем сердца молодого,
Стремленьем любящей души
Хочу тиши
Села родного.

Я на мечте, своей гондоле,
Плыву на Суду в милый дом,
Где мы вдвоем
Без нашей воли.

Меня не видишь ты, царица,
Мечтаешь ты не обо мне...
        В усталом сне
        Твои ресницы.

1905

ЯНВАРЬ

Январь, старик в державном сане,
Садится в ветровые сани,—
И устремляется олень,
Воздушней вальсовых касаний
И упоительней, чем лень.
Его разбег направлен к дебрям,
Где режет он дорогу вепрям,
Где глухо бродит пегий лось,
Где быть поэту довелось...
Чем выше кнут,— тем бег проворней,
Тем бег резвее; все узорней
Пушистых кружев серебро.
А сколько визга, сколько скрипа!
То дуб повалится, то липа —
Как обнаженное ребро.
Он любит, этот царь-гуляка,
С душой надменного поляка,
Разгульно-дикую езду...
Пусть душу грех влечет к продаже:
Всех разжигает старец,— даже
Небес полярную звезду!

1910 Январь

ФИАЛКА

Морозову-Гоголю

Снежеет дружно, снежеет нежно,
Над ручейками хрусталит хрупь.
Куда ни взглянешь — повсюду снежно,
И сердце хочет в лесную глубь.

Мне больно-больно... Мне жалко-жалко...
Зачем мне больно? Чего мне жаль?
Ах, я не знаю, ах, я — фиалка,
Так тихо-тихо ушла я в шаль.

О ты, чье сердце крылит к раздолью,
Ты, триумфатор, ты, властелин!
Приди, любуйся моей фиолью —
Моей печалью в снегах долин.

О ты, чьи мысли всегда крылаты,
Всегда победны, внемли, о ты:
Возьми в ладони меня, как в латы,
Моей фиолью святя мечты!..

1911

ПЛЯСКА МАЯ

В могиле мрак, в объятьях рай,
Любовь — земли услада!..

Ал. Будищев

Вдалеке от фабрик, вдалеке от станций,
Не в лесу дремучем, но и не в селе —
Старая плотина, на плотине танцы,
В танцах поселяне, все навеселе.

Покупают парни у торговки дули,
Тыквенное семя, карие рожки.
Тут беспопья свадьба, там кого-то вздули.
Шепоты да взвизги, песни да смешки.

Точно гуд пчелиный — гутор на полянке:
«Любишь ли, Акуля?» — «Дьявол, не замай!..»
И под звуки шустрой, удалой тальянки
Пляшет на плотине сам царевич Май.

Разошелся браво пламенный красавец,
Зашумели липы, зацвела сирень!
Ветерок целует в губы всех красавиц,
Май пошел вприсядку в шапке набекрень.

Но не видят люди молодого Мая,
Чувствуя душою близость удальца,
Весела деревня, смутно понимая,
Что царевич бросит в пляске два кольца.

Кто поднимет кольца — жизнь тому забава!
Упоенье жизнью не для медных лбов!
Слава Маю, слава! Слава Маю, слава!
Да царят над миром Солнце и Любовь!

1910

РУССКАЯ

Кружевеет, розовеет утром лес,
Паучок на паутине вверх полез.

Бриллиантится веселая роса;
Что за воздух! что за свет! что за краса!

Хорошо гулять утрами по овсу,
Видеть птичку, лягушонка и осу,

Слушать сонного горлана-петуха,
Обменяться с дальним эхо: «ха-ха-ха!»

Ах, люблю бесцельно утром покричать,
Ах, люблю в березах девку повстречать,

Повстречать и, опираясь на плетень,
Гнать с лица ее предутреннюю тень,

Пробудить ее невыспавшийся сон,
Ей поведать, как в мечтах я вознесен,

Обхватить ее трепещущую грудь,
Растолкать ее для жизни как-нибудь!

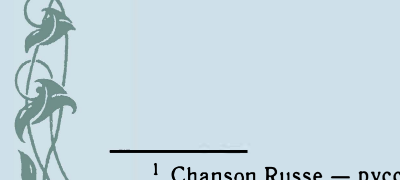
1910. Февраль

CHANSON RUSSE [1]

Зашалила, загуляла по деревне молодуха.
Было в поле, да на воле, было в день Святого духа.
Муж-то старый, муж-то хмурый укатил в село под
Тройцу.
Хватит хмелю на неделю,— жди-пожди теперь
пропойцу!
Это что же? разве гоже от тоски сдыхать молодке?
Надо парня, пошикарней, чтоб на зависть в околотке!
Зашалила, загуляла! знай, лущит себе подсолнух!..
Ходят груди, точно волны на морях, водою полных.
Разжигает, соблазняет молодуха Ваньку-парня,
Шум и хохот по деревне, будто бешеная псарня!..
Все старухи взбеленились, расплевались, да —
по хатам;
Старикам от них влетело и метлою, и ухватом.
Всполошились молодухи, всех мужей — мгновенно
в избы!
А звонарь на колокольне заорал: «Скорее вниз бы!»
Поспешил, да так ретиво, что свалился с колокольни...
А молодка все гуляла, ветра буйного раздольней!

1910

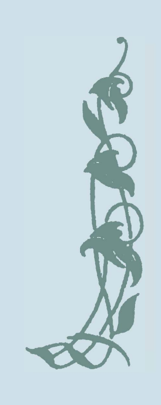
[1] Chanson Russe — русская песня (*фр.*).

В ПАРКЕ ПЛАКАЛА ДЕВОЧКА

Всеволоду Светланову

В парке плакала девочка: «Посмотри-ка ты, папочка,
У хорошенькой ласточки переломлена лапочка,—
Я возьму птицу бедную и в платочек укутаю»...
И отец призадумался, потрясенный минутою,
И простил все грядущие и капризы, и шалости
Милой, маленькой дочери, зарыдавшей от жалости.

1910

ПАСХАЛЬНЫЙ ГИМН

Христос воскресе! Христос воскресе!
Сон смерти — глуше, чем спит скала...
Поют победу в огне экспрессий,
Поют Бессмертье колокола.

Светло целуйте уста друг другу,
Последний нищий — сегодня Крез...
Дорогу сердцу к святому Югу! —
Христос воскресе! Христос воскрес!

1910. Февраль

КАНОН СВ. ИОСАФУ

Я сердце свое захотел обмануть,
А сердце меня обмануло

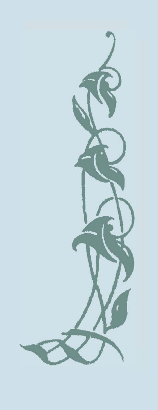
К. Фофанов

«Цветы любви и веры разбросав,
Молю тебя, святитель Иосаф:
Посей в душе благие семена,
Дай веру мне в златые времена!»

Так пред твоей иконой всеблагой
Молился я и набожной рукой
Не раз творил интуитивный крест.
И слышал я, как вздрагивал окрест.

Все, все, о чем тебя я попросил,
Исполнил ты. Я жарко оросил
Свои глаза и, к образу припав,
Пою тебя, святитель Иосаф!

1911

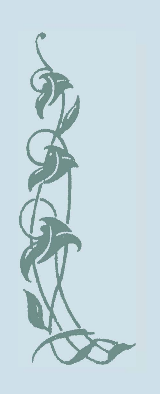
МАРГАРИТКИ

О, посмотри! Как много маргариток —
И там, и тут...
Они цветут; их много; их избыток;
Они цветут.

Их лепестки трехгранные — как крылья,
Как белый шелк...
Вы — лета мощь! Вы — радость изобилья!
Вы — светлый полк!

Готовь, земля, цветам из рос напиток,
Дай сок стеблю...
О, девушки! о, звезды маргариток!
Я вас люблю...

Мыза Ивановка
1909. Июль

МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЕГИЯ

Она на пальчиках привстала
И подарила губы мне,
Я целовал ее устало
В сырой осенней тишине.

И слезы капали беззвучно
В сырой осенней тишине.
Гас скучный день — и было скучно,
Как все, что только не во сне.

1909

ЧАЙНАЯ РОЗА

Если прихоти случайной
И мечтам преграды нет,—
Розой бледной, розой чайной
Воплоти меня, поэт.

Мирра Лохвицкая

Над тихо дремлющим прудом —
Где тишина необычайная,
Есть небольшой уютный дом,
И перед домом — роза чайная.

Над нею веера стрекоз —
Как опахала изумрудные;
Вокруг цветы струят наркоз
И сны летают непробудные.

В пруде любуется фасад
Своей отделкой прихотливою;
И с ней кокетничает сад,
Любуясь розою стыдливою.

Но дни и ночи, ночи дни —
Приливы грусти необычные.
И шепчет роза: «Мы — одни
С тобою, сад мой, горемычные»...

А между тем, с огней зари
И до забвения закатного,
В саду пигмеи, как цари,
Живут в мечте невероятного.

Они хохочут и шумят,
Ловя так алчно впечатления;
Под их ногами сад измят:
Бессмертье — часто жертва тления!..

Что станет с розой, если весть
О ней дойдет до них случайная?..
И не успевшая расцвесть,
Спешит увянуть роза чайная...

Мыза Ивановка
1909

ЧЕТКАЯ ПОЭЗА

Разум мой бесстрастен. Сердце бьется четко.
Вспомнилось мне лето давнее в лесу.
Только что узнал я: у тебя чахотка,—
Вскоре гроб твой белый к церкви понесу.

Вспомнилось мне лето: мошки, незабудки,
Грозы и туманы, вечера в луне.
Силы были сильны, чувства были чутки;
Ты была со мною, ты была при мне.

Может быть, томилась вешнею ажурью,
Может быть, любила чувственно и зло,—
Только вся дышала знойною лазурью
Или омрачалась девственно светло...

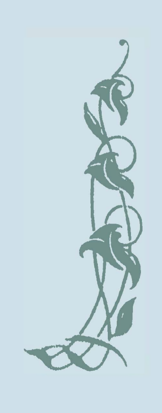
Часто мы лежали в ландышах и в кашке,
Точно брат с сестрою, телом к телу льня;
Часто приходила ты в одной рубашке
Ночью в кабинет мой, возжелав меня...

Но когда тянулся я к тебе всем телом,
Чтоб в тебя, как в омут, глубоко упасть,
Ты, с лицом от муки страстной побледнелым,
Грубою издевкой охлаждала страсть.

То лазорьно-нежно, то кошмарно едко
Говорила броско о каком-то «нем»;
Тщетно я терзался: кто ты? амулетка,
Верная обету? лилия с вином?..

Все я понял после. Хорошо и кротко
На душе печальной. Слушай-ка, дитя!
Твой удел — могила; у тебя чахотка.
От тебя заразу я приму шутя.

1912

НА МОТИВ ФОФАНОВА

Я чувствую, как падают цветы
Черемухи и яблони невинных...
Я чувствую, как шепчутся в гостиных,—
О чем? О ком?.. Не знаю, как и ты.

Я чувствую, как тают облака
В весенний день на небе бирюзовом,
Как кто-то слух чарует полусловом...
И чей-то вздох... И чья-то тень легка...

Я чувствую, как угасает май,
Томит июнь и золотятся жатвы...
Но нет надежд, но бесполезны клятвы!
Прощай, любовь! Мечта моя, прощай!

1911. Май

ВИКТОРИЯ РЕГИЯ

Наша встреча — Виктория Регия:
Редко, редко в цвету...
До и после нее жизнь — элегия
И надежда в мечту.

Ты придешь,— изнываю от неги я,
Трепещу на лету.
Наша встреча — Виктория Регия:
Редко, редко в цвету...

1909

СТАНСЫ

Ни доброго взгляда, ни нежного слова —
Всего, что бесценно пустынным мечтам...
А сердце... а сердце все просит былого!
А солнце... а солнце — надгробным крестам!

И все — невозможно! и все — невозвратно!
Несбыточней бывшего нет ничего...
И ты, вся святая когда-то, развратна...
Развратна! — не надо лица твоего!..

Спуститесь, как флеры, туманы забвенья,
Спасите, укройте обломки подков...
Бывают и годы короче мгновенья,
Но есть и мгновенья длиннее веков!

Мыза Ивановка
1909. Август

ТЫ КО МНЕ НЕ ВЕРНЕШЬСЯ

Злате

Ты ко мне не вернешься даже ради Тамары,
Ради нашей дочурки, крошки вроде крола:
У тебя теперь дачи, за обедом — омары,
Ты теперь под защитой вороного крыла...

Ты ко мне не вернешься: на тебе теперь бархат;
Он скрывает бескрылье утомленных плечей...
Ты ко мне не вернешься: предсказатель на картах
Погасил за целковый вспышки поздних лучей!..

Ты ко мне не вернешься, даже... даже проститься,
Но над гробом обидно ты намочишь платок...
Ты ко мне не вернешься в тихом платье из ситца,
В платье радостно-жалком, как грошовый цветок.

Как цветок... Помнишь розы из кисейной бумаги?
О живых ни полслова у могильной плиты!
Ты ко мне не вернешься: грезы больше не маги,—
Я умру одиноким, понимаешь ли ты?!

1910

BERCEUSE

МИНЬОНЕТ

Пойте — пойте, бубенчики ландышей,
Пойте — пойте вы мне —
О весенней любви, тихо канувшей,
О любовной весне;

О улыбке лазоревой девичьей
И — о, боль — о луне...
Пойте — пойте, мои королевичи,
Пойте — пойте вы мне!

1910

СОНЕТ

Любви возврата нет, и мне как будто жаль
Бывалых радостей и дней любви бывалых;
Мне не сияет взор очей твоих усталых,
Не озаряет он таинственную даль...

Любви возврата нет,— и на душе печаль,
Как на снегах вокруг осевших, полуталых.
— Тебе не возвратить любви мгновений алых:
Любви возврата нет,— прошелестел февраль.

И мириады звезд в безводном океане
Мигали холодно в бессчетном караване,
И оскорбителен был их холодный свет:

В нем не было былых ни ласки, ни участья...
И понял я, что нет мне больше в жизни счастья,
Любви возврата нет!..

Гатчина
1908

ДУШИСТЫЙ ГОРОШЕК

СКАЗКА

Прост и ласков, как помыслы крошек,
У колонок веранды и тумб
Распускался душистый горошек
На взлелеянной пажити клумб.

И нечаянно или нарочно,
Но влюбился он в мрамор немой,
Точно был очарован он, точно
Одурачен любовью самой!

Но напрасно с зарей розовел он,
Обвивая бесчувственный стан:
Не для счастия камень был сделан,
И любить не умел истукан.

Наступали осенние стужи,
Угасал ароматный горох;
И смотрелся в зеркальные лужи
Грубый мрамор, закутанный в мох.

— Мох идет мне,— подумал он важно:
Но зачем я цветами обвит? —
Услыхал это вихрь и отважно
Порешил изменить его вид.

Взял он в свиту песчинки с дорожек
И шутливо на старца напал,—
И опал разноцветный горошек,
Алым снегом мечтаний опал!..

1909

НОКТЮРН

Бледнел померанцевый запад,
В горах голубели туманы,
И гибко, и цепко сплетались
В объятья над вами лианы.

Сквозь кружево листьев ажурных
Всплывали дворцов арабески,
Сменялись алмазы каскадов
Под их пробужденные плески.

Вам слышался говор природы,
Призывы мечтательных веток,
И вы восхищалися пляской
Стрекоз, грациозных кокеток.

Растенья дышали душисто
Вечерним своим ароматом,
И птицы, блаженствуя, пели —
Как вы, восхищаясь закатом.

Весь мир оживал при закате
По странной какой-то причуде...
И было так странно, так дивно
Вам, жалкие, темные люди!

И было вам все это чуждо,
Но так упоительно ново,
Что вы поспешили... проснуться,
Боясь пробужденья иного...

1908

БАЛЛАДА

И. Д

У мельницы дряхлой, закутанной в мох
Рукою веков престарелых,
Где с шумом плотины сливается вздох
Осенних ракит пожелтелых,

Где пенятся воды при шуме колес,
Дробя изумрудные брызги,
Где стаи форелей в задумчивый плес
Заходят под влажные взвизги

Рокочущих, страстных, падучих валов,
Где дремлет поселок пустынный —
Свидетель пирушек былых и балов,—
Дворец приютился старинный.

Преданье в безлистную книгу времен
Навек занесло свои строки;
Но ясную доблесть победных знамен
Смущают все чьи-то упреки.

Нередко к часовне в полуденный час
Бредут привиденья на паперть
И стонут, в железные двери стучась,
И лица их белы, как скатерть.

К кому обращен их столетний упрек,
И что колыхает их тени?
А в залах пирует надменный порок,
И плачут в подполье ступени...

1909

ОКТЯБРЬ

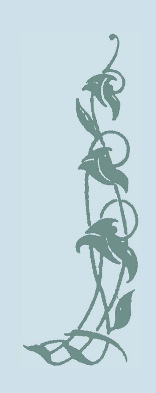
Люблю октябрь, угрюмый месяц,
Люблю обмершие леса,
Когда хромает ветхий месяц,
Как половина колеса.
Люблю мгновенность: лодка... хобот...
Серп... полумаска... леса шпиц...
Но кто надтреснул лунный обод?
Кто вор лучистых тонких спиц?
Морозом выпитые лужи
Хрустят и хрупки, как хрусталь;
Дороги грязно-неуклюжи,
И воздух сковывает сталь.
Как бред земли больной, туманы
Сердито ползают в полях,
И отстраданные обманы
Дымят при блеске лунных блях.

И сколько смерти безнадежья
В безлистном шелесте страниц!
Душе не знать любви безбрежья,
Не разрушать душе границ!

Есть что-то хитрое в усмешке
Седой улыбки октября,
В его сухой, ехидной спешке,
Когда он бродит, тьму храбря.
Октябрь и Смерть — в законе пара,
Слиянно-тесная чета...
В полях — туман, как саван пара,
В душе — обмершая мечта.

Скелетом черным перелесец
Пускай пугает: страх сожну.
Люблю октябрь, предснежный месяц,
И Смерть, развратную жену!..

1910 Октябрь

СЕКСТИНА

Предчувствие — томительней кометы,
Непознанной, но видимой везде.
Послушаем, что говорят приметы
О тягостной, мучительной звезде.
Что знаешь ты, ученый! сам во тьме ты,
Как и народ, светлеющий в нужде.

Не каждому дано светлеть в нужде
И измерять святую глубь кометы...
Бодрись, народ: ведь не один во тьме ты,—
Мы все во тьме — повсюду и везде.
Но вдохновенна мысль твоя в звезде,
И у тебя есть верные приметы.

Не верить ли в заветные приметы,
Добытые забитыми в нужде?
Кончина мира, скрытая в звезде,—
Предназначенье тайное кометы;
И ты, мужик, твердишь везде, везде,
Что близок час... Так предреши во тьме ты.

Как просветлел божественно во тьме ты!
Пророчески-туманные приметы;
Они — костры, но те костры — везде...
Народный гений, замкнутый в нужде,
Один сумел познать мечту кометы
И рассказать о мстительной звезде.

Я вижу смерть, грядущую в звезде,
И, если зло затерянной во тьме ты,
Пророк-поэт языческой приметы,
Мне говоришь об ужасах кометы,
Сливаюсь я с тобой и о нужде
Хочу забыть: к чему? ведь смерть везде!

Она грядет, она уже везде!..
Крылю привет карающей звезде —
Она несет конец земной нужде...
Как десять солнц, сверкай, звезда, во тьме ты,
Жизнь ослепи и оправдай приметы
Чарующей забвением кометы!

1910. Январь

ЗЕМЛЯ И СОЛНЦЕ

ВСЕЛЕНСКАЯ ПОЭМА

Земля любит Солнце за то,
Что Солнце горит и смеется.
А Солнце за то любит Землю,
Что плачет и мерзнет она.
Не сблизиться им никогда,
Они и далеки, и близки;
Пока не остынет светило,
Живет и страдает Земля.
Хотя у них общего нет,
Не могут прожить друг без друга:
Земля для того и живет ведь,
Чтоб только на Солнце смотреть.
Оно для нее — идеал,
Любимая, вечная греза;
А Солнце живет для того лишь,
Чтоб Землю холодную греть.
Они неизменны в любви,
И, если не видятся долго,
Виною — нелепые тучи,
Которые их разлучают,—
Разлука рождает тоску,
И Солнце томится и страждет,
И жаждет скорее свиданья
С далекой, но милой Землей.
Влюбленные видятся днем,
Встречаясь всегда на рассвете;
Но к часу вечернему Солнце
Улыбно уходит домой.
А если б оно не ушло
В урочное время — от жара
Земля бы блаженно зачахла,
И было б виновно оно.
А если б оно не ушло
Три дня и три долгие ночи,
Земля бы сама запылала
И ярче, чем Солнце само!
Тогда бы погибла любовь! —
Когда бы увидело Солнце,

Что больше Земля не тоскует...
Пускай бы погибла любовь!
Тогда бы погибла мечта! —
Когда бы увидело Солнце
Веселой и радостной Землю...
Пускай бы погибла мечта!
В своей всепобедной любви
Светило готово на жертву —
Отдать и сиянье, и пламя
Для блага, для счастья Земли.
Не хочет, боится Земля
Сравняться с прекрасным светилом:
Кому же тогда ей молиться?
Кого же тогда ей любить?

Страданье — природы закон...
Нет равной любви на планете...
— Тебя я люблю за бессилье,
Ты любишь за силу меня!

1911. Февраль

ЗАВЕТ

Не убивайте голубей

Мирра Лохвицкая

Целуйте искренней уста —
Для вас раскрытые бутоны,
Чтоб их не иссушили стоны,
Чтоб не поблекла красота!
С мечтой о благости Мадонны
Целуйте искренней уста!

Прощайте пламенней врагов,
Вам причинивших горечь муки,
Сковавших холодом разлуки,
Топящих в зле без берегов.
Дружней протягивайте руки,
Прощайте пламенней врагов,

Страдайте стойче и святей,
Познав величие страданья.
Да не смутят твои рыданья
Покоя светлого детей!
Своим потомкам в назиданье
Страдайте стойче и святей!

Любите глубже и верней —
Как любят вас, не рассуждая,
Своим порывом побуждая
Гнать сонмы мертвенных теней...
Бессмертен, кто любил, страдая,—
Любите глубже и верней!

1909. Сентябрь

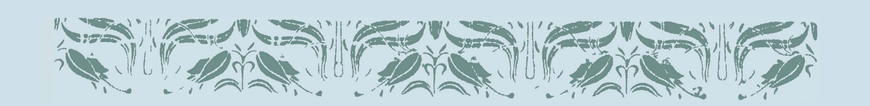
НАДРУБЛЕННАЯ СИРЕНЬ

Проснулся хутор.
Весенний гутор
Ворвался в окна... Пробуждены,
Запели — юны —
У лиры струны.
И распустилась сирень весны.

Запахло сеном.
И с зимним пленом
Земля простилась... Но — что за сны?!..
Согнулись грабли...
Сверкнули сабли,
И надрубили сирень весны!..

1908

II. МОРОЖЕНОЕ ИЗ СИРЕНИ

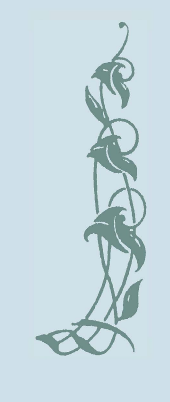
МОРОЖЕНОЕ ИЗ СИРЕНИ!

— Мороженое из сирени! Мороженое из сирени!
Полпорции десять копеек, четыре копейки буше.
Сударыни, судари, надо ль? — не дорого — можно
без прений...
Поешь деликатного, площадь: придется товар по душе!

Я сливочного не имею, фисташковое все распродал...
Ах, граждане, да неужели вы требуете крэм-брюле?
Пора популярить изыски, утончиться вкусам народа,
На улицу специи кухонь, огимнив эксцесс в вирелэ!

Сирень — сладострастья эмблема.
В лилово-изнеженном крене
Зальдись, водопадное сердце, в душистый и сладкий
пушок...
Мороженое из сирени, мороженое из сирени!
Эй, мальчик со сбитнем, попробуй! Ей-богу, похвалишь,
дружок!

1912. Сентябрь

ФИОЛЕТОВЫЙ ТРАНС

О, Лилия ликеров,— о, Crème de Violette! [1]
Я выпил грез фиалок фиалковый фиал...
Я приказал немедля подать кабриолет
И сел на сером клене в атласный интервал.

Затянут в черный бархат, шоффэр — и мой
клеврет —
Коснулся рукоятки, и вздрогнувший мотор,
Как жеребец заржавший, пошел на весь простор,
А ветер восхищенный сорвал с меня берэт.

Я приказал дать «полный». Я нагло приказал
Околдовать природу и перепутать путь!
Я выбросил шоффэра, когда он отказал,—
Взревел! и сквозь природу — вовсю и как-нибудь!

Встречалась ли деревня,— ни голосов, ни изб!
Врезался в чернолесье,— ни дерева, ни пня!
Когда б мотор взорвался, я руки перегрыз б!..
Я опьянел грозово, все на пути пьяня!..

И вдруг — безумным жестом остолблен кленоход:
Я лилию заметил у ската в водопад.
Я перед ней склонился, от радости горбат,
Благодаря за встречу, за благостный исход...

Я упоен. Я вещий. Я тихий. Я грезэр.
И разве виноват я, что лилии колет
Так редко можно встретить, что путь без лилий сер?..
О, яд мечты фиалок,— о, Crème de Violette...

1911

[1] Crème de Violette — букв.: фиалковый ликер, сорт ликера (*фр.*).

КАЧАЛКА ГРЕЗЭРКИ

Л Д Рындиной

Как мечтать хорошо Вам
В гамаке камышовом
Над мистическим оком — над бестинным прудом!
Как мечты сюрпризэрки
Над качалкой грезэрки
Истомленно лунятся: то — Верлэн, то — Прюдом.

Что за чудо и диво! —
То Вы — леди Годива,
Через миг — Иоланта, через миг Вы — Сафо...
Стоит Вам повертеться,—
И загрезится сердце:
Все на свете возможно, все для Вас ничего!

Покачнетесь Вы влево,—
Королев Королева,
Властелинша планеты голубых антилоп,
Где от вздохов левкоя
Упоенье такое,
Что загрезит порфирой заурядный холоп!

Покачнетесь Вы вправо,—
Улыбнется Вам Слава
И дохнет Ваше имя, как цветы райских клумб;
Прогремит Ваше имя,
И в омолненном дыме
Вы сойдете на Землю,— мирозданья Колумб!

А качнетесь Вы к выси,
Где мигающий бисер,
Вы постигнете тайну: вечной жизни процесс,
И мечты сюрпризэрки
Над качалкой грезэрки
Воплотятся в капризный, но бессмертный эксцесс!

Дылицы
1911

БОА ИЗ КРИЗАНТЭМ

Вы прислали с субреткою мне вчера кризантэмы —
Бледновато-фиалковые, бледновато-фиалковые...
Их головки закудрились, ароматом наталкивая
Властелина Миррэлии на кудрявые темы...

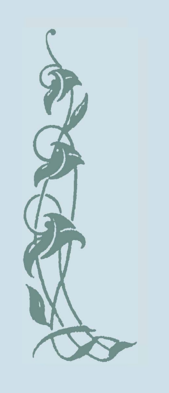
Я имею намеренье Вам сказать в интродукции,
Что цветы мне напомнили о тропическом солнце,
О спеленатых женщинах, о янтарном румянце.
Но японец аляповат для моей репродукции.

А потом мне припомнился — ах, не смейтесь! —
констрактор,
И боа мне понравилось из маркизных головок...
Вы меня понимаете? Я сегодня неловок...
О, в поэзах изысканных я строжайший редактор!

Не имею намеренья,— в этот раз я намерен,—
Вас одеть фиолетово, фиолетово-бархатно.
И — прошу Вас утонченно! — прибегите Вы в парк
одна,
У ольхового домика тихо стукните в двери.

Как боа кризантэмное бледно-бледно фиалково!
Им Вы крепко затянете мне певучее горло...
А наутро восторженно всем поведает Пулково,
Что открыли ученые в небе новые перлы...

1911

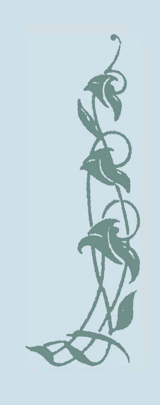
ШАМПАНСКИЙ ПОЛОНЕЗ

Шампанского в лилию! Шампанского в лилию! —
Ее целомудрием святеет оно.
Mignon с Escamilio! Mignon с Escamilio!
Шампанское в лилии — святое вино.

Шампанское, в лилии журчащее искристо,—
Вино, упоенное бокалом цветка.
Я славлю восторженно Христа и Антихриста
Душой, обожженною восторгом глотка!

Голубку и ястреба! Ригсдаг и Бастилию!
Кокотку и схимника! Порывность и сон!
В шампанское лилию! Шампанского в лилию!
В морях Дисгармонии — маяк Унисон!

1912. Октябрь

ПОЭЗОКОНЦЕРТ

> Где свой алтарь воздвигли боги,
> Не место призракам земли!
>
> *Мирра Лохвицкая*

В Академии Поэзии — в озерзамке беломраморном —
Ежегодно мая первого фиолетовый концерт,
Посвященный внешним сумеркам, посвященный девам
траурным...
Тут — газеллы и рапсодии, тут — и глина, и мольберт.

Офиалчен и олилиен озерзамок Мирры Лохвицкой.
Лиловеют разнотонами станы тонких поэтесс,
Не доносятся по озеру шумы города и вздох людской,
Оттого, что груди женские — тут не груди, а дюшесс...

Наполняется поэтами безбородыми, безусыми,
Музыкально говорящими и поющими Любовь.
Золот гордый замок строфами, золот девушками
русыми,
Золот юным вдохновением и отсутствием рабов!

Гости ходят кулуарами, возлежат на софном бархате,
Пьют вино, вдыхают лилии, цепят звенья пахитос...
Проклинайте, люди трезвые! Громче, злей, вороны,
каркайте! —
Я, как ректор Академии, пью за озерзамок тост!

1911

ЭТО БЫЛО У МОРЯ

ПОЭМА-МИНЬОНЕТ

Это было у моря, где ажурная пена,
Где встречается редко городской экипаж...
Королева играла — в башне замка — Шопена,
И, внимая Шопену, полюбил ее паж.

Было все очень просто, было все очень мило:
Королева просила перерезать гранат;
И дала половину, и пажа истомила,
И пажа полюбила, вся в мотивах сонат.

А потом отдавалась, отдавалась грозово,
До восхода рабыней проспала госпожа...
Это было у моря, где волна бирюзова,
Где ажурная пена и соната пажа.

1910. Февраль

ЗИЗИ

> Постигнуть сердцем все возможно
> Непостижимое уму.
>
> *К. Фофанов*

Бесшумно шло моторное ландо
По «островам» к зеленому «пуанту».
И взор Зизи, певучее рондо,
Скользя в лорнет, томил колени франту...

Хрустит от шин заносчиво шоссе,
И воздух полн весеннего удушья,
В ее душе — осколки строф Мюссэ,
А на лице — обидное бездушье.

Зизи, Зизи! Тебе себя не жаль?
Не жаль себя, бутончатой и кроткой?
Иль, может быть, цела души скрижаль.
И лилия не может быть кокоткой?

Останови мотор! сними манто
И шелк белья, бесчестья паутину,
Разбей колье и, выйдя из ландо,
Смой наготой муаровую тину!

Что до того, что скажет Пустота
Под шляпками, цилиндрами и кэпи!
Что до того! — такая нагота
Великолепней всех великолепий!

1910 Февраль

КЭНЗЕЛИ

В шумном платье муаровом, в шумном платье
муаровом
По аллее олуненной Вы проходите морево...
Ваше платье изысканно, Ваша тальма лазорева,
А дорожка песочная от листвы разузорена —
Точно лапы паучные, точно мех ягуаровый.

Для утонченной женщины ночь всегда новобрачная...
Упоенье любовное Вам судьбой предназначено...
В шумном платье муаровом, в шумном платье
муаровом —
Вы такая эстетная, Вы такая изящная...
Но кого же в любовники? и найдется ли пара Вам?

Ножки плэдом закутайте дорогим, ягуаровым,
И, садясь комфортабельно в ландолете бензиновом,
Жизнь доверьте Вы мальчику, в макинтоше
резиновом,
И закройте глаза ему Вашим платьем жасминовым —
Шумным платьем муаровым, шумным платьем
муаровым!..

1911

ВОЗДУШНАЯ ЯХТА

Ивану Лукашу

Я вскочила в Стокгольме на летучую яхту,
На крылатую яхту из березы карельской.
Капитан, мой любовник, встал с улыбкой на вахту,—
Закружился пропеллер белой ночью апрельской.

Опираясь на румпель, напевая из Грига,
Обещал он мне страны, где в цвету абрикосы,
Мы надменно следили эволюции брига,
Я раскрыла, как парус, бронзоватые косы.

Приставали к Венере, приставали к Сатурну,
Два часа пробродили по ледяной луне мы.
Там в саду урны с негой; принесли мне в сад урну.
На луне все любезны, потому что все немы.

Все миры облетели, все романсы пропели,
Рады были с визитом к самому Палладину...
А когда увидали, что поломан пропеллер,
Наша яхта спустилась на плавучую льдину...

1911

M-ME SANS-GENE

РАССКАЗ ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ

Это было в тропической Мексике,—
Где еще не спускался биплан,
Где так вкусны пушистые персики,—
В белом ранчо у моста лиан.

Далеко-далеко, за льяносами,
Где цветы ядовитее змей,
С индианками плоско-курносыми
Повстречалась я в жизни моей.

Я гостила у дикого племени,
Кругозор был и ярок, и нов,
Много-много уж этому времени!
Много-много уж этому снов!

С жаркой кровью, бурливее кратера,
Краснокожий метал бумеранг,
И нередко от выстрела скваттера
Уносил его стройный мустанг.

А бывало пунцовыми ранами
Пачкал в ранчо бамбуковый пол...
Я кормила индейца бананами,
Уважать заставляла свой пол...

Задушите меня, зацарапайте,—
Предпочтенье отдам дикарю,
Потому что любила на Западе
И за это себя не корю...

1910

ИЮЛЬСКИЙ ПОЛДЕНЬ

СИНЕМАТОГРАФ

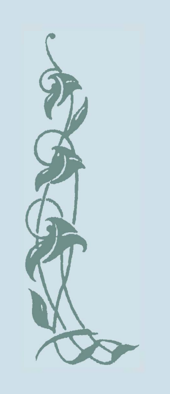
Элегантная коляска, в электрическом биеньи,
Эластично шелестела по шоссейному песку;
В ней две девственные дамы, в быстро-темпном
упоеньи,
В ало-встречном устремленьи — это пчелки
к лепестку.

А кругом бежали сосны, идеалы равноправий,
Плыло небо, пело солнце, кувыркался ветерок;
И под шинами мотора пыль дымилась, прыгал
гравий,
Совпадала с ветром птичка на дороге без дорог...

У ограды монастырской столбенел зловеще инок,
Слыша в хрупоте коляски звуки «нравственных
пропаж»...
И с испугом отряхаясь от разбуженных песчинок,
Проклинал безвредным взором шаловливый экипаж.

Хохот, свежий точно море, хохот жаркий, точно
кратер,
Лился лавой из коляски, остывая в выси сфер,
Шелестел молниеносно под колесами фарватер,
И пьянел вином восторга поощряемый шоффэр...

1910

ХАБАНЕРА III

От грез Кларета — в глазах рубины,
Рубины страсти, фиалки нег.
В хрустальных вазах коралл рябины
И белопудрый, и сладкий снег.

Струятся взоры... Лукавят серьги...
Кострят экстазы... Струнят глаза...
— Как он возможен, миражный берег...—
В бокал шепнула синьора Za.

О, бездна тайны! О, тайна бездны!
Забвенье глуби... Гамак волны...
Как мы подземны! Как мы надзвездны!
Как мы бездонны! Как мы полны!

Шуршат истомно муары влаги,
Вино сверкает, как стих поэм...
И закружились от чар малаги
Головки женщин и кризантэм...

1911

КАРЕТКА КУРТИЗАНКИ

Каретка куртизанки, в коричневую лошадь,
По хвойному откосу спускается на пляж.
Чтоб ножки не промокли, их надо окалошить,—
Блюстителем здоровья назначен юный паж.

Кудрявым музыкантам предложено исполнить
Бравадную мазурку. Маэстро, за пюпитр!
Удастся ль душу дамы восторженно омолнить
Курортному оркестру из мелодичных цитр?

Цилиндры солнцевеют, причесанные лоско,
И дамьи туалеты пригодны для витрин.
Смеется куртизанка. Ей вторит солнце броско.
Как хорошо в буфете пить крем-де-мандарин!

За чем же дело стало? — к буфету, черный кучер!
Гарсон, сымпровизируй блестящий файф-о-клок...
Каретка куртизанки опять все круче, круче,
И паж к ботинкам дамы, как фокстерьер, прилег...

Дылицы
1911

НЕЛЛИ

Константину Олимпову

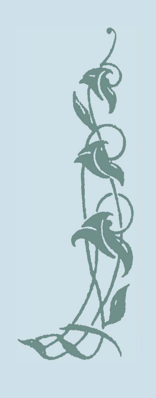
В будуаре тоскующей нарумяненной Нелли,
Где под пудрой молитвенник, а на ней Поль-де-Кок,
Где брюссельское кружево... на платке из фланели! —
На кушетке загрезился молодой педагог.

Познакомился в опере и влюбился, как юнкер.
Он готов осупружиться, он решился на все.
Перед нею он держится, точно мальчик, на струнке,
С нею в паре катается и играет в серсо.

Он читает ей Шницлера, посвящает в коктэбли,
Восхвалив авиацию, осуждает Китай
И, в ревнивом неверии, тайно метит в констэбли...
Нелли нехотя слушает.— Лучше ты покатай.

«Философия похоти!..— Нелли думает едко.—
Я в любви разуверилась, господин педагог...
О, когда бы на «Блерио» поместилась кушетка!
Интродукция — Гауптман, а финал — Поль-де-Кок!»

Дылицы
1911

КЛУБ ДАМ

Я в комфортабельной карете, на эллипсических
рессорах,
Люблю заехать в златополдень на чашку чая
в жено-клуб,
Где вкусно сплетничают дамы о светских дрязгах и
о ссорах,
Где глупый вправе слыть не глупым, но умный
непременно глуп...

О, фешенебельные темы! от вас тоска моя развеется!
Трепещут губы иронично, как земляничное желе...
— Индейцы — точно ананасы, и ананасы — как
индейцы...
Острит креолка, вспоминая о экзотической земле.

Градоначальница зевает, облокотясь на пианино,
И смотрит в окна, где истомно бредет хмелеющий
Июль.
Вкруг золотеет паутина, как символ ленных пленов
сплина,
И я, сравнив себя со всеми, люблю клуб дам не
потому ль?..

1912. Июнь

ЭКСЦЕССЕРКА

Ты пришла в шоколадной шаплетке,
Подняла золотую вуаль.
И, смотря на паркетные клетки,
Положила боа на рояль.

Ты затихла на палевом кресле,
Каблучком молоточа паркет...
Отчего-то шепнула: «А если?..»
И лицо окунула в букет.

У окна альпорозы в корзине
Чуть вздохнули,— их вздох витьеват...
Я не видел кузины в кузине,
И едва ли я в том виноват...

Ты взглянула утонченно-пьяно,
Прищемляя мне сердце зрачком...
И вонзила стрелу, как Диана,
Отточив острие язычком...

И поплыл я, вдыхая сигару,
Ткя седой и качелящий тюль,—
Погрузиться в твою Ниагару,
Сенокося твой спелый июль...

1912
Спб

CHANSON COQUETTE [1]

Над морем сидели они на веранде,
Глаза устремив к горизонту.
Виконт сомневался в своей виконтессе,
Она доверяла виконту.

Но пели веселые синие волны
И вечера южного влага,
И пела душа, танцовавшая в море:
«Доверие — высшее благо»...

И песнь поднималась легко на веранде,
Смущение верилось зонту...
Виконт целовал башмачок виконтессы,
Она отдавалась виконту!

1908

[1] Chanson coquette — игривая песня (*фр.*).

ЮГ НА СЕВЕРЕ

Я остановила у эскимосской юрты
Пегого оленя,— он поглядел умно.
    А я достала фрукты
    И стала пить вино.

И в тундре — вы понимаете? — стало южно...
В щелчках мороза — дробь кастаньет...
    И захохотала я жемчужно,
    Наведя на эскимоса свой лорнет.

1910

ФАНТАЗИЯ ВОСХОДА

Утреет. В предутреннем лепете
Льнет рыба к свинцовому грузику.
На лилий похожи все лебеди,
И солнце похоже на музыку!

Светило над мраморной виллою
Алеет румянцем свидания.
Придворной певицей Сивиллою
На пашне пропета «Титания».

У статуи Мирры паломники
Цветками кадят, точно ладаном.
Мечтатели — вечно бездомники...
Мечтатели — в платье заплатанном...

В лице, гениально изваянном,
Богини краса несказанная!
Гимн Солнцу исполнен хозяином,
«Осанна!» гремит за «Осанною!».

Коктэбли звучат за коктэблями,
Поют их прекрасные женщины;
Их станы колышатся стеблями,
Их лица улыбкой увенчаны.

Все гнезда в лопочущем хлопоте...
Все травы в бриллиантовом трепете...
Удало в ладони захлопайте,—
И к солнцу поднимутся лебеди!

1911

ПОЛОНЕЗ «ТИТАНИЯ»

(«MIGNON», АРИЯ ФИЛИНЫ)

1

Зовусь Титанией, царицей фей,
Я, лунокудрая нимфея — ночь!
Мой паж, сообщник мой, немой Морфей,
Соткал июнь,
Вуаля лунь;
Но только дунь,—
Прочь!

2

Благоуханная, как детский сон,
И легковейная, как мотылек,
Порхаю всюду я, и, вознесен
Моим крылом,
Мир стал орлом;
Взмахну жезлом,
Лёт!

3

Со свитой эльфовой сажусь в челнок
На хрупких крылышках, к Земле летя,
Я из дурман-травы плету венок,
И на лету
Всю волю ту
В него вплету
Я!

1910. Лето

ПЕСЕНКА ФИЛИНЫ

(«MIGNON», A. THOMAS)

Лаэрт, Лаэрт, мой милый,
Возлюбленный Лаэрт!
Сейчас я получила
Сиреневый конверт.

Чего вы рот раскрыли,
Как стофранковый клерк?
Дает нам снова крылья
Барон фон-Розенберг!

Зовет нас на гастроли
В свой замок на концерт.
Вы, право, точно кролик,
Любимый мой Лаэрт!

Послушайте, мой шельма,
Покрасьте свой парик.
Пускай зовет Вильгельма
Капризный Фредерик.

Ах, ужин за спектаклем
На сто один куверт...
Как весел он! — не так ли,
Мой преданный Лаэрт?..

Дылицы
1911

ДИССОНА

Георгию Иванову

В желтой гостиной, из серого клена, с обивкою
шелковой,
Ваше сиятельство любит по вторникам томный
журфикс.
В дамской венгерке комичного цвета, коричнево-
белковой,
Вы предлагаете тонкому обществу ирисный кэкс,
Нежно вдыхая сигары эрцгерцога абрис фиалковый...

Ваше сиятельство к тридцатилетнему — модному —
возрасту
Тело имеете универсальное... как барельеф...
Душу душистую, тщательно скрытую в шелковом
шелесте,
Очень удобную для проституток и для королев...
Впрочем, простите мне, Ваше сиятельство, алые
шалости...

Вашим супругом, послом в Арлекинии, ярко
правительство.
Ум и талант дипломата суть высшие качества...
Но для меня, для безумца, его аристотельство,
Как и поэзы мои для него, лишь чудачество...
Самое ж лучшее в нем, это — Ваше сиятельство!

1912

ЭПИТАЛАМА

Пою в помпезной эпиталаме
— О, Златолира, воспламеней! —
Пою Безумье твое и Пламя,
Бог новобрачных, бог Гименей!

Весенься вечно, бог пьяный слепо,
Всегда весенься, наивный бог!
Душа грезэра, как рай, нелепа!..
Вздох Гименея — Ивлиса вздох!

Журчит в фиалах вино, как зелье,
О, молодые, для вас одних!
Цветы огрезят вам новоселье —
Тебе, невеста! тебе, жених!

Костер ветреет... Кто смеет в пламя?!
Тот, кто пылает костра сильней!
Пою в победной эпиталаме
Тебя, бог свадьбы, бог Гименей!

1911

В ШАЛЭ БЕРЕЗОВОМ

ПОЭМЕТТА

В шалэ березовом, совсем игрушечном
и комфортабельном,
У зеркалозера, в лесу одебренном, в июне севера,
Убила девушка, в смущеньи ревности, ударом
сабельным
Слепого юношу, в чье ослепление так слепо верила.

Травой олуненной придя из ельника с охапкой
хвороста,
В шалэ березовом над Белолилией застала юного,
Лицо склонившего к цветку молочному в порыве
горести,
Тепло шептавшего слова признания в тоске июневой...

У лесоозера, в шалэ березовом,— березозебренном,—
Над мертвой лилией, над трупом юноши,
самоуверенно,
Плескалась девушка рыданья хохотом
темно-серебряным...
— И было гибельно.— И было тундрово.—
И было северно.

1910

СОНЕТ

Мы познакомились с ней в опере,— в то время,
Когда Филина пела полонез.
И я с тех пор — в очарованья дреме,
С тех пор она — в рядах моих принцесс.

Став одалиской в грезовом гареме,
Она едва ли знает мой пароль...
А я седлаю Память: ногу в стремя,—
И еду к ней, непознанный король.

Влюблен ли я, дрожит в руке перо ль,
Мне все равно; но вспоминать мне сладко
Ту девушку и данную мне роль.

Ее руки душистая перчатка
И до сих пор устам моим верна...
Но встречу вновь посеять — нет зерна!

1909. Ноябрь

СОНЕТ

Ее любовь проснулась в девять лет,
Когда иной ребенок занят куклой.
Дитя цвело, как томный персик пухлый,
И кудри вились, точно триолет.

Любовь дала малютке амулет:
Ее пленил — как сказка — мальчик смуглый...
Стал, через месяц, месяц дружбы — круглый.
Где, виконтесса, наше трио лет?

Ах, нет того, что так пленяло нас,
Как нет детей с игрой в любовь невинной.
Стремится смуглый мальчик на Парнас,

А девочка прием дает в гостиной
И, посыпая «пудрой» ананас,
Ткет разговор, изысканный и длинный.

Мыза Ивановка
1909. Июнь

СОНЕТ

По вечерам графинин фаэтон
Могли бы вы заметить у курзала.
Она входила в зал, давая тон,
Как капельмейстер, настроеньям зала.

Раз навсегда графиня показала
Красивый ум, прищуренный бутон
Чуть зрелых губ, в глазах застывший стон,
Как монумент неверности вассала...

В ее очей фиалковую глубь
Стремилось сердце каждого мужчины.
Но окунать их не было причины,—

Напрасно взоры ныли: приголубь...
И охлаждал поклонников шедевра
Сарказм *ее сиятельства из сэвра.*

1910. Январь

КОГДА ПРИДЕТ КОРАБЛЬ

Вы оделись вечером кисейно
И в саду стоите у бассейна,
Наблюдая, как лунеет мрамор
И проток дрожит на нем муаром.
Корабли оякорили бухты:
Привезли тропические фрукты,
Привезли узорчатые ткани,
Привезли мечты об океане.
А когда придет бразильский крейсер,
Лейтенант расскажет Вам про гейзер,
И сравнит... но это так интимно!..
Напевая нечто вроде гимна.
Он расскажет о лазори Ганга,
О проказах злых орангутанга,
О циничном африканском танце
И о вечном летуне — «Голландце».
Он покажет Вам альбом Камчатки,
Где еще культура не в зачатке,
Намекнет о нежной дружбе с гейшей,
Умолчав о близости дальнейшей...
За моря мечтой своей зареяв,
Распустив павлиньево свой веер,
Вы к нему прижметесь в теплой дрожи,
Полюбив его еще дороже...

1911

В ГОСПИТАЛЕ

Елене Семеновой

В незабудковом вуальном платье,
С белорозой в блондных волосах,
Навещаешь ты в седьмой палате
Юношу, побитого в горах...

И когда стеклянной галереей
Ты идешь, улыбна и легка,
Зацветают, весело пестрея,
Под ногой цветы половика.

Льется в окна ароматный рокот...
Ты вздыхаешь с музыкой в лице
Птичье пенье,— и смущенный доктор
Мнет в руке написанный рецепт...

А больной, разматывая марлю,
Не умея чувств своих скрывать,
Отставляя рюмку с Беникарло,
Проклинает скучную кровать...

И весенней девушкой омаен,
Упоен девической весной,
Талию твою слегка сжимая,
Хочет жить больной!

Декабрь 1911

ЛЮБИТЬ ЕДИНСТВЕННО...

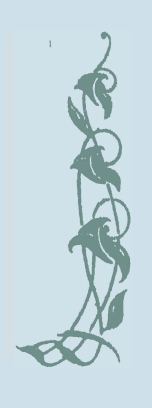
Любить пленительно одну и ту же,
В полузабвении молить: «Приди!
Пригубь уста мои, пригубь и туже
Озера страсти запруди!»

И бронзой верности грудь окандалив,
Ручьиться шелестно в извивах душ;
И сочным вечером, когда он палев,
Быть каждой женщине, как муж.

Сметь смело чувствовать и труд пчелиный
Светло опринципить в своем уме;
То — сок из ландыша, то — из малины
И в поцелуе, и в письме...

Пускай же милая твоя не тужит
И не устраивает слезоем:
Любить единственно, одну и ту же,—
Не надо вечно быть вдвоем!

Мыза Пустомержа
1912. Июль

В ПЯТИ ВЕРСТАХ ПО ПОЛОТНУ...

Весело, весело сердцу! звонко, душа, освирелься! —
Прогрохотал искрометно и эластично экспресс.
Я загорелся восторгом! я загляделся на рельсы! —
Дама в окне улыбалась, дама смотрела на лес.

Ручкой меня целовала. Поздно! — но как же тут
«раньше»?..
Эти глаза... вы — фиалки! эти глаза... вы — огни!
Солнце, закатное солнце! твой дирижабль оранжев!
Сяду в него,— повинуйся, поезд любви обгони!

Кто и куда? — не ответит. Если и хочет, не может.
И не догнать, и не встретить. Греза — сердечная
моль.
Все, что находит, теряет сердце мое... Боже, боже!
Призрачный промельк экспресса дал мне чаруйную
боль.

Варш. ж. д.
Май 1912

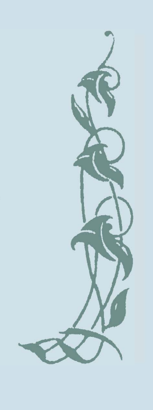
NOCTURNO

Навевали смуть былого окарины
Где-то в тихо вечеревшем далеке,—
И сирены, водяные балерины,
Заводили хороводы на реке.

Пропитались все растенья соловьями
И гудели, замирая, как струна.
А в воде — в реке, в пруде, в озерах, в яме —
Фонарями разбросалася луна.

Засветились на танцующей сирене
Водоросли под луной, как светляки.
Захотелось белых лилий и сирени,—
Но они друг другу странно далеки...

1909

СКАЗКА СИРЕНЕВОЙ КИСТИ

ПАСТЕЛЬ

Напевая лунные ноктюрны,
Бредил Май о призрачной вакханке,
Охлаждал свой жар росой из урны,
И скользили ножки, точно санки,
Порошею бело-яблоновой.
Скованы желанья знойным хмелем...
И блистая белизной слоновой
Ровных зубок, шепчет Ночь: «Постелем
Свадебное ложе на поляне,
Набросаем ландышей, азалий
Там, где бродят вдумчивые лани,
Там, где мы впервые рассказали
Сердцем сердцу смутные волненья,
Ожидая тщетно выполненья,
Как шагов невыясненных в зале»...
Тут луна скользнула в аметисте
Глаз царицы, скрытой сонным тюлем,—
И вспорхнули грезы Мая ульем,
И впились в сиреневые кисти...

1909. Октябрь

ПОЛЯРНЫЕ ПЫЛЫ

СНЕГОВАЯ ПОЭМА

Влюбленная в Северный Полюс Норвегия
    В гордой застыла дремоте.
Ленивые лоси! вы серебро-пегие,
    Ледяное пламя поймете...

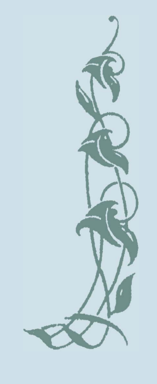
И там, где сливается с снегом медведица,
    Греза ее постоянна...
Бледнея в экстазе, сомнамбулой светится
    Так же, как д'Арк Иоанна.

Не быть Северянке любовницей полюса:
    Полюс — бесплотен, как греза...
Стремленья об иглы лесов укололися...
    Гаснет ее ариозо...

Морей привидения — глыбы ледяные —
    Точат насмешливо лязги...
И марева сыплют пророчества рдяные
    Волнам в сердитой припляске...

Дух Полюса чутко тревожит элегия,—
    Она воплощается в ноте...
И гордо вздыхая обманом, Норвегия
    Вновь застывает в дремоте.

1909. Октябрь

КВАДРАТ КВАДРАТОВ

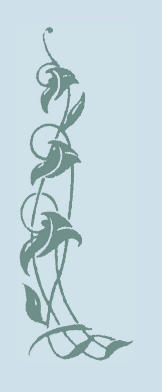
Никогда ни о чем не хочу говорить...
О поверь! — я устал, я совсем изнемог...
Был года палачом,— палачу не парить...
Точно зверь, заплутал меж поэм и тревог...

Ни о чем никогда говорить не хочу...
Я устал... О, поверь! изнемог я совсем...
Палачом был года — не парить палачу...
Заплутал, точно зверь, меж тревог и поэм...

Не хочу говорить никогда ни о чем...
Я совсем изнемог... О, поверь! я устал...
Палачу не парить!.. был года палачом...
Меж поэм и тревог, точно зверь, заплутал...

Говорить не хочу ни о чем никогда!..
Изнемог я совсем, я устал, о, поверь!
Не парить палачу!.. палачом был года!..
Меж тревог и поэм заплутал, точно зверь!..

1910

В ПРЕДГРОЗЬЕ

ЭТЮД

Захрустели пухлые кайзэрки,
Задымился ароматный чай,
И княжна улыбкою грезэрки
Подарила графа невзначай.

Золотая легкая соломка
Заструила в грезы алькермес.
Оттого, что говорили громко,
Колыхался в сердце траур месс.

Пряное душистое предгрозье
Задыхало груди. У реки,
Погрузясь в бездумье и безгрезье,
Удили форелей старики.

Ненавистник дождевых истерик —
Вздрагивал и нервничал дубок.
Я пошел проветриться на берег,
И меня кололо в левый бок.

Детонировал бесслухий тенор —
На соседней даче лейтенант,
Вспыливал нахохлившийся кенар —
Божиею милостью талант.

Небеса растерянно ослепли,
Ветер зашарахался в листве,
Дождевые капли хлестко крепли,—
И душа заныла о родстве...

Было жаль, что плачет сердце чье-то,
Безотчетно к милому влекло.
Я пошел, не дав себе отчета,
Постучать в балконное стекло.

Я один,— что может быть противней!
Мне любовь, любовь ее нужна!
А княжна рыдала перед ливнем,
И звала, звала меня княжна!

Молниями ярко озаряем,
Домик погрузил меня в уют.
Мы сердца друг другу поверяем,
И они так грезово поют.

Снова — чай, хрустящие кайзэрки,
И цветы, и фрукты, и ликер,
И княжны, лазоревой грезэрки,
И любовь, и ласковый укор...

1910

ГРАСИЛЬДА

1

Когда взвуалится фиоль,
Офлеря ручеек,
Берет Грасильда канифоль,
И скрипку, и смычок.
Потом идет на горный скат
Запеть свои псалмы.
Вокруг леса, вокруг закат,
И нивы, и холмы.
Прозрачна песня, как слюда,
Как бриллиант в воде...
И ни туда, и ни сюда,—
И всюду, и везде!

2

Я выхожу в вечерний сад,
Утопленный в луне.
Шагну вперед, шагну назад,—
То к дубу, то к волне.
Повсюду сон, везде туман,
Как обруч — голоса...
Струят чарующий обман
Еловые леса.
Грасильда песнь поет во тьме,
Подобную звезде...
И ни в груди, и ни в уме,—
И всюду, и везде!

3

Какая ночь! — и глушь, и тишь,
И сонь, и лунь, и воль...
Зачем же, сердце, ты грустишь?
Откуда эта боль?
Грасильда, пой. Грасильда, пой,
Маячь пути ко сну.
Твоей симфонией слепой
Я сердце захлестну!
Грасильда, пой!.. Уста к устам,—
И мы уснем в воде...
Любовь ни здесь, любовь ни там,—
И всюду, и везде!

ИЮНЕВЫЙ НАБРОСОК

Мисс Лиль

Взгляни-ка, девочка, взгляни-ка! —
В лесу поспела земляника,
И прифрантился мухомор —
Объект насмешек и умор...
О, поверни на речку глазы
(Я не хочу сказать: глаза...):
Там утки, точно водолазы,
Ныряют прямо в небеса.
Ты слышишь? — чьи-то голоса
Звучат так весело-задорно
Над обнебесенной рекой?
Дитя, послушай,— успокой
Свою печаль; пойми, все вздорно
Здесь, на земле... Своей тоской
Ты ничего тут не изменишь,
Как нищего ни обезденежь,
Как полдня ты не олунишь...
Взгляни вокруг себя, взгляни ж!
Оно подобно мигу, лето...
Дитя, ты только посмотри:
Ведь мухомор — как Риголетто,
Да не один еще,— их три!

1910

ГУРМАНКА

СОНЕТ

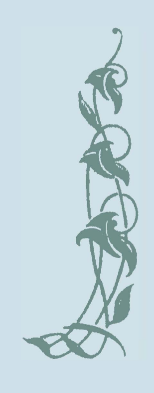
Ты ласточек рисуешь на меню,
Взбивая сливки к тертому каштану.
За это я тебе не изменю
И никогда любить не перестану.

Все жирное, что угрожает стану,
В загоне у тебя. Я не виню,
Что петуха ты знаешь по Ростану
И вовсе ты не знаешь про свинью.

Зато когда твой фаворит — арабчик
Подаст с икрою паюсною рябчик,
Кувшин Шабли и стерлядь из Шексны,

Пикантно сжав утонченные ноздри,
Ты вздрогнешь так, что улыбнутся сестры,
Приняв ту дрожь за веянье весны...

1910

МАРИОНЕТКА ПРОКАЗ

НОВЕЛЛА

Чистокровные лошади распылились в приплясже,
Любопытством и трепетом вся толпа сражена.
По столичному городу проезжает в коляске
Кружевная, капризная властелина жена.

Улыбаясь презрительно на крутые поклоны
И считая холопами без различия всех,
Вдруг заметила женщина — там, где храма колонны,
Нечто красочно-резкое, задохнувшее смех.

Оборванец, красивее всех любовников замка,
Шевелил ее чувственность, раболепно застыв,
И проснулась в ней женщина, и проснулась в ней самка,
И она передернулась, как в оркестре мотив.

Повелела капризница посадить оборванца
На подушку атласную прямо рядом с собой.
И толпа оскорбленная не сдержала румянца,
Хоть наружно осталася безнадежной рабой.

А когда перепуганный — очарованный нищий
Бессознательно выполнил гривуазный приказ,
Утомленная женщина, отшвырнув голенищи,
Растоптала коляскою марьонетку проказ...

1910

PRELUDE I

Я, белоснежный, печальноюный бубенчик-ландыш,
Шуршу в свой чепчик
Зефира легче
Для птичек певчих...
И тихо плачу белесой ночью, что миг мне дан лишь —
Для вдохновенья,
Для упоенья
Самозабвенья...

О, Май душистый,
Приляг на мшистый
Ковер пушистый!
Люблю, как утром мои коронки ты обрильянтишь!
На луноструне
Пою чаруний —
Стрекоз ажурных... Я — милый, белый, улыбный ландыш —
Усну в июне...

1911

VIRELA I

Я голоса ее не слышал,
И имени ее не знал...
...Она была в злофейном крэпе...
...В ее глазах грустили степи...
Когда она из церкви вышла
И вздрогнула — я застонал...
Но голоса ее не слышал,
Но имени ее не знал.

1912. Ноябрь

ДЕЛЬ-АКВА-ТОР

ЛИРИЧЕСКАЯ ВУАЛЬ

1

— Иди к цветку Виктории Регине,
Иди в простор
И передай привет от герцогини
Дель-Аква-Тор.
На том цветке созрело государство;
Найди шалэ;
У входа — страж, в руке у стража — астра,
Звезда во мгле.
Тогда скажи, застолбенея в дверцах:
«Несу простор!
Привет тебе, лилиесердный герцог
Дель-Аква-Тор!
Вставай на путь, по благости Богини
Тоску забудь...
Внемли послу грозовой герцогини —
Вставай на путь!
Довольно мук; ты долго пожил ало,
Твой бред кровав;
Она тебя увидеть пожелала,
К себе призвав.
Довольно мук — их искупило время...
Твой взор смущен...
Коня, коня! огнистей ногу в стремя,—
Ведь ты прощен!»

2

Ушел посол к Виктории Регине,
Ушел в простор,
Чтоб передать привет от герцогини
Дель-Аква-Тор.
Он долго брел в обетах ложных далей
И — в щелях скал —
Испепелил подошвы у сандалий,
И все искал.
Искал страну и втайне думал: сгину,—
Не поверну...

Искал страну Викторию Регину,
	Искал страну.
Лишь для него пчела будила струны
	Своих мандол;
Лишь для него ломалось о буруны
	Весло гондол;
Лишь для него провеерила воздух
	Слюда цикад.
И шел гонец, и шел с гонцом сам Гроз-Дух —
	Все наугад.
Он не пришел к Виктории Регине,
	Он не пришел;
Не передал прощенья Герцогини,—
	Он не нашел.
Он не нашел такой страны цветковой
	И — между скал —
Погиб посол, искать всегда готовый...
	Да, он искал!

3

Прошли века, дымя свои седины,
	Свой прах сложив,
В земле — рабы, и в склепах — паладины,
	Но герцог — жив.
Он жив! Он жив! Он пьет очами сердца
	Пустой простор.
И мира нет,— но *где-то* бьется герцог
	Дель-Аква-Тор...

1910

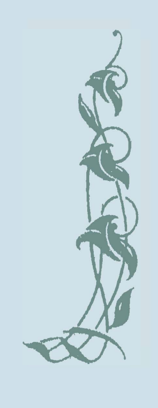
СОНАТЫ В ШТОРМ

На Ваших эффектных нервах звучали всю ночь
сонаты,
А Вы возлежали на башне на ландышевом ковре...
Трещала, палила буря, и якорные канаты,
Как будто титаны-струны, озвучили весь корвет.

Но разве Вам было дело, что где-то рыдают и стонут,
Что бешеный шторм грохочет, бросая на скалы
фрегат.
Вы пили вино мятежно, Вы брали монбланную ноту!
Сверкали агаты брошек, но ярче был взоров агат!

Трещала, палила буря. Стонала дворцовая пристань.
Кричали и гибли люди. Корабль набегал на корабль.
А вы, семеня гранаты, смеясь, целовали артиста...
Он сел за рояль, как гений,— окончил игру, как раб...

Дылицы
1911

БАЛЬКИС И ВАЛТАСАР

ЛИРИЗА

(По Анатолию Франсу)

Прекрасною зовут тебя поэты,
Великою зовут тебя жрецы.

Мирра Лохвицкая

1. Царь Валтасар у стен Сабата

Повеял шумный аромат
Цветов, забвенней, чем Нирвана.
Конец пути для каравана:
Вот и она, страна Сабат!
Царь Эфиопский Валтасар
Вскричал рабам: «Поторопитесь!
О, маг мой мудрый, Сембобитис,
Мы у Балькис, царицы чар!
Снимайте пыльные тюки
С присевших в устали верблюдов,
И мирру, в грани изумрудов,
И золотые пустяки».
Гостей приветствует весна,
Цветут струистые гранаты;
Как птицы, девушки крылаты,
Все жаждет ласки и вина!
Где золотеют купола —
Фонтан, лук сабель влажно-певчих,
Ракетит ароматный жемчуг
И рассекает пополам!
Волнуйно-теневый эскиз
Скользнул по зубчикам дворцовым,—
В наряде чувственно-пунцовом
К гостям спускается Балькис.
Цветет улыбка на губах,
Разгоряченных соком пальмы,—
И Валтасар, как раб опальный,
Повержен долу при рабах...

2. В шатре блаженства

Улыбно светит с неба Синь —
Цветка эдемского тычинкой.
Царь кипарисною лучинкой
Разлепесточил апельсин.
В углу распластан леопард,
И — кобылицею на воле —
Балькис, в гирляндах центифолий,
На нем волшбит колоду карт.
Ланитный алый бархат смугл,
И губы алчущие пряны...
Глаза — беспочвенные страны,
Куда — ни слон, ни конь, ни мул...
Омиррен палевый шатер,
И царь, омгленный ароматом,
От страсти судорожно-матов,
К царице руки распростер...
Менкера, евнух женофоб,
Бледнеет желтою досадой...
А в окна льется ночь из сада —
Черна, как истый эфиоп.
И вот несет уже кувшин
С водой душистою Алави...
И Суламифь, в истомной славе,
Ждет жгучей бездны, как вершин...

3. В Эфиопии

Олунен ленно-струйный Нил,
И вечер, взяв свое кадило,
Дымит чешуйкам крокодила,—
Он сердце к сердцу заманил.
Печален юный Валтасар.
Трепещут грезы к Суламите...
На звезды смотрит он: «Поймите
Мою любовь к царице чар!»
Он обращается к Кандас:
«Пойми, Балькис меня отвергла,
И прогнала меня, как негра,
Насмешкою маслинных глаз!..»
Тиха терраса у реки,
Спят Сембобитис и Менкера.
Завоет в роще пальм пантера,

Завьются змеи в тростники,—
И снова тишь. Тоской объят,
Царь погружается в безгрезье...
Склонился ангел в нежной позе,
Твердит, что вымышлен Сабат...
Все это — сон, мечта, каприз...
Извечный вымысел вселенский...
...В стране Сабат царь Комагенский
Берет горящую Балькис!

1911

ГОРОДСКАЯ ОСЕНЬ

Как элегантна осень в городе,
Где в ратуше дух моды внедрен!
Куда вы только ни посмотрите —
Везде на клумбах рододендрон...

Как лоско матовы и дымчаты
Пласты смолового асфальта,
И как корректно-переливчаты
Слова констэблевого альта!

Маркизы, древья улиц стриженных,
Блестят кокетливо и ало;
В лиловом инее — их, выжженных
Улыбкой солнца, тишь спаяла.

Надменен вылощенный памятник
(И глуповат! — прибавлю в скобках...)
Из пыли летней вынут грамотник
Рукой детей, от лени робких.

А в лиловеющие сумерки,—
Торцами вздорного проспекта,—
Зевают в фаэтонах грумики,
Окукленные для эффекта...

Костюм кокоток так аляповат...
Картавый смех под блесткий веер...
И фантазер на пунце Запада
Зовет в страну своих феерий!..

1911

ОСКАР УАЙЛЬД

АССО-СОНЕТ

Его душа — заплеванный Грааль,
Его уста — орозенная язва...
Так: ядосмех сменяла скорби спазма,
Без слез рыдал иронящий Уайльд.

У знатных дам, смакуя Ривезальт,
Он ощущал, как едкая миазма
Щекочет мозг,— щемящего сарказма
Змея ползла в сигарную вуаль...

Вселенец, заключенный в смокинг дэнди,
Он тропик перенес на вечный ледник,—
И солнечна была его тоска!

Палач-эстет и фанатичный патер,
По лабиринту шхер к морям фарватер,
За красоту покаранный Оскар!

1911

ГЮИ ДЕ МОПАССАН

СОНЕТ

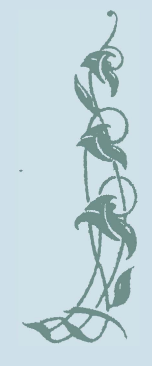
Трагичный юморист, юмористичный трагик,
Лукавый гуманист, гуманный ловелас,
На Францию смотря прищуром зорких глаз,
Он тек по ней, как ключ — в одебренном овраге.

Входил ли в форт Beaumonde [1], пред ним спускались
флаги,
Спускался ли в Разврат — дышал как водолаз,
Смотрел, шутил, вздыхал и после вел рассказ
Словами между букв, пером не по бумаге.

Маркиза ль, нищая, кокотка ль, буржуа,—
Но женщина его пленительно свежа,
Незримой, изнутри, лазорью осиянна...

Художник-ювелир сердец и тела дам,
Садовник девьих грез, он зрил в шантане храм,
И в этом — творчество Гюи де Мопассана.

1912. Апрель

[1] Beaumonde — высший свет (*фр.*).

ПАМЯТИ АМБРУАЗА ТОМА

СОНЕТ

Его мотив — для сердца амулет,
А мой сонет — его челу корона.
Поют шаги: Офелия, Гамлет,
Вильгельм, Реймонд, Филина и Миньона.

И тени их баюкают мой сон
В ночь летнюю, колдуя мозг певучий.
Им флейтой сердце трелит в унисон,
Лия лучи сверкающих созвучий.

Слух пьет узор ньюансов увертюр,
Крыла ажурной грацией амур
Колышет грудь кокетливой Филины.

А вот страна, где звонок аромат,
Где персики влюбляются в гранат,
Где взоры женщин сочны, как маслины.

1908

НА СМЕРТЬ МАССНЭ

Я прикажу оркестру, где-нибудь в людном месте,
В память Масснэ исполнить выпуклые попурри
Из грациоз его же. Слушайте, капельмейстер:
Будьте построже с темпом для партитур —
«causerie»! [1]

Принцем Изящной Ноты умер седой композитор:
Автор «Таис» учился у Амбруаза Тома,
А прославитель Гете,— как вы мне там ни грозите,—
Это — король мелодий! Это — изящность сама!

Хитрая смерть ошиблась и оказалась не хитрой,—
Умер Масснэ, но «умер» тут прозвучало, как «жив».
Палочку вверх, маэстро! Вы, господа, за пюпитры! —
Мертвый живых озвучит, в творчество душу вложив!

Веймарн
1912. Август

---

[1] Causerie — непринужденный разговор, легкая беседа *(фр.)*.

III. ЗА СТРУННОЙ ИЗГОРОДЬЮ ЛИРЫ

ИНТРОДУКЦИЯ

ТРИОЛЕТ

За струнной изгородью лиры
Живет неведомый паяц.
Его палаццо из палацц —
За струнной изгородью лиры...
Как он смешит пигмеев мира,
Как сотрясает хохот плац,
Когда за изгородью лиры
Рыдает царственный паяц!..

1909

НЕРОН

Поверяя пламенно золотой форминге
Чувства потаенные и кляня свой трон,
На коне задумчивом, по лесной тропинке,
Проезжает сгорбленный, страждущий Нерон.

Он — мучитель-мученик! Он — поэт-убийца!
Он жесток неслыханно, нежен и тосклив...
Как ему, мечтателю, в свой Эдем пробиться,
Где так упоителен солнечный прилив?

Мучают бездарные люди, опозорив
Облик императора общим сходством с ним...
Чужды люди кесарю: Клавдий так лазорев,
Люди ж озабочены пошлым и земным.

Разве удивительно, что сегодня в цирке,
Подданных лорнируя и кляня свой трон,
Вскочит с места в бешенстве, выместив в придирке
К первому патрицию злость свою, Нерон?

Разве удивительно, что из лож партера
На урода рыжего, веря в свой каприз,
Смотрят любопытные, жадные гетеры,
Зная, что душа его — радостный Парис?

Разве удивительно, что в амфитеатре
Все насторожилися и задохся стон,
Только в ложе кесаря появился, на три
Мига потрясающих, фьолевый хитон?

1911

СОНЕТ

Я коронуюсь утром мая
Под юным солнечным лучом.
Весна, пришедшая из рая
Чело украсить мне венцом.

Жасмин, ромашки, незабудки,
Фиалки, ландыши, сирень
Жизнь отдадут — цветы так чутки! —
Мне для венца в счастливый день.

Придет поэт, с неправдой воин,
И скажет мне: «Ты быть достоин
Моим наследником; хитон,

Порфиру, скипетр — я, взволнован,
Даю тебе... Взойди на трон,
Благословен и коронован».

1908

ИЗ АНРИ ДЕ РЕНЬЕ

БОГИ

Во сне со мной беседовали боги:
Один струился влагой водорослей,
Другой блестел колосьями пшеницы
И гроздьями тяжелыми шумел.
Еще один — прекрасный и крылатый
И — в наготе — далекий, недоступный;
Еще один — с лицом полузакрытым;
И пятый бог, который с тихой песней
Берет омег, анютины глазенки
И змеями двумя перевивает
Свой золотой и драгоценный тирс.
И снились мне еще другие боги...

И я сказал: вот флейты и корзины,
Вкусите от плодов моих простых,
Внимайте пенью пчел, ловите шорох
Смиренных ив и тихих тростников.
И я сказал: — Прислушайся... Есть кто-то,
Кто говорит устами эхо где-то,
Кто одинок на страже шумной жизни,
Кто в руки взял двойные лук и факел,
Кто — так непостижимо — сами мы...

О, тайный лик! Ведь я тебя чеканил
В медалях из серебряной истомы,
Из серебра, нежнее зорь осенних,
Из золота, горячего, как солнце,
Из меди, мрачной меди, точно ночь.
Чеканил я тебя во всех металлах,
Которые звенят светло, как радость,
Которые звучат темно и глухо,
Звучат — как слава, смерть или любовь.
Но лучшие — я мастерил из глины,
Из хрупкой глины, серой и сухой...

С улыбкою вы станете считать их
И, похвалив за тонкую работу,
С улыбкою пройдете мимо них...
Но как же так? но что же это значит?

Ужель никто, никто из нас не видел,
Как эти руки нежностью дрожали,
Как весь великий сон земли вселился,
Как жил во мне, чтоб в них воскреснуть вновь?

Ужель никто, никто из нас не понял,
Что из металлов благостных я делал
Моих богов, и что все эти боги
Имели лик того, всего святого,
Что чувствуем, угадываем тайно
В лесу, в траве, в морях, в ветрах и в розах,
Во всех явленьях, даже в нашем теле,
И что они — священно — сами мы!..

1910. Февраль

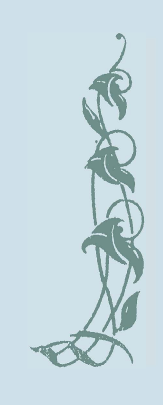
ПОЭЗА О СОЛНЦЕ, В ДУШЕ ВОСХОДЯЩЕМ

В моей душе восходит солнце,
Гоня невзгодную зиму.
В экстазе идолопоклонца
Молюсь таланту своему.

В его лучах легко и просто
Вступаю в жизнь, как в листный сад.
Я улыбаюсь, как подросток,
Приемлю все, всему я рад.

Ах, для меня, для беззаконца,
Один действителен закон:
В моей душе восходит солнце,
И я лучиться обречен!

1912. Май

ГРЕЗОВОЕ ЦАРСТВО

Я — царь страны несуществующей,
Страны, где имени мне нет...
Душой, созвездия колдующей,
Витаю я среди планет.

Я, интуит с душой мимозовой,
Постиг бессмертия процесс.
В моей стране есть терем грезовый
Для намагниченных принцесс.

В моем междупланетном тереме
Звучат мелодии Тома.
Принцессы в гений мой поверили,
Забыв земные терема.

Их много, дев нерассуждающих,
В экстазе сбросивших плащи,
Так упоительно страдающих
И переливных, как лучи.

Им подсказал инстинкт их звончатый
Избрать мой грезовый гарем.
Они вошли душой бутончатой,
Вошли — как Ромул и как Рем.

И распустилось царство новое,
Страна безразумных чудес...
И, восхищен своей основою,
Дышу я душами принцесс!..

1910

ТРИНАДЦАТАЯ

НОВЕЛЛА

У меня дворец двенадцатиэтажный,
У меня принцесса в каждом этаже.
Подглядел-подслушал как-то вихрь протяжный,—
И об этом знает целый свет уже.

Знает,— и прекрасно! сердцем не плутую!
Всех люблю, двенадцать,— хоть на эшафот!
Я настрою арфу, арфу золотую,
Ничего не скрою, все скажу... Так вот:

Все мои принцессы — любящие жены,
Я, их повелитель, любящий их муж.
Знойным поцелуем груди их прожжены,
И в каскады слиты ручейки их душ.

Каждая друг друга дополняет тонко,
Каждая прекрасна, в каждой есть свое:
Та грустит беззвучно, та хохочет звонко,—
Радуется сердце любое мое!

Поровну люблю я каждую принцессу,
Царски награждаю каждую собой...
День и ночь хожу по лестнице, завесу
Очередной спальни дергая рукой...

День и ночь хожу я, день и ночь не сплю я,
В упоеньи мигом некогда тужить.
Жизнь — от поцелуев, жизнь до поцелуя,
Вечное забвенье не дает мне жить.

Но бывают ночи: заберусь я в башню,
Заберусь один в тринадцатый этаж,
И смотрю на море, и смотрю на пашню,
И чарует греза все одна и та ж:

Хорошо бы в этой комнате стеклянной
Пить златистогрезый черный виноград

С вечно-безымянной, странно так желанной,
Той, кого не знаю и узнать не рад.

Скалы молят звезды, звезды молят скалы,
Смутно понимая тайну скал и звезд,—
Наполняю соком и душой бокалы
И провозглашаю безответный тост!..

1910

ПРОГУЛКА КОРОЛЯ

ЭТЮД

П. Я. Морозову

Я иду со свитою по лесу.
Солнце лавит с неба, как поток.
Я смотрю на каждую принцессу,
Как пчела на мёдовый цветок.
Паутинкой златно перевитый
Веселеет полдневный лесок.
Я иду с принцессовою свитой
На горячий моревый песок.
Олазорен шелковою тканью,
Коронован розами венка,
Напевая что-то из Масканьи,
Вспоминаю клумбу у окна...
Наклонясь с улыбкой к адъютанту —
К девушке, идущей за плечом,—
Я беру ее за аксельбанты,
Говоря про все и ни о чем...
Ах, мои принцессы не ревнивы,
Потому что все они мои...
Мы выходим в спеющие нивы —
Образцом изысканной семьи...
Вьются кудри: золото и бронза,
Пепельные, карие и смоль.
Льются взоры, ласково и грезно —
То лазорь, то пламя, то фиоль.
Заморело! — глиняные глыбки
Я бросаю в море, хохоча.
А вокруг — влюбленные улыбки,
А внизу — песчаная парча!
На pliant [1] из алой парусины
Я сажусь, впивая горизонт.
Адъютант приносит клавесины,
Раскрывает надо мною зонт.
От жары все личики поблекли,
Прилегли принцессы на песке;
Созерцают море сквозь бинокли

[1] pliant — складной стул *(фр.)*.

И следят за чайкой на мыске.
Я взмахну лорнетом,— и Сивилла
Из Тома запела попурри,
Всю себя офлерила, овила,
Голоском высоко воспарив.
Как стройна и как темноголова!
Как ее верхи звучат свежо!
Хорошо!..— и нет другого слова,
Да и то совсем не хорошо!
В златосне, на жгучем побережье,
Забываю свой высокий сан,
И дышу, в забвении, все реже,
Несказанной Грезой осиян...

1911

ПРИЗРАК

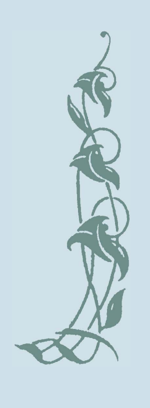
Ты каждый день приходишь, как гризетка,
В часовню грез моих приходишь ты;
Твоей рукой поправлена розетка,
Румянцем уст раскрашены мечты.

Дитя мое! Ты — враг ничтожных ролек.
А вдохновлять поэта — это честь.
Как я люблю тебя, мой белый кролик!
Как я ценю!.. Но чувств не перечесть.

Я одинок... Я мелочно осмеян...
Ты поняла, что ласка мне нужна —
Твой гордый взор так нежен, так лилеен,
Моя сестра, подруга и жена.

Да, верю я глазам твоим, влекущим
Меня к Звезде, как верю я в Звезду.
Я отплачу тебе своим грядущим
И за собой в бессмертие введу!

1909. Декабрь

МИСС ЛИЛЬ

Котик милый, деточка! встань скорей на цыпочки,
Алогубы-цветики жарко протяни...
В грязной репутации хорошенько выпачкай
Имя светозарное гения в тени...

Ласковая девонька! крошечная грешница!
Ты еще пикантнее от людских помой!
Верю: ты измучилась... Надо онездешниться,
Надо быть улыбчатой, тихой и немой.

Все мои товарищи (как зовешь нечаянно
Ты моих поклонников и моих врагов...)
Как-то усмехаются и глядят отчаянно
На ночную бабочку выше облаков.

Разве верят скептики, что ночную бабочку
Любит сострадательно молодой орел?
Честная бесчестница! белая арабочка!
Брызгай грязью чистою в славный ореол!..

1911

КОКТЕБЕЛЬ

Подходят ночи в сомбреро синих,
Созвездья взоров поют звезде,
Поют в пещерах, поют в пустынях,
Поют на море, поют везде.

Остынет отзвук денного гуда,—
И вьюгу звуков вскрутит закат...
Подходят ночи — зачем? откуда? —
К моей избушке на горный скат.

Как много чувства в их взмахах теплых!
Как много тайны в их ласк волшбе!
Весь ум — в извивах, все сердце — в воплях...
Мечта поэта! пою тебе...

1909

АЛТАЙСКИЙ ГИМН

О, океана золотая,—
Крещенский солнечный восход!
Скользит, как вздох Эола, тая
По скатогориям Алтая

Победоносный лыжеход.
Снега, снега,— как беломорье...
Восход бестепел. Вдоль полян
Метет предутренник с нагорья

Пушисто-снежное узорье,
А ветер светел и ледян.
Осветозарь мои веленья,
Мои желанья и пути.

Ты, созидающий оленя,
Как бодрость упоенной лени,
Дающий десять для пяти!
Гуди, ледяное безводье!

Пылай короною, Январь!
Крепи, бурят, свои поводья,
А Ты, Эмблема Плодородья,
Мои пути осветозарь!

1910

АГАСФЕРУ МОРЕЙ

Вижу, капитан «Скитальца-моряка»,
Вечный странник,
Вижу, как твоя направлена рука
На «Titanic»...

Знаю, капитан немого корабля,
Мститель-призрак,
Знаю, что со дня, как выгнала земля,
Буре близок...

Верю, капитан «Голландца-Летуна»,
Враг боязни,
Верю, для тебя пустить корабль до дна —
Страстный праздник...

Злобный хохот твой грохочет в глубине
Окаянно:
Все теперь — твое, лежащее на дне
Океана...

Рыбам отдаешь — зачем трофей тебе?! —
Все — для пищи...
Руку, капитан, товарищ по судьбе,
Мой дружище!

1912. Апрель

НА ЛЕТУНЕ

Валерию Брюсову

Король на плахе. Королевство —
Уже республика: и принц
Бежит, сестры спасая детство,
В одну из моревых провинц.

И там, в улыбности привета,
У острых шхер, у сонных дюн,
Их ждут — и палуба корвета,
И комфортабельный летун,

Вперед! — осолнечен пропеллер,
Стрекочет, ветрит и трещит.
Моторолет крылит на север,
Где ощетинен бора щит.

Скорбит принцесса. В алой ленте
Лукавит солнце, как Пилат.
Злодея мыслит в президенте
Беглец из мраморных палат.

И, очарованный полетом,
Дарит пилоту комплимент,
Не зная, что его пилотом —
Никто иной, как президент!

1912

ГАЗЭЛЛА

Мой мозг словами: «Ты больной!» — сжимаешь ты,
И хлыст упругий и стальной сжимаешь ты.

Я хохочу тебе в лицо, я хохочу,—
И, в гневе, хлыст своей рукой сжимаешь ты.

Над головой моей взнесла свистящий хлыст,—
Ударить хочешь, но с тоской сжимаешь ты.

«Живи, люби, пиши, как все! и будешь — мой...»
Меня в объятьях,— и с мольбой,— сжимаешь ты.

Немею в бешенстве — затем, чтоб не убить!
Мне сердце мукой огневой сжимаешь ты.

Веймарн
1912. Август

РОНДЕЛИ

О Мирре грезит Вандэлин,
О Вандэлине грезит Мирра.
Она властительница мира,
И он — вселенной властелин.
Люблю я в замке меж долин
Внимать душою, полной мира,
Как Миррой грезит Вандэлин,
Как Вандэлином грезит Мирра.
Под стрекотанье мандолин
Дрожит моя больная лира,
Что Мирры нет, что в мире сиро
И что — всегда, всегда один —
Грустит о Мирре Вандэлин.

1911

ВРУБЕЛЮ

Так тихо-долго шла жизнь на убыль
　　В душе, исканьем обворованной...
Так страстно-тихо растаял Врубель,
　　Так безнадежно очарованный...

Ему фиалки струили дымки
　　Лица трагически-безликого...
Душа впитала все невидимки,
　　Дрожа в преддверии великого...

Но дерзновенье слепило кисти,
　　А кисть дразнила дерзновенное...
Он тихо таял,— он золотистей
　　Пылал душою вдохновенною...

Цветов побольше на крышку гроба:
В гробу — венчанье!.. Отныне оба —
　　Мечта и кисть — в немой гармонии,
　　Как лейтмотив больной симфонии...

1910. Апрель

ДЕМОН

Княжне Ар. Шахназаровой

Кавказ! Я никогда не видел
Твоих ущелий, рек и скал
И на арабце, чуя гибель,
В ущельях скользких не скакал.

Но страстная волна Дарьяла
В моей душе рождает гул;
Мне сердце часто повторяло,
Что порывается в аул.

Там где-нибудь в грузинской сакле,
Под стон унывной каманчи,
Еще легенды не иссякли —
Грез неистечные ключи,

Мне верится, твои Тамары,
О магнетический Кавказ,
Еще волшбят в чинарах чары,
Еще не кончили свой сказ...

Еще не высохла Арагва,
Еще не вымер Синодал,
Но Демон пламенно и нагло
Уж не возникнет между скал:

Теперь, когда проник в Эдем он,
Воссев на покоренный трон,
Томится пресыщенный Демон,
И ни о чем не грезит он...

1911. Ноябрь

НА СМЕРТЬ ФОФАНОВА

Поэзия есть зверь, пугающий людей.

К. Фофанов

Пока поэт был жив, его вы поносили,
Покинули его, бежали, как чумы...
Пред мудрым опьяненьем — от бессилья
Дрожали трезвые умы!

Постигнете ли вы, «прозаики-злодеи»,
Почтенные отцы, достойные мужи,
Что пьяным гением зажженные идеи —
Прекрасней вашей трезвой лжи?!

Постигнете ли вы, приличные мерзавцы,
Шары бездарные в шикарных котелках,
Что сердце, видя вас, боялось разорваться,
Что вы ему внушали страх?!

Не вам его винить: весь мир любить готовый
И видя только зло,— в отчаяньи, светло
Он жаждал опьянеть, дабы венец терновый,
Как лавр, овил его чело!..

Я узнаю во всем вас, дети злого века!
Паденье славного — бесславных торжество!
Позорно презирать за слабость человека,
Отнявши силы у него.

Дылицы
1911. Август

НАД ГРОБОМ ФОФАНОВА

ИНТУИТТА

Милый Вы мой и добрый! Ведь Вы так измучились
От вечного одиночества, от одиночного холода...
По своей принцессе лазоревой — по Мечте своей
соскучились:
Сердце-то было весело! сердце-то было молодо!

Застенчивый всегда и ласковый, вечно Вы
тревожились,
Пели почти безразумно,— до самозабвения...
С каждою новою песнею Ваши страданья множились,
И Вы — о, я понимаю Вас! — страдали от
вдохновения...

Вижу Вашу улыбку, сквозь гроб меня озаряющую,
Слышу, как божьи ангелы говорят Вам: «Добро
пожаловать!»
Господи! прими его душу, так невыносимо
страдающую!
Царство Тебе небесное, дорогой Константин
Михайлович!

1911. Май

ЛЮБОВЬ И СЛАВА

Я полюбил двух юных королев,
Равно влекущих строго и лукаво.
Кого мне предпочесть из этих дев?
Их имена: Любовь и Слава.

Прекрасные и гордые! владеть
Хочу двумя, чарующими, вами.
В ответ надменно блещете очами,
И я читаю в них: «Не сметь!»

Влекусь к Любви,— заносит ржавый нож,
Грозя гангреной, мстительная Слава.
К ней поверну, молю ее,— «Направо! —
Кричит Любовь: — А я-то что ж?»

«Вы обе дороги»,— стенаю. «Нет!» —
Ответствуют мне разом девы:
«Одну из нас,— кому свои напевы
И жизнь свою вручишь, поэт!»

Я выбрать не могу. Прочь, Смерть! — Рабов
Удел — самоубийство! выход найден:
Дай, Слава, мне питья из виноградин,
Ты отрави его, Любовь!

1912

ГЕРОИЗА

Мне улыбалась Красота,
Как фавориту-аполлонцу,
И я решил подняться к Солнцу,
Чтоб целовать его уста!
Вознес меня аэроплан
В моря расплавленного злата;
Но там ждала меня расплата:
Голубоперый мой палан
Испепелен, как деревянный
Машинно-крылый истукан,
А я за дерзновенный план,
Под гром и грохот барабанный,
Был возвращен земле жеманной —
Живым и смелым. Ураган
Взревел над миром, я же, странный,
Весь от позора бездыханный,
Вином наполнил свой стакан,
Ища в нем черного безгрезья
От вдохновения и грез...
И что же? — в соке сжатых гроздий
Сверкал мне тот же Гелиос!
И в белом бешенстве ледяном,
Я заменял стакан стаканом,
Глотая Солнце каждый раз!..
А Солнце, в пламенном бесстрастьи,
Как неба вдохновенный глаз,
Лучи бросало, точно снасти,
И презирало мой экстаз!..

...Ищу чудесное кольцо,
Чтоб окрылиться аполлонцу,—
И позабывшемуся Солнцу
Надменно плюну я в лицо!

1911. Декабрь

РЯДОВЫЕ ЛЮДИ

Я презираю спокойно, грустно, светло и строго
Людей бездарных: отсталых, плоских, темно-упрямых.
    Моя дорога — не их дорога.
    Мои кумиры — не в людных храмах.

Я не желаю ни зла, ни горя всем этим людям,—
Я равнодушен; порой прощаю, порой жалею.
    Моя дорога лежит безлюдьем.
    Моя пустыня,— дворца светлее.

За что любить их, таких мне чуждых? за что убить их?!
Они так жалки, так примитивны и так бесцветны.
    Идите мимо в своих событьях,—
    Я безвопросен: вы безответны.

Не знаю скверных, не знаю подлых; все люди правы;
Не понимают они друг друга,— их доля злая.
    Мои услады — для них отравы.
    Я презираю, благословляя...

1911

МОИ ПОХОРОНЫ

Меня положат в гроб фарфоровый
На ткань снежинок яблоновых,
И похоронят (...как Суворова...)
Меня, новейшего из новых.

Не повезут поэта лошади,—
Век даст мотор для катафалка.
На гроб букеты вы положите:
Мимоза, лилия, фиалка.

Под искры музыки оркестровой,
Под вздох изнеженной малины —
Она, кого я так приветствовал,
Протрелит полонез Филины.

Всем будет весело и солнечно,
Осветит лица милосердье...
И светозарно-ореолочно
Согреет всех мое бессмертье!

1910

СЕКСТИНА

Я заклеймен, как некогда Бодлэр;
То — я скорблю, то — мне от смеха душно.
Читаю отзыв, точно ем «эклер»:
Так обо мне рецензия... воздушна.
О, критика — проспавший Шантеклер! —
«Ку-ка-ре-ку!», ведь солнце не послушно.

Светило дня душе своей послушно.
Цветами зла увенчанный Бодлэр,
Сам — лилия... И критик-шантеклер
Сконфуженно бормочет: «Что-то душно»...
Пусть дирижабли выглядят воздушно,
А критики забудут — про «эклер».

Прочувствовать талант — не съесть «эклер»;
Внимать душе восторженно, послушно —
Владеть душой; нельзя судить воздушно,—
Поглубже в глубь: бывает в ней *Бодлэр.*
И курский соловей поет бездушно,
Когда ему мешает шантеклер.

Иному, впрочем, ближе «шантеклер».
Такой «иной» воздушен, как «эклер»,
И от такого вкуса — сердцу душно.
«Читатель средний» робко и послушно
Подумает, что пакостен Бодлэр,
И примется браниться не воздушно...

И в воздухе бывает не воздушно,
Когда летать захочет шантеклер,
Иль авиатор, скушавший «эклер»,
Почувствует (одобришь ли, Бодлэр?),
Почувствует, что сладость непослушна,
Что тяжело под ложечкой и душно...

Близка гроза. Всегда предгрозье душно.
Но хлынет дождь живительный воздушно,—
Вздохнет земля свободно и послушно.
Близка гроза! В курятник, Шантеклер!
В моих очах éclair [1], а не «эклер»!
Я отомщу *собою,* как — Бодлэр!

1910. Весна

[1] éclair — молния (*фр.*).

IV. ЭГО-ФУТУРИЗМ

ПРОЛОГ

Вы идете обычной тропой,—
Он — к снегам недоступных вершин.

Мирра Лохвицкая

I

Прах Мирры Лохвицкой осклепен,
Крест изменен на мавзолей,—
Но до сих пор великолепен
Ее экстазный станс аллей.

Весной, когда, себя ломая,
Пел хрипло Фофанов больной,
К нему пришла принцесса Мая,
Его окутав пеленой...

Увы! — Пустынно на опушке
Олимпа грезовых лесов...
Для нас Державиным стал Пушкин,—
Нам надо новых голосов.

Теперь повсюду дирижабли
Летят, пропеллером ворча,
И ассонансы, точно сабли,
Рубнули рифму сгоряча!

Мы живы острым и мгновенным,—
Наш избалованный каприз:
Быть ледяным, но вдохновенным,
И что ни слово,— то сюрприз.

Не терпим мы дешевых копий,
Их примелькавшихся тонов,
И потрясающих утопий
Мы ждем, как розовых слонов...

Душа утонченно черствеет,
Гнила культура, как рокфор...
Но верю я: завеет веер!
Как струны, брызнет сок амфор!

Придет Поэт — он близок! близок! —
Он запоет, он воспарит!
Всех муз былого в одалисок,
В своих любовниц превратит.

И, опьянен своим гаремом,
Сойдет с бездушного ума...
И люди бросятся к триремам,
Русалки бросятся в дома!

О, век Безразумной Услады,
Безлистно-трепетной весны,
Модернизованной Эллады
И обветшалой новизны!..

1911. Лето
Дылицы

II

Опять ночей грозовы ризы,
Опять блаженствовать лафа!
Вновь просыпаются капризы,
Вновь обнимает их строфа.

Да, я влюблен в свой стих державный,
В свой стих изысканно-простой,
И льется он волною плавной
В пустыне, чахлой и пустой.

Все освежая, все тревожа,
Топя в дороге встречный сор,
Он поднимает часто с ложа
Своих кристальных струй узор.

Препон не знающий с рожденья,
С пренебреженьем к берегам,
Дает он гордым наслажденье
И шлет презрение рабам.

Что ни верста — все шире, шире
Его надменная струя.
И что за дали! что за шири!
Что за цветущие края!

Я облеку, как ночи,— в ризы
Свои загадки и грехи,
В тиары строф мои капризы,
Мои волшебные сюрпризы,
Мои ажурные стихи!

1909. Июнь
Мыза Ивановка

III

Не мне в бездушных книгах черпать
Для вдохновения ключи,—
Я не желаю исковеркать
Души свободные лучи!

Я непосредственно сумею
Познать неясное земле...
Я в небесах надменно рею
На самодельном корабле!

Влекусь рекой, цвету сиренью,
Пылаю солнцем, льюсь луной,
Мечусь костром, беззвучу тенью
И вею бабочкой цветной.

Я стыну льдом, волную сфинксом,
Порхаю снегом, сплю скалой,
Бегу оленем к дебрям финским,
Свищу безудержной стрелой.

Я с первобытным неразлучен,
Будь это жизнь ли, смерть ли будь.
Мне лед рассудочный докучен,—
Я солнце, солнце спрятал в грудь!

В моей душе такая россыпь
Сиянья, жизни и тепла,
Что для меня несносна поступь
Бездушных мыслей, как зола,

Не мне расчет лабораторий!
Нет для меня учителей!
Парю в лазоревом просторе
Со свитой солнечных лучей!

Какие шири! дали, виды!
Какая радость! воздух! свет!
И нет дикарству панихиды,
Но и культуре гимна нет!

Петроград
1909. Октябрь

IV

Я прогремел на всю Россию,
Как оскандаленный герой!..
Литературного Мессию
Во мне приветствуют порой.

Порой бранят меня площадно,—
Из-за меня везде содом!
Я издеваюсь беспощадно
Над скудомысленным судом.

Я одинок в своей задаче,
И оттого, что одинок,
Я дряблый мир готовлю к сдаче,
Плетя на гроб себе венок.

Дылицы
1911. Лето

ПОЭЗА ВНЕ АБОНЕМЕНТА

Я сам себе боюсь признаться,
Что я живу в такой стране,
Где четверть века центрит Надсон,
А я и Мирра — в стороне;

Где вкус так жалок и измельчен,
Что даже,— это ль не пример? —
Не знают, как двусложьем *Мельшин*
Скомпрометирован Бодлэр;

Где блеск и звон карьеры — рубль,
А паспорт разума — диплом;
Где декадентом назван Врубель
За то, что гений не в былом...

Я — волк, а Критика — облава!
Но я крылат! И за Атлант —
Настанет день! — польется лава —
Моя двусмысленная слава
И недвусмысленный талант!

1912

ПРОЩАЛЬНАЯ ПОЭЗА

(Ответ Валерию Брюсову
на его послание)

Я так устал от льстивой свиты
И от мучительных похвал...
Мне скучен королевский титул,
Которым бог меня венчал.

Вокруг талантливые трусы
И обнаглевшая бездарь...
И только Вы, Валерий Брюсов,
Как некий равный государь...

Не ученик и не учитель,
Над *чернью* властвовать устав,
Иду в природу, как в обитель,
Петь свой осмеянный *устав*...

И там, в глуши, в краю олонца,
Вне поощрений и обид,
Моя душа взойдет, как солнце,
Тому, кто мыслит и скорбит.

1912

ПОЭЗА О КАРАМЗИНЕ

Известно ль тем, кто, вместо нарда,
Кадит мне гарный дух бревна,
Что в жилах северного барда
Струится кровь Карамзина?

И вовсе жребий мой не горек!..
Я верю, доблестный мой дед,
Что я — в поэзии историк,
Как ты — в истории поэт!

1912

ЭПИЛОГ

I

Я, гений Игорь-Северянин,
Своей победой упоен:
Я повсеградно оэкранен!
Я повсесердно утвержден!

От Баязета к Порт-Артуру
Черту упорную провел.
Я покорил Литературу!
Взорлил, гремящий, на престол!

Я,— год назад,— сказал: «Я буду!»
Год отсверкал, и вот — я есть!
Среди друзей я зрил Иуду,
Но не его отверг, а — месть.

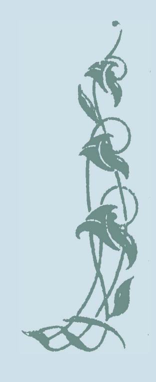
— Я одинок в своей задаче! —
Прозренно я провозгласил.
Они пришли ко мне, кто зрячи,
И, дав восторг, не дали сил.

Нас стало четверо, но сила
Моя, единая, росла.
Она поддержки не просила
И не мужала от числа.

Она росла, в своем единстве
Самодержавна и горда,—
И, в чаровом самоубийстве,
Шатнулась в мой шатер орда...

От снегоскалого гипноза
Бежали двое в тлень болот;
У каждого в плече заноза,—
Зане болезнен беглых взлет.

Я их приветил: я умею
Приветить *все*,— божи, Привет!
Лети, голубка, смело к змею!
Змея! обвей орла в ответ!

II

Я выполнил свою задачу,
Литературу покорив.
Бросаю сильным на удачу
Завоевателя порыв.

Но даровав толпе холопов
Значенье собственного «я»,
От пыли отряхаю обувь,
И вновь в простор — стезя моя.

Схожу насмешливо с престола
И ныне, светлый пилигрим,
Иду в застенчивые долы,
Презрев ошеломленный *Рим*.

Я изнемог от льстивой свиты,
И по природе я взалкал.
Мечты с цветами перевиты,
Росой накаплен мой бокал.

Мой мозг прояснили дурманы,
Душа влечется в Примитив.
Я вижу росные туманы!
Я слышу липовый мотив!

Не ученик и не учитель,
Великих друг, ничтожных брат,
Иду туда, где вдохновитель
Моих исканий — говор хат.

До долгой встречи! В беззаконце
Веротерпимость хороша.
В ненастный день взойдет, как солнце,
Моя вселенская душа!

1912. Октябрь

ЗЛАТОЛИРА

Поэзы

Книга вторая

Лидии Рындиной
посвящается автором эта книга

I. ЖИВИ, ЖИВОЕ!

ЭГОПОЛОНЕЗ

Живи, Живое! Под солнца бубны
Смелее, люди, в свой полонез!
Как плодоносны, как златотрубны
Снопы ржаные моих поэз!

В них водопадят Любовь и Нега,
И Наслажденье, и Красота!
Все жертвы мира во имя Эго!
Живи, Живое! — поют уста.

Во всей вселенной нас только двое,
И эти двое — всегда одно:
Я и Желанье! Живи, Живое!
Тебе бессмертье предрешено!

1912
Веймарн

ПОЭЗА ВОЗМЕЗДИЯ

Моя вторая Хабанера
Взорвалась, точно динамит.
Мне отдалась сама Венера,
И я всемирно знаменит!

То было в девятьсот девятом...
Но до двенадцатого — дым
Все стлался по местам, объятым
Моим пожаром золотым.

Возгрянул век Наполеона
(Век — это громогласных дел!)
Вселенского Хамелеона
Душа — бессмертный мой удел.

Издымлен дым, и в льстивый танец
Пустился мир, войдя в азарт.
Я — гениальный корсиканец!
Я — возрожденный Бонапарт!

На острова Святой Елены
Мне не угрозен небосклон:
На мне трагические плены,
Зане я сам Хамелеон!

Что было в девятьсот девятом,
То будет в миллиард втором!
Я покорю миры булатом,
Как покорял миры пером.

Извечно странствуя с талантом
На плоской лосскости земной,
Был Карлом Смелым, был я Дантом,
Наполеоном — и собой.

Так! будет то, что было, снова —
Перо, булат, перо, булат...
Когда ж Земли падет основа —
О ужас — буду я крылат!..

Веймарн

ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

СОНЕТ-ОТВЕТ

(Акростих)

Великого приветствует великий,
Алея вдохновением. Блестит
Любовью стих. И солнечные блики
Елей весны ручьисто золотит.

Ручьись, весна! Летит к тебе, летит
Июнь, твой принц, бессмертник неболикий!
Юлят цветы, его гоньбы улики,
Божит земля, и все на ней божит.

Рука моя тебе, собрат-титан!
Юнись душой, плескучий океан!
Самодержавный! мудрый! вечный гордо!

О близкий мне! мой окрылитель! ты —
Ваятель мой! И царство Красоты —
У нас в руках. Мне жизненно! мне бодро!

1912

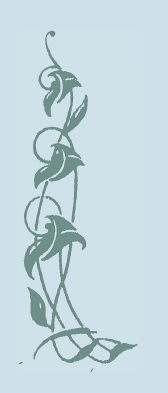
САМОГИМН

Меня отронит Марсельезия,
Как президентного царя!
Моя блестящая поэзия
Сверкнет, как вешняя заря!
Париж и даже Полинезия
Вздрожат, мне славу воззаря!

Мой стих серебряно-брильянтовый
Живителен, как кислород.
«О гениальный! О талантливый!» —
Мне возгремит хвалу народ.
И станет пить ликер гранатовый
За мой ликующий восход.

Пусть на турнирах словоборчества
Стиха титаны и кроты
Берлинства, Лондонства, Нью-Йорчества
Меня сразить раскроют рты:
Я — я! Значенье эготворчества —
Плод искушенной Красоты!

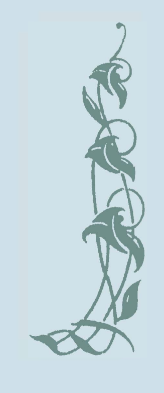
1912

МОЯ МЕЧТА

Моя мечта — моряк-скиталец...
Вспеняя бурный океан,
Не раз причаливал страдалец
Ко пристаням волшебных стран.
Не раз чарующие взоры
Сулили счастье моряку,
Но волн изменчивые горы
Вновь к океану-старику
Руль направляли у голландца,
И с местью тайною в глазах
Пускался он в морские танцы
На сумасшедших парусах:
Стремился он победоносно,
Своим безумьем смел и горд,
И, прорезая волны грозно,
Вплывал в разбуженный фиорд.
Еще встревоженные волны
Грозили смертью рыбакам,
Еще испуганные челны
Стремились в страхе к берегам,
Еще, как дьявольские трубы,
В горах не замерли гудки,—
А он, смеясь над сушей грубо,
В порыве злобы и тоски,
В своем отчаяньи скитанья
И без надежды в якоря,
Спешил на новые страданья,
Стремился в новые моря.
Пусть мне грозит небесный палец,
Но дерзновенно я почту
Мечту — как он, моряк-скиталец,—
Мою гонимую мечту!

1908
10 августа

НА СМЕРТЬ ЛЕРМОНТОВА

Погиб поэт, невольник чести...
М. Ю. Лермонтов

Пал жертвой лжи и зла земного,
Коварства гнусного людского
И низкой зависти людей
Носитель царственных идей.
Погиб и он, как гениальный
Его предшественник-собрат,
И панихидой погребальной
Страна гудит, и люд печальный
Душевной горестью объят.

* * *

Но не всего народа слезы
Сердечны, искренни, чисты,—
Как не всегда пунцовы розы,
Как не всегда светлы мечты.
Для горя ближних сердцем зорок,
Не забывал ничьих он нужд;
Пускай скорбят — кому он дорог!
Пускай клеймят — кому он чужд!
И пусть толпа неблагодарна,
Коварна, мелочна и зла,
Фальшива, льстива и бездарна
И вновь на гибель обрекла
Другого гения, другого
Певца с божественной душой,—
Он не сказал проклятья слова
Пред злом кончины роковой.

* * *

А ты, злодей, убийца, ты, преступник,
Сразивший гения бесчестною рукой,
Ты заклеймен, богоотступник,
Проклятьем мысли мировой.
Гнуснее ты Дантеса — тот хоть пришлый,
В нем не течет земель славянских кровь;

А ты, змея, на битву с братом вышла,—
И Каин возродился вновь!..
Не лейте слез, завистники, фальшиво
Над прахом гения, не оскорбляйте прах,
Вы стадо жалкое, ничтожно и трусливо,
И ваш пастух — позорный страх.
Вас оценят века и заклеймят, поверьте,
Сравнивши облик каждого с змеей...
И вы, живые,— мертвые без смерти,
А он и мертвый,— да живой!

СОЛНЦЕ ВСЕГДА ВДОХНОВЕННО

Солнце всегда вдохновенно!
Солнце всегда горячо!
Друг мой! сольемся мгновенно:
Наше желанье — ничье.

Жизнь безнадежна и тленна,
Мигом трепещет плечо...
Солнце, как мы, вдохновенно!
Солнце, как мы, горячо!

1909

ВДЫХАЙТЕ СОЛНЦЕ

Вдыхайте солнце, живите солнцем,—
И солнцем сами блеснете вы!
Согреют землю лучи живые
Сердец, познавших добро и свет.

Вдыхайте небо, живите небом,—
И небесами засветит взор!
С любовью небо сойдет на землю,
А мир прощенный — на небеса.

Мыза Ивановка

ЭХО

Ради шутки, ради смеха
Я хотел бы жить всегда!
Но ответило мне эхо:
«Да!»

Повтори... еще... сначала...
Кто бессмертен, как мечты?
Снова эхо отвечало:
«Ты!»

1909
Мыза Ивановка

AVE MARIA

О, Дева-Мать, возрадуйся блаженно!
Господь с Тобой, носившая Его,
Хранителя бессмертья моего!
Да будешь Ты меж жен благословенна,
Благословен плод чрева Твоего!

ПЕВИЦА ЛИЛИЙ ПОЛЕЙ САРОНА

1

Есть ли счастье на свете сильней любви?

2

Слава тем, чья любовь побеждает смерть!

Мирра Лохвицкая

Певица лилий полей Сарона,
Тебе корона!
К тебе у трона
Сойдутся мира всего пути,—
Лишь захоти!

Полей Сарона певица лилий
Тщета воскрылий...
Тщета усилий...
Мы не достигнем твоих высот —
Снесет, снесет!..

Да воцарится
Цариц царица
Сарона лилий полей певица!
В короны солнца возоблекись,
Балькис!

СИМФОНИЯ

> Схороните меня среди лилий и роз,
> Схороните меня среди лилий.
>
> *Мирра Лохвицкая*

> Моя любовь твоей мечте близка.
>
> *Черубина де Габриак*

У старой лавры есть тихий остров,
Есть мертвый остров у старой лавры,
И ров ползет к ней, ползет под мост ров,
А мост — минуешь — хранятся лавры
Царицы грез.

Я посетил, глотая капли слез,
Убогую и грубую могилу,
Где спит она,— она, царица грез...
И видел я,— и мысль теряла силу...
Так вот где ты покоишься! и — как!
Что говорит о прахе величавом?
Где памятник на зависть всем державам?
Где лилии? где розы? где же мак?

Нет, где же мак? Что же мак не цветет?
Отчего нагибается крест?
Кто к тебе приходил? кто придет?
О дитя! о, невеста невест!
Отчего, отчего
От меня ты сокрыта?
Ведь никто... никого...
Ни души... позабыта...

Нет, невозможно! нет, не поверю!
Власти мне, власти — я верну потерю!
Взрою землю!.. сброшу крест гнилой!..
Разломаю гроб я!.. поборюсь с землей!..
Напущу в могилу солнца!.. набросаю цветов...
— Встань, моя Белая!.. лучше я лечь готов...

«Забудь, забудь о чуде»,—
Шептала мне сентябрьская заря...
А вкруг меня и *здесь* ходили люди,

И *здесь* мне в душу пристально смотря...
И где же?! где ж?! — у алтаря.
Из черного гордого мрамора высечь
Хотел бы четыре гигантские лиры,
Четыре сплетенные лиры-решетки —
На север, на запад, на юг, на восток.

У лир этих струны — из чистого золота прутья,
Увитые алым и белым пушистым горошком,
Как строфы ее — бархатистым, как чувства — простым.
А там, за решеткой, поставил бы я не часовню,
Не памятник пышный, не мрачный — как жизнь — мавзолей,
А белую лилию — символ души ее чистой,
Титанию-лилию, строгих трудов образец.
В молочном фарфоре застыло б сердечко из злата,
А листья — сплошной и бесценный, как мысль, изумруд.
Как росы на листьях сверкали б алмазы и жемчуг
При Солнце, Венере, Авроре и мертвой Луне.
И грезил бы Сириус, ясный такой и холодный,
О лилии белой, застывшей в мечтаньи о нем.

И в сердце пели неба клиры,
Душа в Эдем стремила крылия...
А сквозь туман взрастала лилия
За струнной изгородью лиры.

БАЛЬКИС

От солнца я веду свой древний род

Мирра Лохвицкая

Есть что-то в ней, что красоты прекрасней

Е. Баратынский

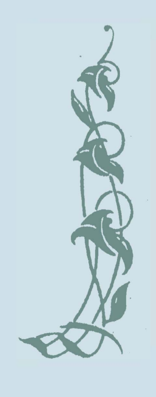
До дня грядущего от сотворенья мира
(Кто скажет искренно?.. Кому земли не жаль?..)
Кто знает женщину, прекрасную как лира
И ясномудрую, как горная скрижаль?

Их было несколько, великих как держава,
Прекрасных, доблестных и светлых, как эмаль.
Но я — про женщину, прекрасную, как слава!
Но я — про женщину, Синайскую скрижаль.

До дня грядущего от сотворенья мира
Подобной женщины на свете не цвело...
Ищите женщину, прекрасную, как лира,
И ясномудрую, как гения чело!

И лишь у Лохвицкой, чья мысль и греза — лава,
В поэме солнечной и жизненной, как май,
Я встретил женщину, прекрасную, как слава,
И ясномудрую, как царственный Синай.

До дня грядущего от сотворенья мира
Прекрасней не было от нищих до маркиз...
И эта женщина, прекрасная, как лира,
И ясномудрая, как заповедь,— Балькис!

ПОЭЗА О ФОФАНОВЕ

Возьмите «Фофанова» в руки
И с ним идите в вешний сад.
Томленье ваше, скуку, муки
Его напевы исцелят.

Себя самих не понимая,
Вы вдруг заискритесь, как Мумм.
Под «Майский шум» поэта мая
И под зеленый майский шум,

Пропев неряшливые строки,
Где упоителен шаблон,
Поймете сумерек намеки
И все, чем так чарует он.

Не будьте **ж** к мигу близоруки,—
Весна и солнце отблестят!
Берите «Фофанова» в руки
И с ним бегите в вешний сад!

Начало июня 1913. Веймарн

ЭЛЕГИЯ

Вы мать ребенка школьнических лет,
И через год муж будет генералом...
Но отчего на личике усталом —
Глухой тоски неизгладимый след?

Необходим для сердца перелом:
Догнать... Вернуть... Сказать кому-то слово...
И жутко Вам, что все уже в былом,
А в будущем не видно и былого...

1911

С ЯДОМ У КОСТРА

Мне в гроб не страшно, но обидно:
Любви взаимной сердце ждет.
Шаги? — не слышно! Плащ? — не видно.
Шептать бесстыже — как-то стыдно:
«Тот, настоящий,— он придет?»

Я замужем, вполне любима,
И чувство мужье — мой шатер.
А жизнь и *тот* проходят мимо...
«Постой: ты — мой!» Но — имя?!. имя?!.
Догнать! Призвать! И с ним — в костер!

1912

ИНТИМА

С улыбкою на чувственных губах,
Как школьница, вы вышли из трамвая.
Я у вокзала ждал вас, изнывая,
И сердце мне щемил зловещий страх.

Вы подали мне руку, заалев
Застенчиво, глаза свои прищуря.
В моей груди заклокотала буря,
Но я сдержался, молча побледнев.

Эффектен был ваш темный туалет,
Пропитанный тончайшими духами.
Вы прошептали: «Ехать ли мне с вами?»
Я задрожал от ужаса в ответ:

— Возможно ли?! Вы шутите?! — Мой взор
Изобразил отчаянье такое,
Что вы сказали с ласковой тоскою:
«Ну, едемте... туда... в осенний бор...

Вы любите меня, свою «ее»,
Я верю, вы меня не оскорбите...
Вот вам душа,— себе ее берите,
Мое же тело — больше не мое:

Я замужем, но главное — я мать.
Вы любите меня нежнее брата,
И вы меня поймете... Это — свято.
Святыню же не надо осквернять,

И я сказал: «Любовь моя щитом!
Пускай дотла сожгу себя я в страсти,—
Не вы в моей, а я у вас во власти!» —
...Моя душа боролася с умом...

Мыза Ивановка

ДВА ДНЯ В САДУ ОСЕННЕМ...

(СТИХОТВОРЕНИЕ ДИЛЕТАНТКИ)

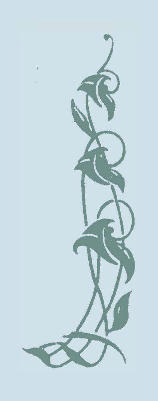
Вчера

Зачем вы расцвели, осенние цветы?
Замерзните... засохните... увяньте...
Вы говорите мне о горестном таланте,
О юности моей, о жажде красоты.
Я так утомлена, мне нужен лишь покой.
Весне возврата нет, мечты мои померкли...
Мне все равно: среда, суббота ли, четверг ли,—
Живу я не живя, замерзла я душой...
Но было время... да! была я молода,
Я верила, ждала... надеялась... страдала...
Но не было «его»... Сирень благоухала,
И яблони цвели... и вяли без плода!
А я-то! я-то! я! Как я хотела жить,
Любить, безумствовать, смеяться до рыданья!
И вот явился «он»... Но новые страданья
Он мне принес с собой; он не умел любить!
Он не постиг моей трепещущей души,—
Он не сумел постичь... он понял только тело...
А я его всего, всего его хотела!..
За все мои «цветы» он мог мне дать... «гроши»!..
О, я превозмогла отчаянье и стыд,—
Его отвергла я! Я, гордая, не пала...
Окаменела я... Сирень благоухала...
И яблони цвели... Но их бесплодный вид
Внушал холодный страх и навевал печаль мне...
Спасаясь от себя, я вышла замуж; муж
Остался мне чужим,— и без слиянья душ
Я зачала детей в своей трагичной спальне...
Люблю ли я детей? О да! они — исход
Безвыходной мечты... Они — мое забвенье.
А я все жду «его», не веря в появленье,—
И снова нет «его»... В мечте — сирень цветет,
И яблони бесплодные цветущи...
Но я утомлена... Весне возврата нет...
Осенние цветы! гасите же свой свет:
Пока цветете вы, мои мученья пуще...

Сегодня

Благоухайте вы, весенние цветы!
Молю, помедлите... да пощадит вас тленье...
«Он» сам пришел ко мне, «он» принял воплощенье!
Но я... гоню «его»... чтоб сохранить... мечты!

ПЕСЕНКА-ВЕСЕНКА

Итак вы снова в Дылицы?
Ну, что же, в добрый час.
Счастливица! счастливица!
Я радуюсь за Вас!

Запасшись всякой всячиной,
Садитесь вы в купэ,
Забыв уже за Гатчиной
О шуме и толпе.

И сердце вновь олетено,
Кипит, как Редерер...
И вот — Елизаветино!
И вот — дебаркадер!

Вдали столичной пошлости
Сияя так светло,
На рослой серой лошади
Вы едете в село.

Уже кивает мельница
Вам ласковый привет,
Вы снова — карусельница,
Ребенок и поэт.

У дачи бродит курочка
И рядом с ней петух...
Ликует шумно Шурочка
Среди веселых рюх...

Поймать стараясь зяблика,
Шалун бежит к лесам.
Я узнаю в нем Дьяблика,
Который — зяблик сам...

Вам сердце окудесила
Проказница-Весна.
Бежите в поле весело —
Одна! одна! одна!

Впивая радость рьяную,
Бросаетесь в траву,

Снегурочкой-Тианою
Мечтая наяву.

Как сладко этой девочке
Шепнуть: «Тоске капут»,—
А в парке пляшут белочки,
И ландыши цветут.

Пускай же сердце выльется
В бокал любви полней!
О Дылица! О Дылица! —
Страна Мечты моей.

1912

ВИНА БАЛЬКИС

ТРИОЛИ

(Вариации поэмы Мирры Лохвицкой «На пути к Востоку»)

1

Царица южная Балькис
Грядет к престолу Соломона
Влекут, влекут его знамена
Царицу южную Балькис!
Ифрит лазурный и Ивлис,
Злой гений, враг святого трона,
Царицу южную Балькис
Влекут к престолу Соломона.

2

Лазурноокий Гиацинт
Был морем выброшен на скалы,
Когда душа любви искала.
Лазурноокий Гиацинт
Изранен щебнем. Приласкала
Балькис его, дав даже бинт.
Лазурноокий Гиацинт
Был морем выброшен на скалы.

3

Балькис забыла для него
Свой путь, свой сан, свое значенье.
Чтоб облегчить его мученья,
Она забыла для него.
А он, изведав облегченье,
Ее покинул. Для чего
Она забыла для него
Свой путь, свой сан, свое значенье?

4

Дальнейший путь ей запрещен
Ифритом, гением лазурным.

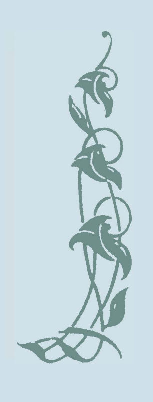
Ивлис победой восхищен:
Дальнейший путь ей запрещен.
Тогда, томясь порывом бурным,
Скорбит царица: «Соломон!
Мне путь священный запрещен
Ифритом, гением лазурным...»

5

Над Гиацинтом правит суд
Балькис, премудрая царица.
Он пойман! вот его ведут!..
Она над ним свершает суд,
Она убить его грозится...
Но грезы вдаль ее несут —
И свой оканчивает суд
Прощеньем мудрая царица.

6

Спешит лазоревый Ифрит
Направить путь ее к Сарону,
И осеняет ей корону
Крылом лазоревый Ифрит.
Он вдохновенно говорит:
— Готовься в жены Соломона! —
И вновь ликующий Ифрит
Ведет Балькис в поля Сарона.

БЛАГОДАТНАЯ ПОЭЗА

Ты набухла ребенком! ты — весенняя почка!
У меня будет вскоре златокудрая дочка.
Отчего же боишься ты познать материнство?
Плюй на все осужденья как на подлое свинство!
Возликуй беспредельно, крещена благодатью,
Будь хорошей подругой и такою же матью!
Вытравлять же ребенка — ты согласна со мною? —
Это то же, что почки уничтожить весною,
Цвет плодов поразвеять. Эта мысль неотступно
Беспокоит меня,— так не будь же преступна!

Ст. Веймарн, мыза Пустомержа.

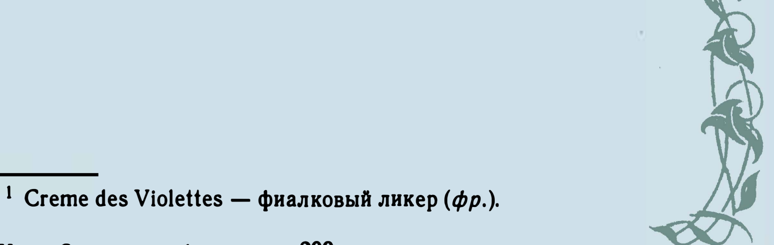
НЕВОД ГРЕЗ

У меня, как в хате рыболова,
Сеть в избе,— попробуй, рыб поймай!
В гамаке, растянутом в столовой,
Я лежу, смотря в окно на май.
На окошке солнится лиловый
Crème des Violettes [1]. Я — мальчик-пай.
И она, любимая, в два слова
Напевает нежно: «баю-бай»...

Зеленеет, золотеет зелень,
И поет — чирикает листва...
Чей капот так мягок, так фланелев?
Кто глазами заменил слова?
Для тебя все цели обесцелив,
Я едва дышу, я жив едва.
Телом, что в моем тонуло теле,
Обескровить вены мне — права.

А теперь, пока листвеют клены,
Ласкова, улыбна и мягка,
Посиди безмолвно и влюбленно
Около меня, у гамака.
Май шалит златисто и зелено,
Дай ему ликеру два глотка,—
И фиалковой волшбой спеленат,
Падая, даст липе тумака!

Веймарн
1913

[1] Creme des Violettes — фиалковый ликер (*фр.*).

МАЙСКАЯ ПЕСЕНКА

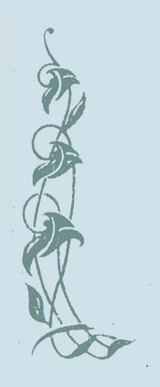
Раскачни мой гамак, подкачни! —
Мы с тобою вдвоем, мы одни.
И какое нам дело, что там,
Где-то там не сочувствуют нам?!.

Май любезно смеется в окно...
Нам любовно с тобой и смешно:
(Ты меня целиком понимай!)
Пред поэтом заискивал май.

Понимает, должно быть, что я,
Беспредельную силу тая,
Захочу — и оперлю его,
Ну а нет — про него ничего!

В этот год мне отрадна весна
И пришедшая слава ясна,—
Будет славно воспет мною май!
Подкачай же гамак! раскачай!

Веймарн

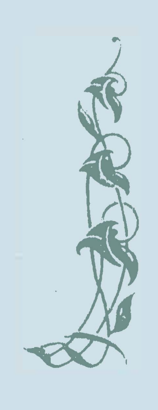
РЕАБИЛИТАЦИЯ

Ты осудил меня за то, что я, спеша
К любимой женщине, родами утомленной,
Прервал твое турнэ, что с болью исступленной
К ней рвалась вся душа.

Еще ты осудил меня за то,
Что на пути домой я незнакомку встретил,
Что на любовь ее так нежно я ответил,
Как, может быть, никто!

Но что же я скажу тебе в ответ? —
Я снова с первою — единственной и вечной,
Как мог ты осудить меня, такой сердечный,
За то, что я — поэт?

Веймарн

ОБЕ ВЫ МНЕ ЖЕНЫ...

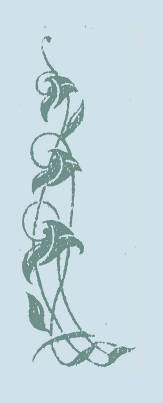
Обе вы мне жены, и у каждой дети —
Девочка и мальчик — оба от меня.
Девочкина мама с папой в кабинете,
А другой не знаю тысячу три дня.

Девочкина мама — тяжко ль ей, легко ли —
У меня, со мною, целиком во мне.
А другая мама где-то там на воле,
Может быть, *на море*,— может быть, *на дне*.

Но ее ребенок, маленький мой мальчик,
Матерью пристроен за три пятьдесят.
Кто же поцелует рта его коральчик?
Что же: я невинен или виноват?

Ах, я взял бы, взял бы крошку дорогого,
Миленького детку в тесный кабинет.
Девочкина мама! слово, только слово! —
Это так жестоко: ты ни «да», ни «нет»!

Ст. Бруда

ПОЭЗА БЕЗ НАЗВАНИЯ

Князь взял тебя из дворницкой. В шелка
Одел дитя, удобное для «жмурок»...
Он для тебя не вышел из полка,
А поиграл и бросил, как окурок.

Он роскошью тебя очаровал
И одурманил слабый ум ликером.
И возвратилась ты в родной подвал,
Не осудив любовника укором.

Пришел поэт. Он стал тебе внимать
И взял к себе в убогую мансарду,
Но у него была старуха-мать,
Язвившая за прежнюю кокарду.

И ты ушла вторично в свой вертеп,
А нищий скальд «сошел с тоски в могилу».
Ты не могла трудом добыть свой хлеб,
Но жить в подвале стало не под силу.

И ты пошла на улицу, склонясь
Пред «роком злым», с раскрытым прейскурантом.
И у тебя в мечте остался — князь
С душой того, кто грел тебя талантом.

NOCTURNE

Сон лелея, лиловеет запад дня.
Снова сердце для рассудка западня.

Только вспомню о тебе,— к тебе влечет.
Знаешь мысли ты мои наперечет.

И хочу, иль не хочу — к тебе без слов
Я иду... А запад грустен и лилов.

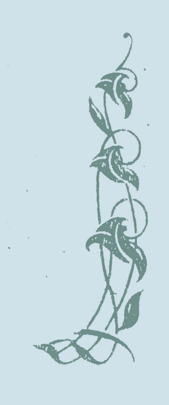
1908

ТОЛЬКО МИГ

Я гостил в твоем сердечке
Только миг.
Это было возле речки,
Где тростник.

Ты в душе моей — как дома
Навсегда!
И разрушит те хоромы
Кто? Когда?

ВСТРЕЧАТЬ ВЫХОЖУ...

На нашу дорогу встречать выхожу я тебя,—
Но ты не приходишь... А сердце страдает, любя...

Я все ожидаю: вот-вот ты прорежешь листву
И мне улыбнешься опять наяву-наяву!

Отдашься... как прежде, отдашься! даруя, возьмешь.
Но ты не приходишь и, может быть, ты не придешь.

А я на дороге, на нашей встречаю тебя!
А я тебе верю!.. И мечется сердце, любя...

Мыза Ивановка

ВАЛЬС

(на мотив Мирры Лохвицкой)

Если это возможно, устрой
Наше счастье, разбитое мной.
Ощущений отцветших пусть рой,
И в душе полумрак ледяной.

Но к кому? но к кому? но к кому
Я взываю со скорбной мольбой?
Почему? почему? почему
Я исполнен, как раньше, тобой?

Мы расстались с тобою, когда,
Тихо осень истлела в снегу.
Шли минуты, шли дни, шли года,—
Но тебя позабыть не могу!

Не могу позабыть никогда!
Ты со мною, хотя без меня...
Ты всегда для меня молода
И желанна, как солнце для дня.

Ты ушла, наше счастье поправ,—
Кто из нас виноват, посуди!
Но я прав! но я прав! да, я прав
Тем уже, что взываю: приди!

Пусть я жалок тебе — пожалей!
Пусть я грешен — прощенье неволь!
Или месть — прегрешения злей,—
Но тобой надышаться дозволь!

Мыза Ивановка

АККОРД ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ

Но есть упоенье в позоре
И есть в униженьи восторг

Валерий Брюсов

Она ко мне пришла и говорила здесь,
Вот в этой комнате, у этого окна:
— Любимый! милый мой! убей меня! повесь! —
Тебе я больше не верна!

Ты удивляешься, растерян ты теперь?
Не оскорбила ль я тебя? О, не скрывай!
Мы разошлись с тобой... Я мучилась... Поверь,
С тобой я потеряла рай.

Ты разлюбил меня,— я вижу по глазам,—
О! мне твои глаза не лгали никогда...
Ты честен, справедлив! и ты согласен сам:
Я отгадала, милый? да?

Я все тебя люблю по-прежнему! ты — мой!
И я... я вся — твоя! Нет, впрочем, не совсем:
Уж пятеро — с тех пор! — повелевали мной!..
Но... оскорблять тебя зачем?..

Зачем? ведь это — грех! о, я теряю ум,
Ты знаешь, извини меня: нет больше сил,
Я больше не могу... устала я от дум...
Ты все ж мне близок, дорог, мил!

Я все еще тебя люблю, люблю... Увы,
Теперь уж я не та... о, нет, совсем не та,—
Теперь я... падшая! Позволите ли Вы
У вас побыть, моя Мечта?!

Вы слезы видите, ведь Вы добрее всех...
Простите, не могу: я плачу... ничего!
Наплюйте мне в лицо: ведь я одна из тех,
Которых... Тяжко!.. одного

У Вас молю: чуть-чуть Вы любите меня?
Мне, впрочем, все равно; *я* все еще люблю!

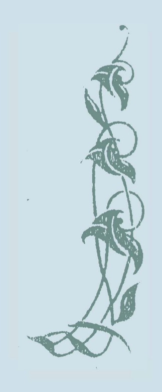
О, бейте, мучайте несчастную, гоня,—
    Все, что хотите, претерплю!..—

Я на слова ее молчать уже не мог
И руку, застонав, над нею я занес,
И захотелось мне ей дать удар в висок
    При виде этих красных слез

— Ударь! ударь меня! ты видишь — жду, молю! —
Она шептала мне с неистовой тоской: —
Но все-таки люблю! ты слышишь? — я люблю!
    И мой ты! слышишь?! — мой!!!

Возненавидел я ее в мертвящий миг
И, проклиная дико, крикнул: «С глаз долой,
Змея проклятая! о, я тебя постиг:
    Ты издеваешься над мной!

Уйди! уйди скорей! — все кончено! позор
Пусть упадет теперь на голову твою!..»
И вот она ушла, потупив грустно взор,
    Сказав в последний раз: люблю.

ОТРАВЛЕННЫЕ УСТА

НОВЕЛЛА

Вот единственный поцелуй,
который я могу тебе дать

М. Метерлинк

1

...И снова надолго зима седьмой раз засыпа́ла,
И в лунной улыбке слезилось унынье опала,
И лес лунодумный, казалося, был акварель сам,
А поезд стихийно скользил по сверкающим рельсам;
Дышал паровоз тяжело; вздохи были так дымны;
Свистки распевали протяжно безумные гимны.

2

В купэ, где напоенный лунными грезами воздух
Мечтал с нею вместе, с ней, ясно-неясной, как
грез дух,
Вошел он, преследуем прошлым, преследуем вечно.
Их взоры струили блаженную боль бесконечно.
Он сел машинально напротив нее, озаренный
Луной, понимавшей страданья души осребренной.

3

И не было слова, и не было жажды созвучья,
И грезами гру́ди дышали; и голые сучья
Пророчили в окна о шествии Истины голой,
Что шла к двум сердцам, шла походкой
тоскливо-тяжелой.
Когда же в сердца одновременно грохнули стуки,
Враги протянули — любовью зажженные руки.

4

И грезы запели, танцуя, сплетаясь в узоры,
И прошлым друзья не взглянули друг другу во взоры.
А если и было когда-нибудь прошлое — в миге
Оно позабылось, как строчки бессвязные — в книге.

— Твоя,— прошептала, вспугнув тишину, пассажирка.
Звук сердца заискрил, как камень — холодная кирка.
«Вина прощена»,— улыбнулося чувство рассудку.
«Она», завесенясь, смахнула слезу-незабудку.

5

Он пал к ней на грудь, как на розы атласистый венчик
Пчела упадает, как в воду — обманутый птенчик.
И в каждой мечте и души зачарованной фибре
Порхали, кружились, крылили желанья-колибри.
— Вздымается страсть, точно струй занесенные
сабли!

6

Уста ее пил он, не думая, царь ли он, раб ли...
А губы ее, эти губы — как сладостный опий —
Его уносили в страну дерзновенных утопий,
И с каждою новой своею горячей печатью,
Твердя о воскресшей любви всепобедном зачатьи,
Его постепенно мертвили истомой атласа,
Сливая нектар свой коварный застывшего часа.

С КРЕСТОМ СИРЕНИ

Цветы лилово-голубые,
Всего в четыре лепестка,
В чьих крестиках мои былые
Любовь, отвага и тоска!

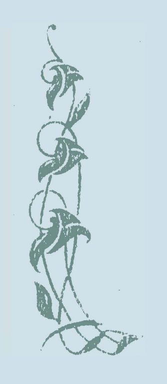
Ах, так же вы благоухали
Тогда, давно, в далеком, там,
Зовя в непознанные дали
По опадающим цветам!

И, слушая благоуханья,
Вдыхая цветовую речь,
Я шел на брань завоеванья
С сиренью, заменившей меч...

А вы цвели и увядали...
По опадающим по вам
Я шел в лазоревые дали —
В цветы, в цветах и по цветам!

Со мною были молодые
Мечты и смелая тоска,
И вы, лилово-голубые
Кресты в четыре лепестка!

Веймарн
1913. Май

ИНТЕРМЕЦЦО

Сирень моей весны фимьямною лиловью
Изнежила кусты в каскетках набекрень.
Я утопал в траве, сзывая к изголовью
        Весны моей сирень.

— Весны моей сирень! — И голос мой был звончат,
Как сереброгорлый май: дыши в лицо пьяней...
О, да! о, никогда любить меня не кончит
        Сирень весны моей!

Моей весны сирень грузила в грезы разум,
Пила мои глаза, вплетала в брови сны,
И, мозг испепелив, офлерила экстазом
        Сирень моей весны...

1910

АКВАРЕЛЬ

Бежит, дрожит на жгучем побережье
Волна, полна пленительных былин.
Везде песок, на нем следы медвежьи.
Центральный месяц — снова властелин.

И ни души. Весь мир — от солнца! — вымер..
Но все поет — и море, и песок.
Оно печет, небесный князь Владимир,
И облако седит его висок.

С зайчатами зажмурилась зайчиха,
И к чайке чиж спешит песочком вскачь.
В душе трезвон. На побережье тихо.
И слабый бодр, и истомлен силач.

РОНДЕЛИ О РОНДЕЛЯХ

Как журчно, весело и блестко
В июльский полдень реку льет!
Как дивно солнится березка,
Вся — колыханье, вся — полет!
Душа излучивает броско
Слова, которых не вернет...
Как журчно, весело и блестко
В мой златополдень душу льет!
Природу петь — донельзя плоско,
Но кто поэта упрекнет
За то, что он ее поет?
И то, что в жизни чуть громоздко,
В ронделях и легко и блестко.

Веймарн, 1913, июль

НА СЕНОКОСЕ

Льется дождь, златисто-кос,
Льется, как из лейки.
Я иду на сенокос
По густой аллейке.
Вот над речкою откос,—
Сяду на скамейке
Посмотреть на сотни кос,
Как стальные змейки.

Пудость Ивановка

ДАЧНЫЙ КОФЕ

Как вкусен кофе утром летним
В росисто-щебетном саду.
За стадом, за быком последним
Идет пастух, пыхтя в дуду.

За ним несется вскачь корова,
Как помелом, хвостом маша.
И милолица, и здорова
Девчонка деет антраша.

Стремясь уйти у бонн из-под рук,
Бежать, куда глядят глаза,
Капризничает каждый отрок,
Нос гувернантке показав.

Вот финский рикша: в таратайке
Бесконкурентный хлебопек
Везет «француженок» и сайки —
С дорогою за пятачок...

Я подливаю в кофе сливки
И — мил, и юн, и добросерд —
Вскрываю утренний конверт
На коленкоровой подшивке...

Веймарн
1913. Июнь

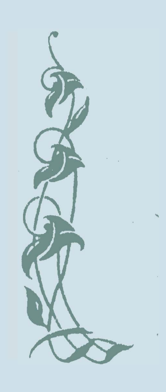
ВЕТЕР

Ветер весел, ветер прыток,
Он бежит вдоль маргариток,
Покачнет бубенчик сбруи,—
Колыхнет речные струи.

Ветер, ветреный проказник,
Он справляет всюду праздник.
Кружит, вертит все, что хочет,
И разнузданно хохочет.

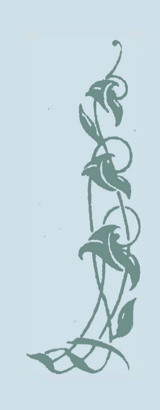
Ветер мил и добродушен
И к сужденьям равнодушен,
Но рассердишь — не пеняй:
И задаст же нагоняй!

1909
Мыза Ивановка

К РАССКАЗУ Ф. СОЛОГУБА

Вселенна «Белая березка»!
Как сердце сладостно болит...
И вдруг излучивает броско:
«Она — Лилит! Она — Лилит!»

ЖЕНСКАЯ ДУША

(BERCEUSE)

Что такое — девичья душа?
Это — тайна. Тайна хороша.
Я дышу. Дышу я, не дыша.
Убаюкай, девичья душа!

Мало для души одной души,—
Души дев различно хороши.
После бури хочется тиши.
Мало для меня одной души.

Околдован каждою душой.
Пусть чужая будет не чужой...
...Спят цветы под первой порошой...
Очарован новою душой.

Что такое — женская душа?
Я не знаю — только хороша...
Я ее вдыхаю, не дыша...
Убаюкай, женская душа!..

ПОЭЗА ПРЕДВЕСЕННИХ ТРЕПЕТОВ

О. С.

Весенним ветром веют лица
И тают, проблагоухав.
Телам легко и сладко слиться
Для весенеющих забав.

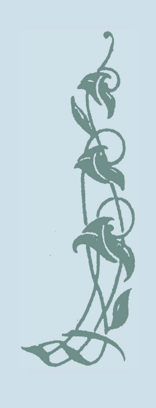
Я снова чувствую томленье
И нежность, нежность без конца...
Твои уста, твои колени
И вздох мимозного лица,—

Лица, которого бесчертны
Неуловимые черты:
Снегурка с темпом сердца серны,
Газель оснеженная — ты.

Смотреть в глаза твои русалчьи
И в них забвенно утопать;
Изнежные цветы фиалчьи
Под ними четко намечать.

И видеть уходящий поезд
И путь без станций, без платформ,
Читать без окончанья повесть,—
Душа Поэзии — вне форм.

1913

СИНИЙ СОНЕТ

Синеет ночь, и с робостью газели
Скользит ко мне Ваш скромный силуэт;
И Вашу тень качает лунный свет —
Луны далекой ясные качели.

Шум ручейка и дальний звук свирели
Сливаются в пленительный дуэт;
Мы шепот поцелуев шлем в ответ,
Разнежены на снежных трав постели.

Никто у нас друг в друга не влюбленный
Сближается томленьем синевы,
Мотивами природы усыпленный
И пряною душистостью травы...
Не мучьтесь после совестью бессонной:
В такую ночь отдаться — вправе вы!

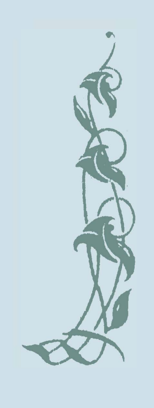

ЕЩЕ ВЫ ДЕВУШКА

Еще Вы девушка: ведь этот алый крапат
На блузке лилиебатистовой — весень...
Еще Вы девушка, читающая Запад,
Секрет несущая в сиреневую сень.

Такая милая!.. Как золотистый грошик...
Поете молодость на разных голосах...
Очарователен улыбчатый горошек,
Ушко наивное опутав в волосах.

И, вот что, знаете: возьмите в руки прутик.
И — кто кого теперь?!..— бежим на плац-крокет!
Еще Вы девушка, еще Вы только лютик,—
И я из лютиков Вам подарю букет...

Я ЗАПОЮ

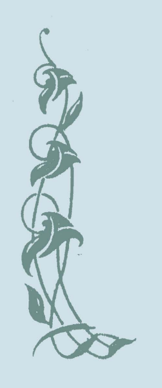
Я запою на лире звонкой
Мятежно, бурно — как гроза —
Черты улыбки чьей-то тонкой
И чьи-то русские глаза!

Я запою, в восторге, встречи
Влюбленных взоров, их игру,
Их гармонические речи,
Их смех, подобный серебру.

Я запою улыбок солнца
Их золотистые лучи,
Сердец закрытые оконца
И душ струистые ключи

Благоухая вешним пылом,
Предав забвенью грусть свою,
О ком-то призрачном и милом
Я в упоеньи запою.

Мыза Ивановка

Я НЕ ЛГАЛ

Я не лгал никогда никому,
Оттого я страдать обречен,
Оттого я людьми заклеймен,
И не нужен я им потому.

Никому никогда я не лгал.
Оттого жизнь печально течет.
Мне чужды и любовь, и почет
Тех, чья мысль,— это лживый закал.

И не знаю дороги туда,
Где смеется продажная лесть.
Но душе утешение есть:
Я не лгал никому никогда.

1909

ПОД ВПЕЧАТЛЕНИЕМ «ОБРЫВА»

Я прочитал «Обрыв», поэму Гончарова...
Согласна ль ты со мной, что Гончаров — поэт?
И чувств изобразить я не имею слова,
И, кажется,— слов нет.

Я полон женщиной, я полон милой Верой,
Я преклоняюся, я плачу, счастлив я!
Весна в душе моей! я слышу соловья,—
На улице ж — день серый.

И как не слышать мне любви певца ночного!
И как не чувствовать и солнце, и весну,
Когда прочел сейчас поэму Гончарова
И вспомнил юности волну!

А вместе с юностью свою я вспомнил «Веру»,
Страданий Райского поэзию, обрыв.
Я вспомнил страсть свою, я вспомнил в счастье веру,
Идеи ощутив.

И я хочу борьбы за право наслажденья,
Победы я хочу над гордою душой,
Оберегающей так свято убежденья,
Не выдержавшей бой.

Велик свободный Марк, решительный, правдивый,
Заветы стариков не ставивший во грош;
Он сделал женщину на миг один счастливой,
Но как тот миг хорош!

Да знаете ли вы, вступающие в споры,
Вы, проповедники «законности» в любви,—
Что счастье не в летах, а лишь в зарнице взора,—
Да, знаете ли вы?!..

И я, клянусь, отдам за дивное мгновенье,
Взаимность ощутив того, кого люблю,—
Идеи и мечты, желанья и волненья
И даже жизнь свою.

ОКТАВЫ

Хочу туда — где море бирюзово,
Где у звезды сочнее лепестки,
Где спит палач-вулкан на страже зова,
Где от избытка счастья — вздох тоски...
Хочу туда, где чувствуют грозово,
А потому — раздолия узки!
Звучи, душа, в мечтаньях замирая...
Но край ли то? Мираж ли только края?

Везде лазорь, повсюду померанцы,
Надменность пальм и лунь лимонных рощ,
На женских лицах спелые румянцы,
Весь музыка — алмазноструйный дождь.
Там вечный пир, и музыка, и танцы,
Победный клич и дерзостная мощь!..
Я вся — полет под ураганом зова!..
Хочу туда — любить тебя грозово!

1909

КОГДА НОЧАМИ

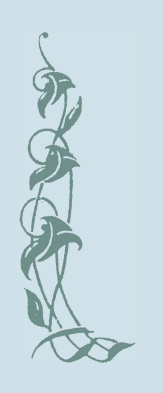
Когда ночами все тихо-тихо,
Хочу веселья, хочу огней,
Чтоб было шумно, чтоб было лихо,
Чтоб свет от люстры гнал сонм теней!

Дворец безмолвен, дворец пустынен,
Беззвучно шепчет мне ряд легенд...
Их смысл болезнен, сюжет их длинен,
Как змея черных ползучих лент...

А сердце плачет, а сердце страждет,
Вот-вот порвется, того и ждешь...
Вина, веселья, мелодий жаждет,
Но ночь замкнула,— где их найдешь?

Сверкните, мысли, рассмейтесь, грезы!
Пускайся, Муза, в экстазный пляс!
И что нам — призрак! и что — угрозы!
Искусство с нами,— и Бог за нас!..

Мыза Ивановка;
охотничий дворец Павла I

ДУРАК

Жил да был в селе «Гуляйном» дьяк-дурак,
Глоткой — прямо первый сорт, башкою — брак.
Раз объелся пирогами — да в барак,
А поправился, купил потертый фрак,
Да с Феклушею вступить желает в брак.
Али ты, дурак, своей свободе враг?
А зачем, дурак, ночной бывает мрак?
А зачем, дурак, у леса есть овраг?
Али съест тебя, дурак, в овраге рак?
Вот-то дурень, дуралей-то! вот дурак!

ПИСЬМО ФЕКЛЫ

Ты послушай меня, мой суразный! ты послушай меня, мой уклюжий:
Кровью сердце мое истекает, ты любовью мне сердце запрудь.
Ах, багряно оно изручьилось, запеклось в лиловатые лужи,
Поиссякло ключистое сердце, поиссохла цветущая грудь!
На деревне калякают девки (любопытство у горя на страже!):
Знать, у Феклы запачкана совесть, или бремени ждет в животе:
Потому что из солнечной девки, веселящей, здоровой и ражей,
Стала попросту старой унылкой, на какой-то споткнулась мечте.
Вот еще и вчера Евфросинью, повстречав на покосе, священник
(Ныне новый в селе; я не знаю, как зовут молодого попа)
Говорил: «Вот какая-то Фекла, мне сказали, мутится от денег,
Все боится воров, скопидомка, ну а замуж — должно быть глупа».
Заклевали меня, оболгали! Из веселой когда-то, из смелой
Стала я, от любви безысходной, мокрой ку́рой и дурой для всех.
Пожалей же меня, мой уклюжий! Полюби же меня, мой умелый!
Разгрешилась на девке деревня — значит девку попутает грех!

1912
Веймарн

НАРОДНАЯ

Солнце Землю целовало —
Сладко жмурилась Земля.
Солнце Землю баловало,
Сыпля злато на поля.

Солнце ласково играло
В простодушной похвальбе.
И Земля его избрала
В полюбовники себе.

И доколе будет длиться
Их немудрая любовь,
Будет мир в цветы рядиться,
В зелень вешнюю лугов!

1911

НА ПРИСТАНИ

Сидел на пристани я ветхой,
Ловя мечтанье тихих струй,
И посылал сухою веткой
Тебе, далекой, поцелуй.

Сидел я долго-долго-долго
От всех вдали и в тишине,
Вдруг ты, пластичная как Волга,
Прошла по правой стороне.

Мы увидались бессловесно,
Мы содрогнулись — каждый врозь.
Ты улыбалась мне прелестно,
Я целовал тебя насквозь.

И я смотрел тебе вдогонку,
Пока не скрылась ты в лесу,
Подобно чистому ребенку,
С мечтою: «все перенесу»...

День засыпал, поля морозя
С чуть зеленеющей травой...
Ты вновь прошла, моя Предгрозя,
И вновь кивала головой.

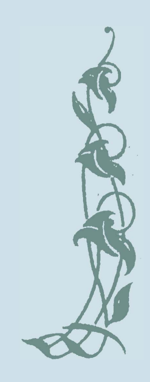
Мыза Ивановка

ПРЕДГРОЗЯ

> ...Вы помните «Не знаю»
>
> *Баратынский*

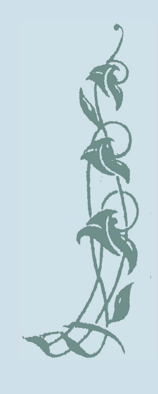
Хороша кума Матреша!
    Глазки — огоньки,
Зубки — жемчуг, косы — русы,
    Губки — лепестки.
Что ни шаг — совсем лебедка
    Взглянет — что весна;
Я зову ее Предгрозей —
    Так томит она.
Но строга она для парней,
    На нее не дунь...
А какая уж там строгость,
    Коль запел июнь.
Полдень дышит — полдень душит.
    Выйдешь на балкон
Да «запустишь» ради скуки
    Старый граммофон.
Понесутся на деревню
    «Фауст», «Трубадур»,—
Защекочет сердце девье
    Крылышком амур.
Глядь,— идет ко мне Предгрозя,
    В парк идет ко мне;
Тело вдруг захолодеет,
    Голова в огне.
— Милый кум...
    — Предгрозя... ластка!..—
    Спазмы душат речь...
О, и что это за радость,
    Радость наших встреч!
Сядет девушка, смеется,
    Взор мой жадно пьет.
О любви, о жгучей страсти
    Нам Июнь поет.
И поет ее сердечко,
    И поют глаза;
Грудь колышется волною,
    А в груди — гроза.
Разве тут до граммофона

Глупой болтовни?
И усядемся мы рядом
В липовой тени.
И молчим, молчим в истоме,
Слушая, как лес
Нам поет о счастье жизни
Призрачных чудес.
Мнится нам, что в этом небе
Нам блестят лучи,
Грезим мы, что в этих ивах
Нам журчат ключи.
Счастлив я, внимая струям
Голубой реки,
Гладя пальцы загорелой,
Милой мне руки.
Хорошо и любо,— вижу,
Вижу по глазам,
Что нашептывают сказки
Верящим цветам.
И склоняется головка
Девушки моей
Ближе все ко мне, и жарче
Песнь ее очей.
Ручкой теплою, любовно
Голову мою
Гладит долго, поверяя
Мне беду свою:
«Бедность точит, бедность губит,
Полон рот забот;
Разве тут похорошеешь
От ярма работ?
Летом все же перебьешься,
А зимой что есть?
По нужде идешь на место,—
То-то вот и есть».
Мне взгрустнется поневоле,
Но бессилен я:
Ничего я не имею,
Бедная моя.
Любишь ты свою деревню,—
Верю я тебе.
Дочь природы, дочь простора,
Покорись судьбе.
А она уже смеется,

Слезку с глаз смахнув,
И ласкается, улыбкой
Сердце обманув.
Я прижмусь к ней,— затрепещет,
Нежит и пьянит,
И губами ищет губы,
И томит, томит.
Расцелую губки, глазки,
Шейку, волоса,—
И ищи потом гребенки
Целых два часа.
...Солнце село, и туманы
Грезят над рекой...
И бежит Предгроза парком
Что есть сил, домой;
И бежит, мелькая в липах,
С криком: «Не скучай —
Я приду к тебе поутру,
А пока — прощай!..»

МОЯ ДАЧА

Моя зеленая избушка —
В старинном парке над рекой.
Какое здесь уединенье!
Какая глушь! Какой покой!

Немного в сторону — плотина
У мрачной мельницы; за ней
Сонлива бедная деревня
Без веры в бодрость лучших дней.

Где в парк ворота — словно призрак,
Стоит заброшенный дворец.
Он обветшал, напоминая
Без драгоценностей ларец.

Мой парк угрюм: в нем много тени;
Сильны столетние дубы;
Разросся он; в траве дорожки;
По сторонам растут грибы.

Мой парк красив: белеют урны;
Видны с искусственных террас
Река, избушки, царский домик...
Так хорошо в вечерний час.

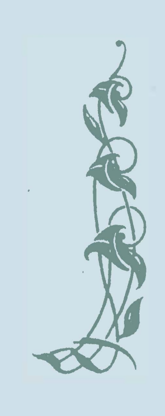
КТО ИДЕТ?

Кто идет? какой пикантный шаг!
Это ты ко мне идешь!
Ты отдашься мне на ландышах
И, как ландыш, расцветешь!

Будут ласки небывалые,
Будут лепеты без слов...
О, мечты мои удалые,
Сколько зреет вам цветов!

Ты — дитя простонародия,
Много звезд в моей судьбе...
Но тебе — моя мелодия
И любовь моя — тебе!

Мыза Ивановка

И РЫЖИК, И ЛАНДЫШ, И СЛИВА

1

Природа всегда молчалива,
Ее красота в немоте.
И рыжик, и ландыш, и слива
Безмолвно стремятся к мечте.
Их губят то птицы, то черви,
То люди их губят; но злак
Лазурит спокойствие в нерве,
Не зная словесных клоак.
Как жили бы люди красиво,
Какой бы светились мечтой,
Когда бы (скажу для курсива):
Их Бог одарил немотой.
Безмолвие только — стыдливо,
Стыдливость близка Красоте.
Природа всегда молчалива,
И счастье ее — в немоте.

2

Постой... Что чирикает чижик,
Летящий над зрелым овсом? —
— И слива, и ландыш, и рыжик
Всегда, и везде, и во всем:
И в осах, и в синих стрекозах,
И в реках, и в травах, и в пнях,
И в сочно пасущихся козах,
И в борзо-бегущих конях,
И в зареве грядковых ягод,
И в нимфах заклятых прудов,
И в палитре сияющих радуг,
И в дымных домах городов...
Природа всегда бессловесна,
И звуки ее — не слова.
Деревьям, поверь, неизвестно —
Чем грезит и дышит трава...
Мечтанья алеющих ягод
Неясны пчеле и грибам.
Мгновенье им кажется за год;
Все в мире приходит к гробам.

3

Я слышу, над зарослью речек,
Где ночь — бирюзы голубей,
Как внемлет ажурный кузнечик
Словам голубых голубей:
«И рыжик, и слива, и ландыш
Безмолвно стремятся к мечте.
Им миг ослепительный дан лишь,
Проходит их жизнь в немоте.
Но слушай! В природе есть громы,
И бури, и штормы, и дождь.
Вторгаются вихри в хоромы
Спокойно мечтающих рощ,
И губят, и душат былинки,
Листву, насекомых, цветы,
Срывая с цветов пелеринки,—
Но мы беззаботны, как ты.
Мы все, будет время, погибнем,—
Закон изменения форм.
Пусть гимну ответствует гимном
Нам злом угрожающий шторм.
Она справедлива — стихия,—
Умрет, что должно умереть.
Налеты ее огневые
Повсюду: и в прошлом, и впредь.
Восславим грозо́вые вихри:
Миры освежает гроза.
И если б стихии затихли,
Бог, в горе, закрыл бы глаза.
Но помни: Бессмертное — живо!
Стремись к величавой мечте!
Величье всегда молчаливо
И сила его — в немоте!»

Дылицы
1911

БЕЛАЯ УЛЫБКА

МИСТИЧЕСКАЯ ПОЭМА

> **Ты помнишь? — В средние века**
> **Ты был мой властелин...**
>
> *М. Лохвицкая*

I

Есть в лесу, где шелковые пихты,
Дней былых охотничий дворец.
Есть о нем легенды. Слышать их ты
Если хочешь, верь, а то — конец!..
У казны купил дворец помещик,
Да полвека умер он уж вот;
После жил лет семь старик-объездчик,
А теперь никто в нем не живет.
Раз случилось так: собралось трое
Нас, любивших старые дома,
И, хотя бы были не герои,
Но легенд истлевшие тома
Вызывали в нас подъем духовный,
Обостряли нервы до границ:
Сердце билось песнею неровной
И от жути взор склонялся ниц.
И пошли мы в темные покои,
Под лучами солнца, как щита.
Нам кивали белые левкои
Грустно вслед, светлы как нищета.
Долго шли мы анфиладой комнат,
Удивленно слушая шаги;
Да, покои много звуков помнят,
Но как звякнут — в сторону беги!..
На широких дедовских диванах
Приседали мы,— тогда в углах
Колыхались на обоях рваных
Паутины в солнечных лучах.
Усмехались нам кариатиды,
Удержав ладонью потолки,
В их глазах — застывшие обиды,
Только уст дрожали уголки...
Но одна из этих вечных статуй
Как-то странно мнилась мне добра;
И смотрел я, трепетом объятый,

На нее, молчавшую у бра.
Жутко стало мне, но на пороге,
Посмотрев опять из-за дверей
И ее увидев, весь в тревоге,
Догонять стал спутников скорей.
Долго-долго белая улыбка
Белых уст тревожила меня...
Долго-долго сердце шибко-шибко,
Шибко билось, умереть маня.

II

На чердак мы шли одной из лестниц,
И скрипела лестница, как кость.
Ждали мы таинственных предвестниц
Тех краев, где греза наша — гость.
На полу — осколки, хлам и ветошь.
Было сорно, пыльно; а в окно
Заглянуло солнце... Ну и свет уж
Лило к нам насмешливо оно!
Это солнце было — не такое,
Как привыкли солнце видеть мы —
Мертвое, в задумчивом покое,
Иначе блестит оно из тьмы;
Этот свет не греет, не покоит,
В нем бессильный любопытный гнев.
Я молчу... Мне страшно... Сердце ноет...
Каменеют щеки, побледнев...

III

Это — что? откуда? что за диво!
Смотрим мы и видим, у трубы
Перья... Кровь... В окно кивнула ива,
Но молчит отчаяньем рабы.
Белая, как снег крещенский, птица
На сырых опилках чердака
Умирала тихо... С ней проститься
Прислан был я кем издалека?
Разум мой истерзан был, как перья
Снежной птицы, умерщвленной кем?
В этом доме, царстве суеверья,
Я молчал, догадкой сердца нем...
Вдруг улыбка белая на клюве

У нее расплылась, потекла...
Ум застыл, а сердце, как Везувий,
Затряслось,— и в раме два стекла
Дребезжали от его биенья,
И звенели, тихо дребезжа...
Я внимал, в гипнозе упоенья,
Хлыстиком полившего дождя.
И казалось мне, что с пьедестала
Отошла сестра кариатид
И бредет по комнатáм устало,
Напевая отзвук панихид.
Вот скрипят на лестницах ступени,
Вот хрипит на ржавой меди дверь...
И в глазах лилово,— от сирени,
Иль от страха, знаю ль я теперь!..
Как нарочно, спутники безмолвны...
Где они? Не вижу. Где они?
А вдали бушуют где-то волны...
Сумрак... дождь... и молнии огни...
— Защити! Спаси меня! Помилуй!
Не хочу я белых этих уст!..—
Но она уж близко, шепчет: «милый...»
Этот мертвый звук, как бездна, пуст...
Каюсь я, я вижу — крепнет солнце,
Все властнее вспыхивает луч,
И ко мне сквозь мокрое оконце,
Как надежда, светит из-за туч.
Все бодрей, ровней биенье сердца,
Веселеет быстро все кругом.
Я бегу... вот лестница, вот дверца,—
И расстался с домом, как с врагом.

IV

Как кивают мне любовно клены!
Как смеются розы и сирень!
Как лужайки весело-зелены,
И тюльпанов каски набекрень!
Будьте вы, цветы, благословенны!
Да сияй вовеки солнца свет!
Только те спасутся, кто нетленны!
Только тот прощен, кто дал ответ!

Ивановка
Охотничий дворец.

II. ЛУННЫЕ ТЕНИ

ПРЕЛЮДИЯ

Лунные тени — тени печали —
Бродят бесшумной стопой.
В черном как горе земли покрывале
Призрачной робкой тропой.

Многих любовно и нежно качали,
Чутко давали отсвет...
Лунные тени, тени печали,
Мой повторят силуэт!

СОНЕТ

Я полюбил ее зимою
И розы сеял на снегу
Под чернолесья бахромою
На запустевшем берегу.

Луна полярная, над тьмою
Всходя, гнала седую мгу.
Встречаясь с ведьмою хромою,
Поднявшей снежную пургу,

И слушая, как стонет вьюга,
Стонала бедная подруга,
Как беззащитная газель,

И слушал я, исполнен гнева,
Как выла зимняя метель
О смерти зимнего посева.

Мыза Ивановка

ИЗ СЮЛЛИ-ПРЮДОМА

«Ne jamais la voir, ni l'entendre»

Мне никогда не видеть, не слыхать
И не назвать ее мне никогда.
Но верным быть, ее любовно ждать.
Любить ее — всегда!

К ней руки простирать, молить, дрожать
И их сомкнуть без цели... Не беда:
Ведь снова к ней, ведь снова продолжать
Любить ее всегда!

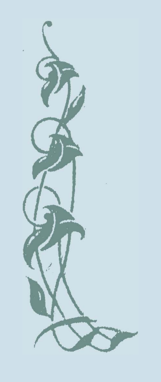
Ах, только бы надеяться, мечтать
И в этих слезах таять, как вода...
Как радостно мне слезы проливать,
Любить ее всегда!

Мне никогда не видеть, не слыхать
И не назвать ее мне никогда,
Но звать ее, ее благословлять,
Любить ее — всегда.

ТРИОЛЕТ

Ты мне желанна, как морю — буря,
Тебе я дорог, как буре — штиль.
        Нас любит море... И, каламбуря
С пурпурным небом: «как морю — буря,
        Она желанна»,— на сотни миль
Рокочут волны, хребты пурпуря
Зарей вечерней: «как морю — буря...
        ...Как буре — штиль...»

САРОНСКАЯ ФАНТАЗИЯ

Посвящается Грааль-Арельскому

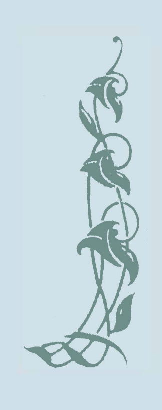
Царица я народам мне подвластным,
Но ты, дитя, зови меня — Балькис

Мирра Лохвицкая

Давно когда-то; быть может, это в мифе;
Где померанец, и пальма, и лимон,—
К царице Савской, к прекрасной Суламифи,
Пришел забыться премудрый Соломон.

Пришел нежданно, пришел от пышных кляуз,
Устав от царства, почести и песка,—
Чтоб в белогрудье запрятать ум, как страус,
Чтоб выпить губы — два алых лепестка.

Июлил вечер, мечтая звезды высечь...
«Нарцисс Сарона» прилег под кипарис...
И та, которой дано имен сто тысяч,
Все променяла на арфное — Балькис.

27 АВГУСТА 1912

Двадцать седьмое августа; семь лет
Со дня кончины Лохвицкой; седьмая
Приходит осень, вкрадчиво внимая
Моей тоске: старуха в желтый плед
Закутана, но вздрагивает зябко.
Огрязнены дороги, но дождей
Неделя — нет. Девчонка-косолапка
На солнышке искомкалась. Желтей,
Румяней лист: земля заосенела.
Коровница — в мелодиях Фанелла —
На цитре струны щупает. Она
Так молода, и хочется ей звуков;
Каких — не все равно ли? Убаюкав
«Игрою» кур, взгрустила — и бледна.
На зелени лужка белеет чепчик:
Опять княгиня яблоки мне шлет,
И горничная Катя — алодевчик —
Торопится лужайку напролет...

Веймарн, мыза Пустомержа

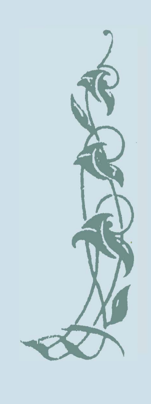

МОРСКАЯ ПАМЯТКА

Сколько тайной печали, пустоты и безнадежья
В нарастающем море, прибегающем ко мне,
В тишине симфоничной, в малахитовом изнежье,
Мне целующем ноги в блекло-шумной тишине.

Только здесь, у прибоя, заглушающего птичье
Незатейное пенье, озаряющее лес,
Познаю, просветленный, преимущество величья
Земноводной пучины над пучиною небес...

1912 авг. Эстляндия
Иеве, деревня Тойла

ВНЕ

Ивану Лукашу

Под гульливые взвизги салазок
Сядем, детка моя, на скамью.
Олазурь незабудками глазок
Обнищавшую душу мою!

Пусть я жизненным опытом старше,—
Научи меня жить, научи! —
Под шаблонно-красивые марши,
Под печально смешные лучи.

Заглушите мой вопль, кирасиры!
Я — в сумбуре расплывшихся зорь...
Восприятия хмуры и сиры...
Олазорь же меня, олазорь!

Я доверьем твоим не играю.
Мой порок, дорогая, глубок.
Голубок, я тебе доверяю,
Научи меня жить, голубок!

Не смотрите на нас, конькобежцы:
Нашу скорбь вы сочтете за шарж,
Веселитесь, друг друга потешьте
Под лубочно-раскрашенный марш.

Нам за вашей веселостью шалой
Не угнаться с протезным бичом...
Мы с печалью, как мир, обветшалой,
Крепко дружим, но вы-то при чем?

Мы для вас — посторонние люди,
И у нас с вами общее — рознь:
Мы в мелодиях смутных прелюдий,
Ваши песни — запетая кознь.

Мы — вне вас, мы одни, мы устали...
Что вам надо у нашей скамьи?
Так скользите же мимо на стали,
Стальносердные братья мои!..

ЗАМУЖНИЦА

Е. Я.

Исстражденный, хочу одевить,
Замужница, твои черты:
Не виденная мною девять
Осенних лет, ты — снова ты!

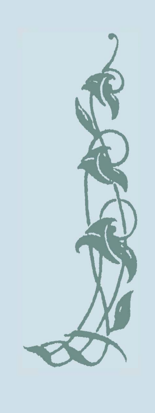
Смеющаяся в отстраданьи,
Утихшая —... июнь в саду...—
Растративши дары и дани,
Пристулила в седьмом ряду.

Я солнечник и лью с эстрады
На публику лучи поэз.
Ты, слушая, безгрёзно рада
(Будь проклята приставка «без»!)

Но может быть, мое явленье,
Не нужное тебе совсем,
Отторгнуло тебя от лени,
Пьянительней моих поэм?

Напомнило, что блеклых девять
Осенних лет твои черты
Суровеют, что их одевить
В отчаяньи не можешь ты...

1912. Ночь под Рождество

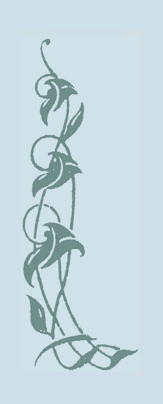
ПОРТНИХА

Ты приходишь утомленная, невеселая, угаслая,
И сидишь в изнеможении, без желаний и без слов...
Развернешь газету — хмуришься, от себя ее
отбрасывая;
Тут уже не до политики! тут уже не до балов!

Светлый день ты проработала над капотом
мессалиновым
(Вот ирония! — для женщины из разряда
«мессалин»!).
Ах, не раз усмешка едкая по губам твоим малиновым
Пробегала при заказчице, идеал которой — «блин»...

В мастерской — от вздорных девочек — шум такой же,
как на митинге,
Голова болит и кружится от болтливых мастериц...
Не мечтать тебе, голубушка, о валькириях, о викинге:
Наработаешься за день-то, к вечеру — не до цариц!

1912

БУДЬ СПОКОЙНА

Будь спокойна, моя деликатная,
Робко любящая и любимая:
Ты ведь осень моя ароматная,
Нежно-грустная, необходимая...

Лишь в тебе нахожу исцеление
Для души моей обезвопросенной
И весною своею осеннею
Приникаю к твоей вешней осени...

1912. Июль. День Игоря.
Ст. Елизаветино
село Дылицы

МОЯ УЛЫБКА

Моя улыбка слезы любит,
Тогда лишь искренна она,
Тогда лишь взор она голубит —
И в душу просится до дна.

Моей улыбке смех обиден,
Она печалью хороша.
И если луч ее не виден,
Во мне обижена душа.

Мыза Ивановка

ЗВЕЗДЫ

Бессонной ночью с шампанским чаши
Мы поднимали и пели тосты
За жизни счастье, за счастье наше.
        Сияли звезды.

Вино шипело, вино играло.
Пылали взоры и были жарки.
— Идеи наши,— ты вдруг сказала,—
        Как звезды — ярки!

Полились слезы, восторга слезы...
Минуты счастья! я вижу вас ли?
Запело утро. Сверкнули грезы.
        А звезды... гасли.

1907

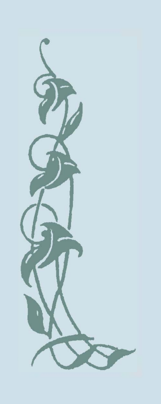
ПРОСТИТЬ? НИКОГДА!

Какой изнурительный сон!..
Я шел и твой дом повстречал
Была на крыльце ты. Начал
Былого конца лилея звон.

Любовь во мне снова зажглась
И сердце грозила снести.
— Прости! — застонал я,— прости! —
И брызнули слезы из глаз.

Смотрю я: ты вздрогнула вся,
Ты вся изменилась в лице...
Я бился в мечте на крыльце,
Тебя о прощеньи прося.

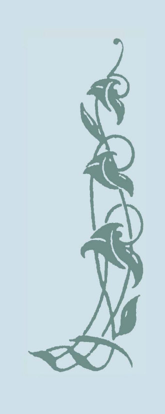
И ты, засверкав, хохоча,
Любя, как давно, как всегда,
Сказала: «Простить? Никогда!»
— Где в храме потухла свеча?..—

ГОД МИНОВАЛ

Я с рукава срываю креп:
Год миновал. Мой взор окреп.
    Окреп от слез.
Так крепнет травка от дождя.
Так крепнет рать в крови вождя.
    И ум — от грез.

Горелово

ОРЕШЕК СЧАСТИЯ

В цветах стыдливости, в мечтах веселья,
В душистой полыме своей весны,
Она пришла ко мне,— и без похмелья
Пьянили девственно поэта сны.

А сколько радости! А сколько счастья!
Ночей жасминовых!.. фиалок нег!..
О, эта девочка — вся гимн участья,
Вся — ласка матери, вся — человек!

Орешек счастия сберечь в скорлупке
Я не сумел тогда... Молчи, постой! —
Ведь нет... ведь нет ее, моей голубки,
Моей любовницы... моей святой!

СНЕГ ЯБЛОНЬ

Снег яблонь — точно мотыльки,
А мотыльки — как яблонь снег.
Еще далеко васильки,
Еще далеко ночи нег.

И все — в огне, и все — в цвету,
Благоухает каждый вздох!..
Зову и жажду — жажду ту,
От чьих слезинок дымен мох!..

Мыза Ивановка

РОНДО

— Бери меня,— сказала, побледнев
И отвечая страстно на лобзанье.
Ее слова — грядущих зол посев —
Ужальте мне мое воспоминанье!
Я обхватил трепещущую грудь,
Как срезанный цветок, ее головка
Склоняется в истоме... «Смелой будь»,—
Хотел сказать, но было так неловко...
«Возьми меня»,— шепнула, побледнев,
Страдальчески глаза мои проверив,
Но дальше — ни мазков, ни нот, ни перьев!..
То вся — любовь, то вся — кипучий гнев,
— Бери меня! — стонала, побледнев.

Мыза Ивановка

НИЧЕГО НЕ ГОВОРЯ

Это было так недавно,
Но для сердца так давно...
О фиалке грезил запад,
Отразив ее темно.

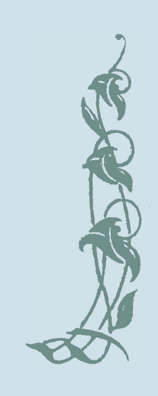
Ты пришла ко мне — как утро,
Как весенняя заря,
Безмятежно улыбаясь,
Ничего не говоря.

Речку сонную баюкал
Свет заботливый луны.
Где-то песня колыхалась,
Как далекий плеск волны.

И смотрел я, зачарован,
Ничего не говоря,
Как скрывала ты смущенье
Флером — синим, как моря.

О, молчанье нашей встречи,—
Все тобой озарено!
Так недавно это было,
А для сердца так давно!..

1908

А ЕСЛИ НЕТ?..

А если нет?.. А если ты ушла,
Чтоб не прийти ко мне на панихиды?
Кто даст ответ?
Одна лишь ты могла,
Но ты полна обиды...
А если нет?

Какая грусть... Как мраморна печаль...
Как высока, свята и вдохновенна!
Но пусть, но пусть.
Разбитая скрижаль —
Осколком драгоценна...
Какая грусть!

Мыза Ивановка

УТРЕННИЙ ЭСКИЗ

Сегодня утром зяблики
Свистели и аукали,
А лодку и кораблики
Качели волн баюкали.

Над тихою деревнею
Дышали звуки вешние,
И пред избушкой древнею
Светлела даль поспешнее.

Хотелось жить и чувствовать
Зарей студено-ясною.
Смеяться и безумствовать
Мечтой — всегда напрасною!

Мыза Ивановка
1909

У БЕЗДНЫ

О, юность! о, веры восход!
О, сердца взволнованный сад!
И жизнь улыбалась: «вперед!»
И смерть скрежетала: «назад»...

То было когда-то тогда,
То было тогда, когда нет...
Клубились, звенели года —
Размерены, точно сонет.

Любил, изменял, горевал,
Звал смерти, невзгоды, нужду.
И жизнь, как пират — моря вал,
Добросила к бездне. Я жду!

Я жду. Я готов. Я без лат.
Щит согнут, и меч мой сдает.
И жизнь мне лепечет: «назад»...
А смерть торжествует: «вперед!»

НЕНУЖНОЕ ПИСЬМО

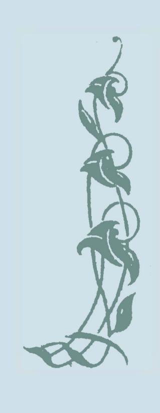
Семь лет она не писала,
Семь лет молчала она.
Должно быть, ей грустно стало,
Но, впрочем, теперь весна.

В ее письме ни строчки
О нашей горькой дочке.
О тоске, о тоске,—
Спокойно перо в руке.

Письмо ничем не дышит,
Как вечер в октябре.
Она бесстрастно пишет
О своей сестре.

Ах, что же я отвечу
И надо ли отвечать...
Но сегодняшний вечер
Будет опять, опять.

Веймарн

ЗАРЕЮ ЖИЗНИ

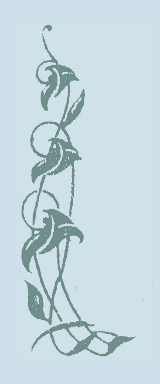
Зарею жизни я светом грезил,
Всемирным счастьем и вечным днем!
Я был так пылок, так смел, так весел,
Глаза горели мои огнем.

Мир рисовался — прекрасен, дивен.
Прожить — казалось — я мог шутя...
Зарею жизни я был наивен,
Зарею жизни я был дитя!

Закатом жизни порывы стихли,
Иссякли силы и жар погас.
Мне жаль сердечно, не знаю — их ли,
Погибшей грезы ль, но — близок час.

Он, ироничный, пробьет бесстрастно,
Я улетучусь, тоской объят...
Зарею жизни — все в жизни ясно!
Закатом жизни — всему закат!

1907

СПУСТЯ ПЯТЬ ЛЕТ

Тебе, Евгения, мне счастье давшая,
Несу горячее свое раскаянье...
Прими, любившая, прими, страдавшая,
Пойми тоску мою, пойми отчаянье.

Вся жизнь изломана, вся жизнь истерзана.
В ошибке юности — проклятье вечное...
Мечта иссушена, крыло подрезано,
Я не сберег тебя,— и жизнь — увечная...

Прости скорбящего, прости зовущего,
Быть может — слабого, быть может — гения...
Не надо прошлого: в нем нет грядущего,—
В грядущем — прошлое... Прости, Евгения!

1910

СОНМЫ ВЕСЕННИЕ

Сонные сонмы сомнамбул весны
Санно манят в осиянные сны.

Четко ночами рокочут ручьи.
Звучные речи ручья горячи.

Плачут сирени под лунный рефрен.
Очи хохочут песчаных сирен.

Лунные плечи былинной волны.
Сонные сонмы весенней луны.

1909

ВЕСНА

Вечер спал, а Ночь на сене
Уж расчесывала кудри.
Одуванчики, все в пудре,
Помышляли об измене.

Шел я к Ночи,— Ночь навстречу.
Повстречалися без речи.
— Поцелуй...— Я не перечу...
И — опять до новой встречи.

Шел я дальше. Незнакомка
Улыбнулася с поляны,
Руки гнулись, как лианы,
И она смеялась громко.

Вместо глаз синели воды
Обольстительного юга,
Голос страстный пел, как вьюга,
А вкруг шеи хороводы.

Заводили гиацинты
С незабудками с канавок...
Я имел к миражам навык,
Знал мечтаний лабиринты.—

И пускай, кто хочет, трусит,
Но не мне такая доля.
И сказал я: «Дева с поля,
Кто же имя девы вкусит?»

Уже, уже нить лесная,
Комаров порхают флоты...
Тут ее спросил я: «Кто ты?»
И прозвякала: Весна — я!

ПОД НАСТРОЕНЬЕМ ЧАЙНОЙ РОЗЫ

1. Октава

От вздохов папирос вся комната вуалевая...
Свой абрис набросал на книге абажур.
В вазетке на столе тоскует роза палевая,
И ветерок ее колышет весь ажур.
Пугает холодок, а вдохновенье, скаливая,
Зовет меня в леса из копоти конур.
    Я плащ беру и верный хлыст,
    И чайной розы сонный лист.

2. Газелла

И все мне доносится чайная роза
Зачем тосковала так чайная роза?

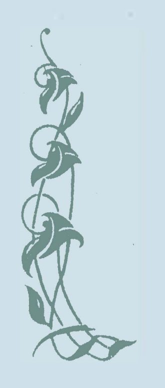
    Ей в грезах мерещились сестры пунцовые...
    Она сожалела их, чайная роза.

Ее обнадежили тучи свинцовые...
О! влага живительна, чайная роза...

    Дыханьем поила закаты лиловые
    И лепеты сумерек чайная роза...

В груди ее таяли чаянья новые
Их пела случайная чайная роза.

Мыза Ивановка

ПОЭЗА О НЕЗАБУДКАХ

Поет Июнь, и песни этой зной
Палит мне грудь, и грезы, и рассудок.
Я изнемог и жажду незабудок,
Детей канав, что грезят под луной
Иным цветком, иною стороной.
Я их хочу: сирени запах жуток.
Он грудь пьянит несбыточной весной;
Я их хочу: их взор лазурный чуток,
И аромат целебен, как простор.
Как я люблю участливый их взор!
Стыдливые, как томны ваши чары...
Нарвите мне смеющийся букет,
В нем будет то, чего в сирени нет,
А ты, сирень, увянь в тоске нектара.

Мыза Ивановка

МОЙ САД

П. М. Кокорину

Войди в мой сад... Давно одебрен
Его когда-то пышный вид.
Днем — золочен, в луне — серебрян,
Он весь преданьями овит.

Он постарел, он к славе алчен,
И, может быть, расскажет он,
Как потерял в нем генерал чин,
Садясь в опальный фаэтон.

И, может быть, расскажет старец,
Как много лет тому назад
Графиня ехала в Биарриц
И продала поспешно сад;

Как он достался генеральше,
Как было это тяжело,
И, может быть, расскажет дальше,
Что вслед за тем произошло.

А если он и не расскажет
(Не всех доверьем он дарит...)
Каких чудес тебе покажет,
Какие дива озарит!

И будешь ты, когда в росе — лень,
А в сердце — нега, созерцать
Периодическую зелень
И взором ласкою мерцать.

Переживать мечтой столетья,
О них беззвучно рассуждать,
Ждать девушек в кабриолете
И, не дождавшись их, страдать...

Мой тихий сад в луне серебрян,
А в солнце ярко золочен.
Войди в него, душой одебрен,
И сердцем светел и смягчен.

ТЫ НЕ ШЛА...

Карменсите

Целый день хохотала сирень
Фиолетово-розовым хохотом.
Солнце жалило высохший день.
Ты не шла (Может быть, этот вздох о том?)
Ты не шла. Хохотала сирень,
Удушая пылающим хохотом...
Вдалеке у слепых деревень
Пробежал паровоз тяжким грохотом.
Зло-презло хохотала сирень,
Убивая мечты острым хохотом.
Да. А ты всё не шла — целый день.
А я ждал (Может быть, этот вздох о том?..)
До луны хохотала сирень
Беспощадно осмысленным хохотом...
Ты не шла. В парке влажная тень.
Сердце ждет. Сердце бесится грохотом.
— Отхохочет ли эта сирень?
Иль увянет, сожженная хохотом?!

Павловск

НА СТРОЧКУ БОЛЬШЕ, ЧЕМ СОНЕТ

К ее лицу шел черный туалет...
Из палевых тончайшей вязи кружев
На скатах плеч — подобье эполет...
Ее глаза, весь мир обезоружив,
Влекли к себе.

Садясь в кабриолет
По вечерам, напоенным росою,
Она кивала мужу головой
И жаждала души своей живой
Упиться нив вечернею красою.

И вздрагивала лошадь, под хлыстом,
В сиреневой муаровой попоне...
И клен кивал израненным листом.
Шуршала мгла...

Придерживая пони,
Она брала перо, фантазий страж,
Бессмертя мглы дурманящий мираж...

Мыза Ивановка
1909

ГРАД

ДАРЮ Дорину-Николаеву

Качнуло небо гневом грома,
Метнулась молния — и град
В воде запрыгал у парома,
Как серебристый виноград.

Вспорхнула искорка мгновенья,
Когда июль дохнул зимой —
Для новых дум, для вдохновенья,
Для невозможности самой...

И поднял я бокал высоко,—
Блеснули мысли для наград...
Я пил вино, и в грезах сока
В моем бокале таял град

Мыза Ивановка

СОН МСТИТЕЛЬНЫЙ

Вошла в мой сон: немного пополнев,
Все так же легкомысленна и лжива;
Все те ж духи и тот же все напев,—
И вот опять все прожитое живо.

Легко узнать в чертах, всегда твоих,
Чрез много лет, оскорбленных громоздко,
Тех лет черты, когда звенел мой стих,
А ты была в периоде подростка.

Легко узнать в улыбке Valerie,
В изысках надушенного шиньона,
Дикарку в бликах розовой зари,
Которую я называл: Миньона.

Но отчего же тот же жгучий хлыст
В твоей руке, в перчатке — элегантной,
А мальчик с дохом, превращенным в свист,
Овалголовый, чахлый, крупногландый?

Я сновиденьем сладко угнетен,
Не превозмочь растерянной улыбки:
Весна моя, пришедшая в мой сон,
Мне отомстит за вешние ошибки...

Веймарн

ОБРЕЧЕННЫЙ

Я говорю: отлетены лета
Падучих грез, недопитых любовей.
Приять одну, последнюю готовей
Моя душа, угасом золота.

Но не смогу вовеки озабветь
То благостных, то грозоносных весен —
Как там ни взвой, помешанная осень!
Как ни взрычи, берложный черт,— медведь!

Распустится бывалая листва,
Иссохшая, истлевшая в бесцветье:
Я обречен, спустя мильонолетье,
На те же лики, губы и слова...

Веймарн, 1913. Август

ПРИНЦЕССА МИМОЗА

СКАЗКА В ТРИОЛЕТАХ

1

Живет в фарфором дворце
Принцесса нежная Мимоза
С улыбкой грустной на лице.
Живет в фарфоровом дворце...
Летают в гости к ней стрекозы.
Жучки дежурят на крыльце.
Живет в фарфоровом дворце
Принцесса нежная Мимоза.

2

Она стыдлива и чиста,
И ручки бархатные хрупки;
Наряд из скромного листа.
Она стыдлива и чиста,
Как вздохи девственной голубки,
Как в ранней юности уста.
Она стыдлива и чиста,
И ручки бархатные хрупки.

3

Дрожит сердечко, как струна
У арфы дивной, сладкозвучной:
Она впервые влюблена;
Поет сердечко, как струна,
И во дворце теперь ей скучно,
Она давно не знает сна;
Поет сердечко, как струна,
У арфы громкой, сладкозвучной.

4

Ее избранник, Мотылек,
Веселый, резвый, златотканный,
Ей сделал о любви намек;

Ее избранник, Мотылек,
Любимый ею и желанный,
Подносит стансы в восемь строк
Ее избранник Мотылек,—
Поэт с душою златотканной.

5

Мимозу робко просит он
Дозволить слиться поцелуем,
Коротким, как волшебный сон;
Мимозу страстно просит он,
Любовью пылкою волнуем,
За поцелуй дает ей трон.
Мимозу умоляет он
Дозволить слиться поцелуем!

6

Принцесса любит... Почему ж
Его противиться желанью?
Притом он вскоре будет муж...
Принцесса любит... Почему ж?!
Уже назначено свиданье,
И близится слиянье душ;
Принцесса любит... Почему ж?
Противиться ее желанью?

7

Как обнадежен Мотылек —
Поэт и юноша веселый!
В благоуханный вечерок
К ней подлетает Мотылек.
Принцесса очи клонит долу
Он наклоняется и — чмок!
Мимозу шустрый Мотылек,—
Поэт и юноша веселый.

8

И вдруг смежила вечным сном
Глаза лазурные принцесса
Пред потрясенным Мотыльком

Увы! Смежила вечным сном.
Сокрыла счастие завеса,
И веет в сердце холодком,
Когда смежила вечным сном
Глаза невинные принцесса.

9

Ее святая чистота —
Причина гибели Мимозы,
Что чище вешнего листа.
В любви духовной — чистота,
А не в земной, рабыне прозы;
Есть для одних молитв уста,
И их святая чистота —
Причина гибели Мимозы!

1907

БЕЛАЯ ЛИЛИЯ

СКАЗКА В ТРИОЛЕТАХ

1

Белая Лилия, юная Лилия
Красила тихий и сумрачный пруд.
    Сердце дрожало восторгом идиллии
У молодой и мечтательной Лилии.
    Изредка разве пруда изумруд
    Шумно вспугнут лебединые крылия.
Белая Лилия, светлая Лилия
Красила тихий и сумрачный пруд.

2

Белую Лилию волны баюкали,
Ночи ласкали, исполнены чар.
    Сердце застонет, томит его мука ли,
Лилию ласково волны баюкали,
    Ей объяснялся в любви Ненюфар,
    С берега ей маргаритки аукали.
Белую Лилию волны баюкали,
Ночи ласкали, исполнены чар.

3

Всеми любима, собою всех радуя,
Распространяя вокруг аромат
    Тихо цвела неподвижна, как статуя,
Юная Лилия, очи всех радуя.
    Грезно внемля, как любовью объят,
    Пел Ненюфар, на судьбу не досадуя,
Тихо цвела она, души всех радуя,
Нежный, как грезы, лия аромат.

4

Лодка изящная, лодка красивая,
Как-то прорезала зеркало вод;
    Сразу нарушила жизнь их счастливую
Лодка изящная, лодка красивая;
    Весла ее подгоняли вперед,

Заволновалося царство сонливое...
Лодка бездушная, лодка красивая
Грубо разбила все зеркало вод.

5

Девушка бледная, девушка юная
Воды вспугнула ударом весла.
Ночь просыпалась с улыбкою лунною
Девушка плакала, бледная, юная,
Скорбь у нее не сходила с чела,
Арфа рыдала ее звонкострунная,
Девушка кроткая, девушка юная
Воды вспугнула ударом весла.

6

— Белая Лилия, юная Лилия,—
Девушка вдруг обратилася к ней:
Как нас сближает с тобою бессилие...
Грустно мне, Лилия, чистая Лилия,
Сердце страдает больней и больней,
Счастье вернуть напрягая усилия...
О, посоветуй мне, милая Лилия,—
Девушка вдруг обратилася к ней.

7

— Добрая девушка, девушка милая,—
Лилия грустно вздохнула в ответ:
Чем облегчу я, бессильная, хилая,
Сердце твое, моя девушка милая?
Кажется, мне твой понятен секрет:
Первое чувство сроднилось с могилою?..
Правда ли, девушка, девушка милая? —
Лилия грустно вздохнула в ответ.

8

— Ты отгадала,— с печальной улыбкою
Та отвечала, головку склоня:
Чувство мое оказалось ошибкою,
Ты отгадала,— с печальной улыбкою
Молвила девушка, грусть ощутив,

Молча следя за играющей рыбкою;
Ты отгадала! — с щемящей улыбкою
Дева сказала, головку склонив.

9

Лилия скорбно вздохнула, растрогана
Этим признанием, этой тоской.
— Знаешь?.. сорви меня, дева, для локона,—
Лилия тихо шепнула, растрогана:
Буду лелеять твой локон златой.—
Ей для дыханья давала свой сок она,
Всю отдавала себя ей, растрогана
Робким признанием, страстной тоской.

10

...И сорвала ее дева задумчиво,
Бледной прекрасной рукой сорвала...
И угасала осмысленно, вдумчиво
Лилия, снятая с стебля задумчиво.
Снова раздались удары весла
И Ненюфар запечалился влюбчивый...
Лилию бедную дева задумчиво
Бледной печальной рукой сорвала.

11

Белая Лилия, чистая Лилия
Больше не красила сумрачный пруд
И не дрожала восторгом идиллии:
Белая Лилия — мертвая лилия!..
Пруд спит по-прежнему... Разве, вспугнут
Сон иногда лебединые крылия...
Белая Лилия, светлая Лилия
Больше не красила сумрачный пруд.

СВЕТОСОН

Девушкам Тойла

Отдайте вечность на мгновенье,
Когда в нем вечности покой!..
На дне морском — страна Забвенья,
В ней повелитель — Водяной.
На дне морском живут наяды,
Сирены с душами медуз;
Их очи — грезовые яды,
Улыбки их — улыбки муз.
Когда смеется солнце в небе,
Король воды, как тайна, тих:
Ведь он не думает о хлебе
Ни для себя, ни для других!
Когда ж, прельстясь лазурной сталью,
Приляжет в море, как в гамак,
С такой застенчивой печалью
И раскрасневшись, точно мак,
Светило дня,— в свою обитель
Впустив молочный сонный пар,
Замыслит донный повелитель
Оледенить небесный жар:
Лишь Водяной поднимет коготь,
Залентят нимфы хоровод
И так лукаво станут трогать
И щекотать просонок вод,
И волны, прячась от щекотки,
Сквозь сон лениво заворчат
И, обозлясь, подбросят лодки,
Стремя рули в грозовый чад.
Рассвирепеет мощно море,
Как разозленный хищный зверь...
Поди, утешь морское горе,
Поди, уйми его теперь!
Как осудившие потомки
Ошибки светлые отцов,
Начнет щепить оно в обломки
Суда случайные пловцов.
Оно взовьет из волн воронку,
Загрохотав, теряя блеск,
Стремясь за облаком вдогонку —
Под гул, и гам, и шум, и треск.

А солнце, дремлющее сладко
На дне взбунтованных пучин,
Уйдет — но как? его загадка! —
Раскутав плен зеленый тин.
Оно уйдет, уйдет неслышно
И незаметно, точно год...
Пока пылает буря пышно,
Оно таинственно уйдет...
Когда ж палитрою востока
Сверкнет взволнованная сталь,
Светило дня — душа пророка! —
Опять поднимется в эмаль.
Одной небрежною улыбкой
Оно смирит волнистый гнев,—
И Водяной, смущен ошибкой,
Вздохнет, бессильно побледнев...
Спешите все в строку забвенья
Вы, изнуренные тоской!
Отдайте вечность за мгновенье,
Когда в нем вечности покой!..

ИНЭС

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОЭМА

О, пойми,— о, пойми,— о, пойми:
В целом свете всегда я одна

Мирра Лохвицкая

1

Давался блистательный бал королем,
Певучим владыкой Парнаса.
Сплывались галеры, кивая рулем
К пробитью закатного часа.

2

В них плыли поэты, заслугой умов
Достигшие доступа в царство,
Где молнии блещут под хохот громов
И блещут притом без коварства.

3

Шел час, когда солнце вернулось домой
В свои золотые чертоги,
И сумрак спустился над миром немой
В усеянной звездами тоге.

4

Свистели оркестры фарфоровых труб,
Пел хор перламутровых скрипок;
И тот, кто недавно несчастный был труп,
Воскрес в воскресенье улыбок...

5

Цвели, как мечтанья поэта, цветы
Задорными дерзко тонами,
И реяли, зноем палитры, мечты
Земле незнакомыми снами.

6

Собрались все гости. Огнем полонез
Зажегся в сердцах инструментов,—
И вышла к гостям королева Инэс,
Колдунья волшебных моментов.

7

В каштановой зыби спал мрамор чела,
Качалась в волнах диадема.
И в каждой черте королевы жила
Восторгов сплошная поэма.

8

Чернели маслины под елями дуг,
Дымилася инеем пудра;
Инэс истомляла, как сладкий недуг,
Царя, как не женщина, мудро.

9

Букеты левкоев и палевых роз,
Казалось, цвели на прическе,
Алмазы слезились, как капельки рос,
На рук розовеющем воске.

10

Наряд королевы сливается с плеч
Каскадами девственных тканей.
На троне она соизволила взлечь
На шкурках безропотных ланей.

11

Рассеянно, резко взглянув на гостей,
К устам поднесла она пальчик,—
И подал ей пару метальных костей
Паж, тонкий и женственный мальчик.

12

Бледнея, как старый предутренний сон,
Царица подбросила кости,
Они покатились на яркий газон
В какой-то загадочной злости.

13

Царица вскочила и сделала шаг,
Жезлом отстранила вассала,
Склонилась, взглянула, зарделась, как мак:
Ей многое цифра сказала!

14

Смущенно взошла она снова на трон
С мечтой, устремленной в пространство,
И к ней подошел вседержитель корон,
Пылающий зноем убранства.

15

С почтеньем склонился пред нею король
В обласканной солнцем тиаре,
Сказав ей: «Лилея, сыграть соизволь
На раковин моря гитаре».

16

Но странно взглянула Инэс на него
И, каждое слово смакуя,
Ему отвечала: — Больна,— оттого
Сегодня играть не могу я.

17

И бал прекратился к досаде гостей...
С тех пор одинока царица.
Но в чем же загадка игральных костей?
— Да в том, что была *единица*!

Мыза Ивановка

ОСЕННИЕ МЕЧТЫ

Бодрящей свежестью пахнуло
В окно — я встала на заре.
Лампада трепетно вздохнула.
Вздох отражен на серебре
Старинных образов в киоте...
Задумчиво я вышла в сад;
Он, как и я, рассвету рад,
Однако холодно в капоте,
Вернусь и захвачу платок.

...Как светозарно это утро!
Какой живящий холодок!
А небо — море перламутра!
Струи живительной прохлады
Вплывают в высохшую грудь,
И утром жизнь мне жаль чуть-чуть;
При светлом пробужденьи сада.
Теперь, когда уже не днями
Мне остается жизнь считать,
А лишь минутами,— я с вами
Хочу немного поболтать.
Быть может, вам не «интересно» —
Узнать, что смерть моя близка,
Но пусть же будет вам известно,
Что с сердцем делает тоска
Любимой женщины когда-то
И после брошенной, как хлам.
Да, следует напомнить вам,
Что где-то ждет и вас расплата
За злой удар ее мечтам.

Скажите откровенно мне,
По правде,— вы меня любили?
Ужели что вы говорили
Я только слышала... во сне?!
Ужель «игра воображенья» —
И ваши клятвы, и мольбы,
А незабвенные мгновенья —
Смех иронической судьбы?

Рассейте же мои сомненья,
Сказав, что это был ни сон,

Ни сказка, ни мираж, ни греза,—
Что это жизнь была, что стон
Больного сердца и угроза
Немая за обман, за ложь —
Плоды не фикции страданья,
А сердца страстное стенанье,
Которым равных не найдешь.

Скажите мне: «Да, это было»,—
И я, клянусь, вам все прощу:
Ведь вас я так всегда любила
И вам ли, другу, отомщу?
Какой абсурд! Что за нелепость!
Да вам и кары не сыскать...
Я Господа молю, чтоб крепость
Послал душе моей; страдать
Удел, должно быть, мой печальный,
А я — религии раба,
И буду доживать «опальной»,
Как предназначила судьба.

Итак, я не зову вас в бой,
Не стану льстить, как уж сказала;
Но вот что видеть я б желала
Сейчас в деревьях пред собой:
Чтоб вы, такой красивый, знатный,
Кипящий молодостью весь,
Мучительно кончались здесь,
Вдыхая воздух ароматный,
Смотря на солнечный восход
И восхищаясь птичьей трелью,
Желая жить, вкушать веселье.

Ушли б от жизненных красот.
Мне сладко, чтобы вы страдали,
В сознаньи ожидая смерть,
Я превратила б сердце в твердь,
Которую б не размягчали
Ни ваши муки, ни мольбы,
Мольбы отчаянья, бессилья...
У вашей мысли рвутся крылья,
Мутнеет взор... то — месть судьбы!

Я мстить не стану вам активно,
Но сладко б видеть вас в беде,

Хоть то религии противно.
Но идеала нет нигде.
И я, как человек, конечно,
Эгоистична и слаба
И своего же «я» раба.
А это рабство, к горю, вечно.

...Чахотка точит организм,
Умру на днях, сойдя с «арены».
Какие грустные рефрены!
Какой насмешливый лиризм!

Гатчина

ЗЛАТА

(ИЗ ДНЕВНИКА ОДНОГО ПОЭТА)

24-го мая 190... г.

Мы десять дней живем уже на даче,
Я не скажу, чтоб очень был я рад,
Но все-таки... У нас есть тощий сад,
И за забором воду возят клячи;
Чухонка нам приносит молоко,
А булочник (как он и должен!) — булки;
Мычат коровы в нашем переулке,
И дама общества — Культура — далеко.
Как водится на дачах, на террасе
Мы «кушаем» и пьем противный чай;
Смежаем взор на травяном матрасе
И проклинаем дачу невзначай.
Мы занимаем симпатичный флигель
С скрипучими полами, с сквозняком;
Мы отдыхаем сердцем и умом;
Естественно, теперь до скучной книги ль.
У нас весьма приятные соседи
Maman в знакомстве с ними и в беседе;
Но не для них чинил я карандаш,
Чтоб иступить его без всякой темы;
Нет, господа! Безвестный автор ваш
Вас просит «сделать уши» для поэмы,
Что началась на даче в летний день,
Когда так солнце яростно светило,
Когда цвела, как принято, сирень...
Не правда ли,— я начал очень мило?

7-го июня

Четверг, как пятница, как понедельник-вторник,
И воскресенье, как неделя вся;
Хандрю отчаянно... И если бы не дворник,
С которым мы три дня уже друзья,
Я б утопился, может быть, в болоте...
Но, к счастью, подвернулся инвалид;
Он мне всегда о Боге говорит,
А я ему о черте и... Эроте!..
Как видите, в нас общего — ничуть.
Но я привык в общественном компоте

Свершать свой ультра-эксцентричный путь
И не тужу о разных точках зренья,
И не боюсь различия идей.
И — верить ли? — в подвальном помещеньи
Я нахожу не «хамов», а людей.
Ах, мама неправа, когда возмущена
Знакомством низменным, бросает сыну:
«Shoking!»
Как часто сердце спит, когда наряден смокинг,
И как оно живет у «выбросков со дна»!
В одном maman права, (я спорить бы не стал!)
— Ты опускаешься... В тебе так много риска.—
О, спорить можно ли! — Я опускаюсь низко,
Когда по лестнице спускаюсь я в подвал.

10-го июня

Пахом Панкратьевич — чудеснейший хохол
И унтер-офицер (не кто-нибудь!) в отставке —
Во мне себе партнера приобрел,
И часто с ним мы любим делать «ставки».
Читатель, может быть, с презреньем мой дневник
Отбросит, обозвав поэта: «алкоголик!»
Пусть так... Но все-таки к себе нас тянет столик,
А я давно уже красу его постиг.
С Пахомом мы зайдем, случается, в трактир,
Потребуем себе для развлеченья «шкалик»,
В фонографе для нас «запустят» валик;
Мы чокнемся и станем резать сыр.
А как приятен с водкой огурец...
Опять, читатель, хмуришься ты строго?
Но ведь мы пьем «так»... чуточку... немного...
И вовсе же не пьем мы, наконец!

18-го июня

Пахом меня сегодня звал к себе:
— Зашли бы,— говорит,— ко мне вы, право;
Нашли бы мы для Вас веселья и забаву;
Не погнушайтеся, зайдите к «голытьбе»!
Из слов его узнал, что у него есть дочь —
Красавица... работает... портниха,
Живут они и набожно, и тихо,
Но так бедно... я рад бы им помочь.
Зайду, зайду... Делиться с бедняком
Познаньями и средствами — долг брата.

Мне кажется, что дочь Пахома, Злата,
Тут все-таки при чем-то... Но — при чем?

22-го июня

Она — божественна, она, Пахома дочь!
Я познакомился сегодня с нею. Редко
Я увлекаюсь так, но Злата — однолетка —
Очаровательна!.. я рад бы ей... помочь!
Блондинка... стройная... не девушка — мечта!
Фарфоровая куколка, мимоза!
Как говорит Ростан — Принцесса Греза!
Как целомудренна, невинна и чиста!
Она была со мной изысканно-любезна,
Моя корректность ей понравилась вполне.
Я — упоен! я в чувственном огне.
Нет, как прелестна! как прелестна!
Вот, не угодно ли, maman, в *такой* среде
И ум, и грация, и аттрибуты такта...
Я весь преобразился как-то!..
Мы с нею сблизимся на лодке, на воде,
Мы подружимся с ней, мы будем неразлучны!
Хоть дорогой ценой, но я ее куплю!
Я увидал ее, и вот уже люблю.
Посмейте мне сказать, что жить на свете скучно!
Но я-то Злате, я — хотелось знать бы — люб ль?
Ответ мне время даст, пока же — за сонеты!
Прощаясь с стариком, ему я сунул рубль,
И он сказал: «Народ хороший вы — поэты».

3-го июля

Вчера я в парке с Златою гулял.
Она была в коричневом костюме.
Ее лицо застыло в тайной думе.
Мне кажется, я тайну отгадал:
Она во мне боится дон-жуана,
Должно быть, встретить; сдержанная речь,
Холодный тон, пожатье круглых плеч —
Мне говорят, что жертвою обмана
Не хочет, нет, в угоду страсти, пасть.
Прекрасный взгляд!.. Бывает все же страсть,
Когда не рассуждаешь... Поздно ль, рано
И ты узнаешь, Злата, страсти чад;
Тогда... тогда я буду триумфатор!

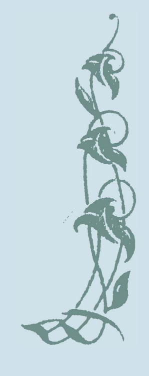
Мы создадим на севере экватор!
Как зацветет тогда наш чахлый сад!
Мы долго шли. Вдали виднелись хаты.
Пить захотелось... отыскали ключ.
Горячим золотом нас жег июльский луч,
И золотом горели косы Златы.

24-го июля

Вот уж два месяца мы обитаем здесь,
И больше месяца знаком я с милой Златой.
Вздыхаю я, любовию объятый,
И тщетно думаю, сгорая страстью весь,
Зажечь ответную: она непобедима,
Ведет себя она с большим умом.
Мои искания ее минуют мимо,
И я терзаюся... Ну, удружил Пахом!
Зачем он звал меня? зачем знакомил с Златой?
Не знал бы я ее и ведал бы покой.
Больное сердце починить заплатой
Забвения — труд сложный и пустой.
Мне не забыть ее, мою Принцессу Грезу,
Я ею побежден, я ею лишь дышу,
В мечтах ее всегда одну ношу
И, ненавидя серой жизни прозу,
Рвясь вечно ввысь,— в подвал к ней прихожу.

1-го августа

Что это — явь иль сон, приснившийся вчера
На сонном озере, в тени густых акаций?
Как жаль, что статуи тяжеловесных граций —
Свидетели его — для скорости пера
Не могут разрешить недоуменья.
Я Златою любим? я Злате дорог? Нет!
Не может быть такого упоенья!
Я грезил попросту... я попросту — «поэт»!
Мне все пригрезилось: и вечер над водой,
И томная луна, разнежившая души,
И этот соловей, в груди зажегший зной,
И бой сердец все тише, глуше...
Мне все пригрезилось: и грустный монолог,
И слезы чистые любви моей священной,
Задумчивый мой взор, мой голос вдохновенный
И в милых мне глазах сверкнувший огонек;

И руки белые, обвившие мне шею,
И алые уста, взбурлившие мне кровь,
И речи страстные в молчании аллеи,
И девственной любви вся эта жуть и новь!
Какой однако сон! Как в памяти он ясен!
Детали мелкие рельефны и ясны,
Я даже помню бледный тон луны...
Да, это сон! и он, как сон, прекрасен!

2-го августа

То был не сон, а, к ужасу, конец
Моей любви, моих очарований...
Сегодня мне принес ее отец
        Короткое посланье:
«Я отдалась: ты полюбился мне.
Дороги наши разны,— души близки.
Я замуж не пойду, а в роли одалиски
Быть не хочу... Забудь о дивном сне».
Проснулась ночь и вздрогнула роса,
А я застыл, и мысль плыла без формы.

3-го августа, 7 час. утра.

Она скончалась ночью, в три часа,
        От хлороформа.

III. КОЛЬЕ ПРИНЦЕССЫ

УВЕРТЮРА

Колье принцессы — аккорды лиры,
Венки созвучий и ленты лье,
А мы эстеты, мы — ювелиры,
Мы ювелиры таких колье.

Колье принцессы — небес палаццо,
Насмешка, горечь, любовь, грехи,
Гримаса боли в лице паяца...
Колье принцессы — мои стихи.

Колье принцессы, колье принцессы...
Но кто принцесса, но кто же та —
Кому все гимны, кому все мессы?
Моя принцесса — моя Мечта!

В МИРРЭЛИИ

СЕКСТЫ

Озве́нь, око́льчивай, опе́тливай,
Мечта, бродягу-менестреля!
Опять в Миррэлии приветливой
Ловлю стремительных форелей:
Наивный, юный и кокетливый,
Пригубливаю щель свирели.

Затихла мысль, и грезы шустрятся,
Как воробьи, как травок стебли.
Шалю, пою, глотаю устрицы
И устаю от гибкой гребли...
Смотрю, как одуванчик пудрится,
И вот опять все глуше в дебри.

В лесах безразумной Миррэлии
Цветут лазоревые сливы,
И молнии, как огнестрелие,
Дисгармонично-грохотливы,
И расцветают там, в апрелие,
Гиганты — лавры и оливы.

В доспехах Полдня Златогорлого
Брожу я часто по цветочью,
И, как заплеснелое олово,
Луна мне изумрудит ночью;
В прелюде ж месяца лилового
Душа влечется к средоточью.

Заосенеет, затуманится,
Заворожится край крылатый,—
Идет царица, точно странница,
В сопровождении прелата,
Смотреть, как небо океанится,
Как море сковывает латы.

Встоскует нежно и встревоженно...
Вдруг засверкает, как богиня,
И вдохновенно, и восторженно
На все глядит светло и сине:
Пылай, что льдисто заморожено!
Смерть, умирай, навеки сгиня!

Веймарн

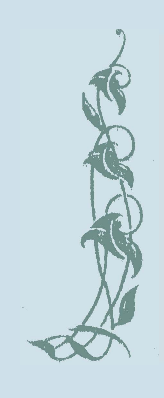
АВИАТОР

Я песнопевец-авиатор...
Моих разбегов льдяный старт —
Где веет севера штандарт,
А финиш мой — всегда экватор.

Победен мой аэроплан,
Полет на нем победоносен,
Смотри, оставшийся у сосен,
Завидуй мне, похить мой план!

Куда хочу — туда лечу!
Лечу — как над Байкалом буря.
Лечу, с орлами каламбуря,—
Их ударяя по плечу...

Меж изумленных звезд новатор,
Лечу без планов и без карт...
Я всемогущ,— я авиатор!
И цель моя — небес штандарт!

ПРОЦВЕТ АМАЗОНИИ

Въезжает дамья кавалерия
Во двор дворца под алый звон.
Выходит президент Валерия
На беломраморный балкон.

С лицом немым, с душою пахотной,
Кивая сдержанным полкам,
Передает накидок бархатный
Предупредительным рукам.

Сойдя олилиенной лестницей,
Она идет на правый фланг,
Где перед нею, пред известницей,
Уже безумится мустанг.

Под полонез Тома блистательный
Она садится на коня,
Командой строго-зажигательной
Все эскадроны съединя.

От адъютанта донесения
Приняв, зовет войска в поход:
«Ах, наступают дни весенние...
И надо же... найти исход...

С тех пор, как все мужчины умерли,
Утеха женщины — война...
Мучительны весною сумерки,
Когда призывишь — и одна...

Но есть страна — mesdames, доверие! —
Где жив один оранг-утанг.
И он,— воскликнула Валерия,—
Да будет наш! Вперед, мустанг!»

И увядавшая Лавзония
Вновь заструила фимиам...
Так процветает Амазония,
Вся состоящая из дам.

Веймарн
1913. Май

САМОУБИЙЦА

Вы выбежали из зала на ветровую веранду,
Нависшую живописно над пропастью и над рекой.
Разнитив клубок восторга, напомнили Ариадну,
Гирлянду нарциссов белых искомкали смуглой рукой.

Вам так надоели люди, но некуда было деться.
Хрипела и выла пропасть. В реке утопал рыболов.
Из окон смеялся говор. Оркестр играл интермеццо.
Лицо ваше стало бледным и взор бирюзовый — лилов.

Как выстрел, шарахнулись двери. Как крылья,
метнулись фраки.
Картавила банда дэнди, но Вам показалось — горилл.
Как загнанная лисица, дрожа в озаренном мраке,
Кого-то Вы укусили и бросились в бездну с перил!

В ДУХАНЕ НАД КУРОЙ

В духане играл оркестр грузинов,
Он пел застольцам: «Алаверды!»
Из бутоньерки гвоздику вынув,
Я захотел почерпнуть воды.

Мне ветер помог раскрыть окошко,—
В ночь воткнулась рама ребром...
В мое лицо, как рыжая кошка,
Кура профыркала о чем-то злом...

Плюясь и взвизгнув, схватила гвоздику
Ее усатая, бурая пасть...
Грузины играли и пели дико...
— Какая девушка обречена пасть?

Веймарн
1913. Июнь

ГРИЗЕЛЬ

Победой гордый, юнью дерзкий,
С усладой славы в голове,
Я вдохновенно сел в курьерский,
Спеша в столицу на Неве.

Кончалась страстная Страстная —
Вся в персиках и в кизиле.
Дорога скалово-лесная
Извивно рельсилась в тепле.

Я вспоминал рукоплесканья,
Цветы в шампанском и в устах,
И, полная златошампанья,
Душа звенела на крылах.

От Кутаиса до Тифлиса
Настанет день, когда в тоннель
Как в некий передар Ивлиса
Вступает лунный Лионель.

Но только пройдено предгорье,
И Лионель — уже Ифрит!
О, безбережное лазорье!
Душа парит! паря, творит!

Подходит юная, чужая
Извечно-близкая в толпе;
Сердцам разрывом угрожая,
Мы вовлекаемся в купэ...

Сродненные мильоннолетье
И незнакомые вчера,
Мы двое созидаем третье
Во славу моего пера.

О, с ликом мумии, с устами
Изнежно-мертвыми! газель!
Благослови меня мечтами,
Моя смертельная Гризель!

Петербург
1913. Пасха

КАТАСТРОФА

Произошло крушение,
И поездов движение
Остановилось ровно на восемнадцать часов.
Выскочив на площадку,
Спешно надев перчатку,
Выглянула в окошко: тьма из людских голосов!

Росно манила травка.
Я улыбнулся мягко,
Спрыгнул легко на рельсы, снес ее на полотно.
Не говоря ни слова,
Ласкова и лилова,
Девушка согласилась, будто знакома давно...

С насыпи мы сбежали,—
Девушка только в шали,
Я без пальто, без шапки,— кочками и по пенькам.
Влагой пахнули липы,
Грунта плеснули всхлипы,

Наши сердца вздрожали, руки прильнули к рукам.

Благостью катастрофы
Блестко запел я строфы,
Слыша биенье сердца, чуждого сердца досель.
Чувства смешались в чуде,
Затрепетали груди...
Опоцелуен звонко, лес завертел карусель!

Веймарн
1913. Июнь

ЮЖНАЯ БЕЗДЕЛКА

Н. М. К — ч

Вся в черном, вся — стерлядь, вся — стрелка,
С холодным бескровным лицом,
Врывалась ко мне ты, безделка,
Мечтать о великом ничём...

Вверх ножками кресло швыряла,—
Садилась на спинку и пол,
Вся — призрак, вся — сказка Дарьяла,
Вся — нежность и вся — произвол.

Пыль стлалась по бархату юбки,
Зло жемчуг грудил на груди...
Мы в комнате были, как в рубке,
Морей безбережных среди...

Когда же сердечный припадок
Беззвучно тебя содрогал,
Я весь был во власти догадок,
Что где-то корабль утопал...

Но лишь приходила ты в чувства,
К моим припадала ногам
И скорбно шептала: «Как пусто,
Где сердце у каждого,— там...»

Веймарн, мыза Пустомержа
1913. Июнь

ПРИЗРАК-ДЕВУШКА

Гризельде

Третий вечер приносит почтальон конверты в трауре,
Третий вечер читаю мутно-желтые листки.
Призрак-девушка пишет, обезумев от тоски,
О безликом монахе, появляющемся на море
И бросающем в волны пальцы, точно лепестки...
Это как-то я помню: вы когда-то с нею плавали...

Ландыш-девушка плачет через три-четыре улицы
О пробужденном матерью больном весеннем сне,
Что в вагонах экспресса был милей и неясней
Ленокрылых туманок; и голубкой ландыш гулится.
Третий вечер все никнет и все плачет в окне —
Ах! — не зная, что смертью так легко подкараулится...

1913. Апрель

ГАШИШ НЕФТИС

Ты, куря папиросу с гашишем,
Предложила попробовать мне,—
О, отныне с тобою мы дышим
Этим сном, этим мигом извне.

Голубые душистые струйки
Нас в дурман навсегда вовлекли:
Упоительных змеек чешуйки
И бананы в лианах вдали.

Писки устрицы, пахнущей морем,
Бирюзовая теплая влажь...
Олазорим, легко олазорим
Пароход, моноплан, экипаж!

Все равно, что угодно, но только,
Чтобы было движенье и лёт.
Может быть, оттого, что ты полька,
Может быть, оттого, что я лёд.

Так одевьтесь все жены, одевьтесь,
Как одевил порочность Уайльд,
Как меня юно-древняя Нефтис,
Раздробив саркофага базальт!

Веймарн
1913. Май

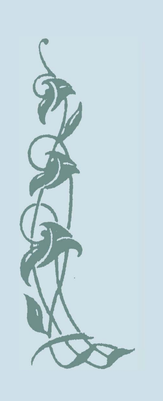

ДУША И РАЗУМ

Душа и разум — антиподы:
Она — восход, а он — закат.
Весеньтесь пьяно-пенно, воды!
Зальдись, осенний водоскат!

Душа — цветник, а ум — садовник.
Цветы в стакане — склеп невест.
Мой палец (...белый червь...) — любовник.
Зев ножниц — тривиальный крест...

Цветы букета инфернальны,
Цветы букета — не цветы...
Одно бесшумье гениально,
И мысль ничтожнее мечты!

ТОСКА О СКАНДЕ

Валерию Брюсову

У побережья моря Черного
Шумит Балтийская волна,
Как символ вечно-непокорного,
В лиловый север влюблена.

На море штормно, и гигантские
Оякорены в нем суда,—
Но слышу шелесты эстляндские,
Чья фьоль атласится сюда.

И вот опять в душе лазорие,
И вновь душа моя поет
Морей Альдонсу — Черноморие —
И Сканду — Дульцинею вод!

Одесса
1913. Март

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ

Зинаиде Гиппиус

Сребреет у моря веранда,
Не в море тоня, а в луне,
Плывет златоликая Сканда
В лазурной галере ко мне.

Как парус — раскрытые косы,
Сомнамбулен ликий опал.
Глаза изумрудят вопросы,
Ответ для которых пропал...

Пропал, затерялся, как эхо,
В лазори небес и волны...
И лунного, блеклого смеха
Глаза у плывущей полны.

Плывет — проплывает галера
Ко мне — не ко мне — никуда.
Луна — золотое сомбреро,
А Сканда — луна и вода.

Одесса
1913. Март

ОТ СЕВАСТОПОЛЯ ДО ЯЛТЫ

Вам, горы юга, вам, горы Крыма,
Привет мой северный!
В автомобиле — неудержимо,
Самоуверенно!

Направо море; налево скалы
Пустынно-меловы.
Везде провалы, везде обвалы
Для сердца смелого.

Окольчит змейно дорога глобус,—
И нет предельного!
От ската к вскату дрожит автобус
Весь цвета тельного.

Пыль меловая на ярко-красном —
Эмблема жалкого...
Шоффэр! а ну-ка движеньем страстным
В волну качалковую!

Ялта
1913. Март

БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАН

Меня стремит к Бахчисараю
Заботливо автомобиль.
Ушедшее переживаю,
Тревожу выблекшую пыль.

Не крась улыбок охрой плотской,
Ты, Современность,— побледней:
Я бьюсь Мариею Потоцкой
И сонмом теней, близких к ней.

Пока рассудные татары
Взирают на автомобиль,—
В цвет абрикосов белочарый
И в желто-звездчатый кизиль!

Вхожу во двор дворца Гирея,
Мечтой и солнцем осиян,
Иду резною галереей,—
И вот он, слезовый фонтан...

Но ни Марию и ни Хана
Встречая, миновав гарем,
Воспевца монумент-фонтана,
Я музыкой былого нем...

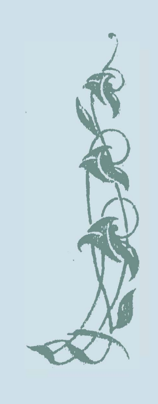
Симферополь, 1913
Март

СИМФОНИЭТТА

Всю ночь грызешь меня, бессонница,
Кошмарен твой слюнявый шип.
Я слышу: бешеная конница —
Моих стремлений прототип.
Бесстрастно слушает иконница
Мой встон, мой пересохший всхлип.
О, Голубая Оборонница,
Явись мне в пчелах между лип.
Ужель душа твоя не тронется? —
Я разум пред тобой расшиб.

Уйти. Куда? Все — среды, вторники...
Пойти на улицу? Одень
Себя, как пожелают дворники
И проститутки,— в ад их день!
Столица ночью — это — в сорнике
Хам-Город в шапке набекрень.
Презренны «вольные затворники»:
В их снах животных — дребедень.
Поймете ль вы меня, просторники? —
Моя бессонница — С и р е н ь.

РАССКАЗ БЕЗ ПОЯСНЕНИЯ

(ПРИКЛЮЧЕНИЕ НА МОНМАРТРЕ)

Посмотрев «Zaza» в театре,
Путешествующий франт
В ресторане на Монмартре
Пробегать стал прейс-курант.
Симпатичный, лет под тридцать,
Сразу видно, что поляк,
Он просил подать девицу
Земляничный корнильяк.
Посвистав «Торреадора»,
Он потребовал форель,
Посмотрел не без задора
Прямо в очи fille d'hotel
Взгляд зарозовил веснушки
На лице и на носу.
Франт сказал: «Я вам тянушки,
Разрешите, принесу».
Не видал во всем Париже
Упоительней волос:
Что за цвет! Златисто-рыжий!
О, когда бы довелось
Захлебнуться в этих косах!..»
Усмехнулась fille d'hotel
И в глазах ее раскосых,
Блекло-томных, как пастэль,
Проскользнула тень сарказма,
Губы стали, как желе,
И застыла в горле спазма,
Как ядро в сыром жерле...
Понял франт: ни слова больше,
Оплатил безмолвно счет.
— Этим жестом в гордой Польше
Достигается почет...

Дылицы

КИН-КАТО

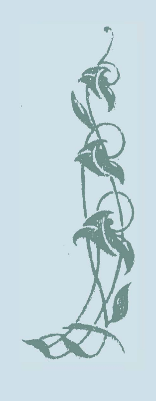
Вы не бывали в чайном домике
Напротив виллы адвоката?
И на бамбуковом ли столике
Поила чаем вас Кин-Като?

Что вам она читала в томике
Цветов восточного заката?
Глазами, резвыми как кролики,
На вас смотрела ли Кин-Като?

В благоуханьи карилопсиса
Вы с ней сидели ли покато,
Следя, как от желанья лопался
Костюм вуалевый Кин-Като?

Скажите мне, какими темами
Вы увлекли жену *фрегата*?
О, вероятно, кризантэмами
Ваш торс украсила Кин-Като!..

Дылицы
1911

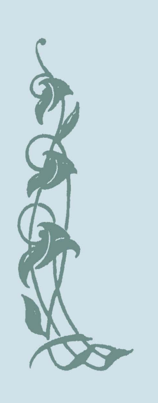

ПРОГУЛКА МИСС

Мисс по утрам сопровождает лайка,
Предленчные прогулки любит мисс
И говорит собачке: «Что ж! полай-ка
На воробья, но вовремя уймись...»

Забавно пес рондолит острый хвостик,
С улыбкою смотря на госпожу;
Они идут на грациозный мостик,
Где их встречать предложено пажу.

Попробуем пажа принять за лорда
И прекратим на этом о паже...
— Кто понял смысл последнего аккорда,
Тот автору сочувствует уже.

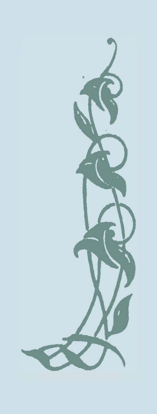
КОКЕТТА

В черной фетэрке с чайной розою
Ты вальсируешь перед зеркалом
Бирюзовою грациозою
И обласканной резервэркою...

Не хочу считать лет по метрике,
А на вид тебе — лет четырнадцать...
С чайной розою в черной фетэрке
Ты — бессмертница! ты — всемирница!

И тираду я обличайную
Дам завистливых — пусть их сердятся! —
Игнорирую... С розой чайною
В черной фетэрке, ты — бессмертница!

1912
Веймарн

Я — КОМПОЗИТОР

Я — композитор: под шум колес
Железнодорожных —
То Григ, то Верди, то Берлиоз,
То песни острожных.

Я — композитор: ведь этот шум
Метрично-колесный
Рождает много певучих дум
В душе монстриозной.

Всегда в лазори, всегда в мечтах
Слагаю молитвы.
Я — композитор: в моих стихах
Чаруйные ритмы.

Ст. Вруда, поезд
1912

КВАРТЕТ

...Марсель Швоб

Перронета, Гильомета,
Иссабо и Жаннетон,
Вашей страстности комета
Продается за тестон
Гильомета, Перронета,
Жаннетон и Иссабо
Вы для девочки-корнета
Принесли стихи Рембо.

Это верные приметы,
Что в крови повышен тон
Перронета, Гильомета,
Иссабо и Жаннетон.

Ах, теперь для кабинета
Надо ль спаржу и тюрбо,
Гильомета, Перронета,
Жаннетон и Иссабо?

1913. Август
Веймарн

БРИНДИЗИ

Полней бокал наполни
И пей его до дна,
Под бичелучье молний,
Истомна и бледна!

Душа твоя, эоля,
Ажурит розофлер.
Гондола ты, Миньоля,
А я — твой гондольер.

Пускай вокруг все серо
От каркающих стай,—
В объятьях эксцессера
Снегурово истай!

О, в виноградной капле —
Премудрость всех планет...
Направь на дирижабли
Кокетливый лорнет!

О, очи офиоля,
Благоговейно грезь...
Дурман везде, Миньоля,
Везде — и там, и здесь!

В КУСТАХ ЖАСМИНА

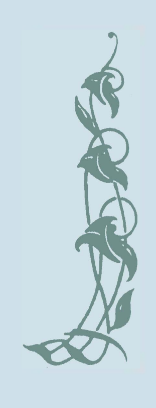
То клубникой, то бананом
Пахнет крэмовый жасмин,
Пышно-приторным дурманом
Воссоздав оркестр румын.

Раковина окарины,
Пестротканное литье.
Устрицы и мандарины.
Вместо жизни — пляс-житье.

Лоскощекие мещанки.
Груди — дыни, жабой брошь.
Разговорные шарманки.
Имперьял идет за грош.

Бутафорскою туникой
Шансонетка, с гнусью мин,
То бананом, то клубникой
Помавает, вся — жасмин.

Веймарн
1913, июнь

ПОЧТИ ГАЗЕЛЛА

И розы, и грезы, и грозы — в бокалы!
Наполним бокалы — осушим бокалы!

Звените, как струны, как лунные струны,
С напитком ледяным, бокалы!

Плещите, как моря седые буруны,
Плещите нектаром, бокалы!

Вскрутите восторгов волшебные руны,
Со льдом раскаленным бокалы!

И вспыхнут в крови огневые Перуны,
Когда испарятся бокалы!..

ХАБАНЕРА I

СОНЕТ

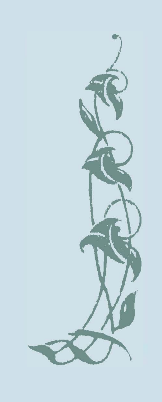
Зое Ч.

Гитана! сбрось бравурное сомбреро,
Налей в фиал восторженный кларет...
Мы будем пить за знатных кабальеро,
Пуская дым душистых сигарет.

Мечта плывет, как легкая галера,
Куда-то вдаль плывет, куда — секрет!
Огня! огня! пусть вспыхнет хабанера,—
Взнуздаем страсть и унесемся в бред!..

Галоп мандол достигнет аллегрэтто,
Заворожен желаньем пируэта,
Зашелестят в потоке вздохи пальм...

Вина! вина! Обрызгай им, гитана,
Букеты грез... Тогда не надо тальм,—
Тогда помпезней культ нагого стана!..

ХАБАНЕРА II

Синьоре Zа

Вонзите штопор в упругость пробки,—
И взоры женщин не будут робки!..
Да, взоры женщин не будут робки,
И к знойной страсти завьются тропки.

Плесните в чаши янтарь муската
И созерцайте цвета заката...
Раскрасьте мысли в цвета заката
И ждите, ждите любви раската!..

Ловите женщин, теряйте мысли...
Счет поцелуям — пойди, исчисли!
И к поцелуям финал причисли,
И будет счастье в удобном смысле!..

ИЗ ШАРЛЯ БОДЛЕРА

КРЕОЛКА

СОНЕТ

«Au pays parfumé que soleil caresse...»

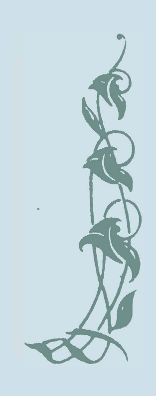
Где ласков луч, в стране благоуханной
Я знал под щедрым куполом дерёв,
Где все полно какой-то негой странной,
Царицу гор, креолку, дочь лесов.

Атлас лица и смуглый, и горячий;
Горд очерк шеи: власть она хранит;
Изящный бюст весь вылеплен удачей;
В улыбке — зыбь; в глазах ее — гранит.

О, к вам бы шел и малахит Луары,
И Сэны гладь — как изумруды прерий...
Украсьте замки, гнезда суеверий,
В тени аллей будите Ваши чары.

Сотките свет сонетов для поэта,—
Ваш взгляд один важнее глаз дуэта!..

Мыза Ивановка

КУТЕЖ

— Дайте, дайте припомнить... Был на Вашей головке
Отороченный мехом незабудковый капор...
А еще Вы сказали: «Ах, какой же Вы ловкий:
Кабинет приготовлен, да, конечно, и табор!..»

Заказали вы «пилку», как назвали Вы стерлядь,—
И из капорцев соус и рейнвейнского конус...
Я хочу ошедеврить, я желаю оперлить
Все, что связано с Вами,— даже, знаете, соус...

А иголки Шартреза? а Шампанского кегли?
А стеклярус на окнах? а цветы? а румыны?
Мы друг друга хотели... Мы любви не избегли...
Мы в слияньи слыхали сладкий тенор жасмина...

Но... Вам, кажется, грустно? Ах, Люси, извините,—
Это можно поправить... Вы шепнули: «устрой-ка»?..
Хорошо, дорогая! для «заплаты есть нити»,—
У подъезда дымится ураганная тройка!

«ОЙЛЕ»

На Ойле, далекой и прекрасной,
Вся любовь и вся душа моя...

Федор Сологуб

Мы выключили электричество:
Луна в стекле
И Ваше светлое величество
Моя Ойле.

На свечи, реющие пчелами,
Устремлены
Глаза, поющие виолами,
И видят сны.

Дымится снег, голубо-фьолевый,
В снегу — шалэ
«Благогóвея, друг, оголивай
Свою Ойле...»

Благоуханный и свирельчатый
Ваш голос пью,
И Вы вонзаете взор стрельчатый
В мечту мою.

Вспылало древнее язычество
В душевной мгле:
Не выключено электричество
В телах, Ойле!..

1913, февраль

РОНДО

Твои духи, как нимфа, ядовиты
И дерзновенны, как мои стихи.
Роса восторг вкусившей Афродиты —
Твои духи!
Они томят, как плотские грехи,
На лацкан сюртука тобой пролиты,
Воспламеняя чувственные мхи...

Мои глаза — они аэролиты! —
Низвергнуты в любовные мехи,
Где сладострастят жала, как термиты,
Твои духи!

Веймарн

РОЗА В СНЕГУ

Как в пещере костер, запылает камин...
И звонок оправдав, точно роза в снегу,
Ты войдешь, серебрясь... Я — прости, не могу...—
Зацелую тебя... как идею брамин!
О! с мороза дитя — это роза в снегу!

Сладострастно вопьет бархат пестрой софы,
Он вопьет перламутр этих форм — он вопьет!
Будь моею, ничья!.. Лью в бокалы строфы,
Лью восторг через край,— и бокал запоет...

А бокал запоет — запоет кабинет,
И камина костер, и тигрица-софа...
Опьяненье не будет тяжелым,— о, нет:
Где *вино вне вина* — жить и грезить лафа!

МИНЬОНЕТЫ

I

Твои уста — качели лунные,
Качели грезы...
Взамен столбов две ручки юные,
Как две березы,
Сольем в дуэт сердечки струнные
Виолончели...
Люблю уста, качели лунные,
Твои качели!

II

О. Ф.

Гудят погребальные звоны...
Как жутко ты мне дорога!..
Мечтаю ль,— лунятся лимоны;
Заплачу ль,— пушатся снега,

Плывут монотонные стоны,
Меняя в пути берега...
И где-то лунятся лимоны,
И где-то пушатся снега...

ТУНДРОВАЯ ПАСТЭЛЬ

Ландыши воздушные, реющие ландыши
Вечером зимеющим льдяно зацвели...
Выйди на поляны ты, сумраком полян дыши,
Падающим ландышам таять повели!

Ландыши небесные, вы всегда бесстебельны,
Безуханно юные искорки луны...
Лунное сияние — это точно в небе льны...
Ленно лани льняные лунно влюблены...

Сердце северянина, не люби лиан души!..
Кедров больше, лиственниц, хрупи, мги и пихт!
Ландыши бесплотные, тающие ландыши,
И у тундры клюквовой зубра сонный выход...

1909

ДИССО-РОНДЕЛИ

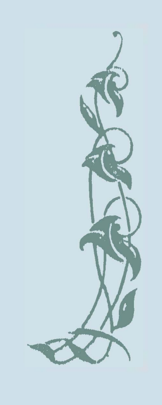
Шмелит-пчелит виолончель
Над лиловеющей долиной.
Я, как пчела в июле, юный,
Иду, весь — трепет и печаль.
Хочу ли мрака я? хочу ль,
Чтоб луч играл в листве далекой?
Шмелит-пчелит виолончель
Над лиловеющей долиной...
Люблю кого-то... Горячо ль?
Священно или страстью тленной?
И что же это над поляной:
Виолончелят пчелы, иль
Шмелит-пчелит виолончель?..

ВУАЛЕТКА

Евгению Пуни

Вздыхала осень. Изнежена малина.
Клен разузорен. Ночами тьма бездонна.
...Она смеялась, темно как Мессалина,
И улыбалась, лазурно как Мадонна.
Ветреет вечер. Стрекочет мандолина.
В студеном флэре теченье монотонно.
Сапфирны грезы. Виденье Вандэлина.
И тембры парка рыдают баритонно.

В САДУ КНЯГИНИ

В яблони в саду княгини,
Милая, в седьмом часу
Выбегай в кисейке синей,
Лилию вплети в косу.

Ласково сгибая клевер,
Грезово к тебе приду,—
К девочке и королеве,
Вызеркаленной в пруду.

Фьолево златые серьги
Вкольчены в твое ушко.
Сердцем от денных энергий
Вечером взгрустим легко...

Веймарн

НЕВЫРАЗИМАЯ ПОЭЗА

Невыразимо грустно, невыразимо больно
В поезде удалиться, милое потеряв...
Росы зачем на деревьях? В небе зачем фиольно?
Надо ли было в поезд? может быть, я не прав?

Может быть, только плакать было бы проще, лучше
Перед такой страдальной, точно всегда чужой?
Нежно письмо оскóрблю; только когда получишь
Эту цепочку строчек, спаянную душой?

Бело ночеет поле, и от луны в нем мольно,
Филины-пассажиры и безлошаден пар...
Невыразимо грустно! невыразимо больно!
Хочется мне вернуться, но позади — кошмар!

Веймарн
1913, июнь

ЛИСОДЕВА

Как ты похожа сегодня в профиль на шельму-лисицу.
Но почему же твой завтрак — скумбрия и геркулес?
Ах, понакрала бы яиц,— курицы стали носиться,—
И наутек — через поле, через канаву и в лес!

В поле теперь благодатно: там поспевает картофель,
Розовая земляника; гриб набухает в лесу.
Вспомни, забывшая травы, что у тебя лисопрофиль,
Вспомни, что ты каждым вскидом напоминаешь лису.

В рыжей лукавой головке, чувствую, косточки лисьи
(Вот еще что: на лисицу очень похожа оса!..)
Взгляд твой крылат, да пристало ль грезить лисице
о выси?
Это едва ли удобно: аэроплан и лиса...

Веймарн
Май, 1913

CHARLOTTE CORDE

Она была на казнь осуждена,
Но в правоте своей убеждена;
Отважную смутить могла ли плаха?
Пошла на эшафот она без страха.

По мертвому лицу ее палач
Нанес удар и прочь отбросил тело,
Тогда от оскорбленья, как кумач,
Лицо казненной в гневе покраснело.

ПРОМЕЛЬК

В каждом городе, в комнате девьей
Есть алтарь королеве,
Безымянной, повсюдной,
Он незримо-голуб.
Вы ненайденную потеряли
Бирюзу на коралле,
Но она в вашей чудной
Озаренности губ...

Минск
1913, март

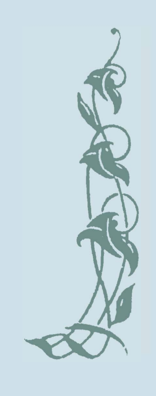
ПОКА ПРОХОДИТ ПОЕЗД

Я в поле. Вечер. Полотно.
Проходит поезд. Полный ход.
Чужая женщина в окно
Мне отдается и берет.

Ей, вероятно, двадцать три,
Зыбка в ее глазах фиоль.
В лучах оранжевой зари
Улыбку искривляет боль.

Я женщину крещу. Рукой
Она мне дарит поцелуй.
Проходит поезд. Сам не свой,
Навек теряя, я люблю.

1912, май
Варш. ж. д.

БЕСПРЕРЫВНАЯ ЗАПРЯЖКА

Каждое утро смотрю на каретник
В окно из столовой:
Кучер, надевши суровый передник,
Лениво, без слова,
Рыжую лошадь впрягает в пролетку.
Та топчется гневно,
Бьется копытами мерно и четко —
Всегда, ежедневно!
Странная мысль мне приходит: «а если б
Впрягал бесконечно
Он свою лошадь?..» — но это для песни
Так дико, конечно...
«...Лишь запряжет; глядь, нелепая лошадь,
Знай, ржет себе в стойле.
И не удастся ему уничтожить
Судьбы своеволья...»

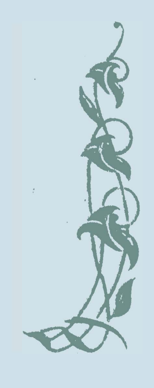
1912
Веймарн

РЕШЕНО

> **Есть на небе сад невянущий**
> **Для детских душ, для радостных...**
>
> *М. Лохвицкая*

Она (обнимая его и целуя):
О друг мой... Сегодня — блаженству предел:
Отныне любви нашей мало двух тел.
Ты понял?
Он (сердце догадкой волнуя):
Дитя от ребенка!.. Устрой мне! устрой...
Ты мать мне заменишь; ты будешь сестрой.
(Целуются долго, друг друга чаруя).
...Она машинально смотрела в окно:
По улице — в шляпе с провалом — мужчина
Нес розовый гробик...
«Сильна скарлатина»,—
Читал муж в газетах,— и стало темно.
Она (обращаясь к предчувствию): Боже?!
Он бросил газету и думает то же...
И каждому кто-то шепнул: Р е ш е н о.

СОНЕТ

Георгию Иванову

Я помню Вас: Вы нежный и простой.
И Вы — эстет с презрительным лорнетом.
На Ваш сонет ответствую сонетом,
Струя в него кларета грез отстой...

Я говорю мгновению: «Постой!» —
И, приказав ясней светить планетам,
Дружу с убого-милым кабинетом:
Я упоен страданья красотой...

Я в солнце угасаю — я живу
По вечерам: брожу я на Неву,—
Там ждет грезэра девственная дама.

Она — креолка древнего Днепра,—
Верна тому, чьего ребенка мама...
И нервничают броско два пера...

Петербург
1911

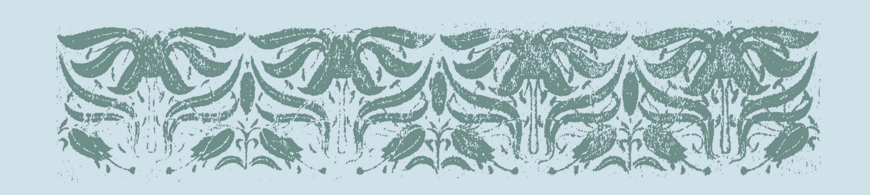

АНАНАСЫ В ШАМПАНСКОМ

Третья книга поэз

I. РОЗИРИС

УВЕРТЮРА

Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!
Удивительно вкусно, искристо, остро!
Весь я в чем-то норвежском! весь я в чем-то
испанском!
Вдохновляюсь порывно! и берусь за перо!

Стрекот аэропланов! беги автомобилей!
Ветропросвист экспрессов! крылолет буэров!
Кто-то здесь зацелован! там кого-то побили!
Ананасы в шампанском — это пульс вечеров!

В группе девушек нервных, в остром обществе
дамском
Я трагедию жизни претворю в грезо-фарс...
Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!
Из Москвы — в Нагасаки! из Нью-Йорка —
на Марс!

1915. Январь
Петроград

ГРАНДИОЗ

Гpаалю-Арельскому

Все наслажденья и все эксцессы
Все звезды мира и все планеты
Жемчужу гордо в свои сонеты,—
Мои сонеты — колье принцессы!

Я надеваю, под взрыв оркестра,
Колье сонетов (размах примерьте!)
Да, надеваю рукой маэстро
На шею Девы. Она — Бессмертье!

Она вне мира, Она вне почвы,
Без окончанья и без начала...
Ничто святое ее зачало...
Кто усомнится — уйдите прочь вы!

Она безмерна и повсеместна,
Она невинна и сладкогрешна,
Да, сладкогрешна, как будто бездна,
И точно бездна — она безбрежна.

Под барабаны, под кастаньеты,
Все содроганья и все эксцессы.
Жемчужу гордо в колье принцессы,
Не знавшей почвы любой планеты...

1910. Июнь

В КОЛЯСКЕ ЭСКЛАРМОНДЫ

Я еду в среброспицной коляске Эсклармонды
По липовой аллее, упавшей на курорт,
И в солнышках зеленых лучат волособлонды
Зло-спецной Эсклармонды шаплетку-фетроторт...

Мореет: шинам хрустче. Бездумно и бесцельно.
Две раковины-девы впитали океан.
Он плещется десертно,— совсем мускат-люнельно,—
Струится в мозг и в глазы, по-человечьи пьян...

Взорвись, как бомба, солнце! Порвитесь, пены
блонды!
Нет больше океана, умчавшегося в ту,
Кто носит имя моря и солнца — Эсклармонды,
Кто на земле любезно мне заменил мечту!

Екатеринослав
1914. Февраль

БАРБАРИСОВАЯ ПОЭЗА

Гувернантка-барышня
Вносит в кабинет
В чашечках фарфоровых
Creme d'enine vinette.

Чашечки неполные
Девственны на вид.
В золотой печеннице
Английский бисквит.

В кабинете общество
В девять человек.
Окна в сад растворены,
В сад, где речи рек.

На березах отсветы
Неба. О, каприз!
Волны, небо, барышня
Цвета барбарис.

И ее сиятельство
Навела лорнет
На природу, ставшую
Creme d'enine vinette...

1914. Июль
Мыза Ивановка

ЦВЕТОК БУКЕТА ДАМ

В букете дам — Амьенского beau mond'a *
Звучнее всех рифмует с резедой
Bronze-oxidè ** блондинка Эсклармонда,
Цветя бальзаколетнею звездой.

Она остра, как квинт-эссенца специй,
Ее бравадам нужен резонанс,
В любовники берет «господ с трапеций»
И, так сказать, смакует mesalliance...***

Условностям всегда бросает «shoking!» ****
Экстравагантно выпускает лиф,
Лорнирует базарно каждый смокинг,
Но не во всяком смокинге *калиф*...

Как устрицу, глотает с аппетитом
Дежурного очередную дань...
При этом всём — со вкусом носит титул,
Иной щеке даря свою ладонь.

1911. Февраль

---

* Высший свет (*фр.*).
** Цвета бронзы.
*** Неравный брак (*фр.*).
**** Вызов (*англ.*).

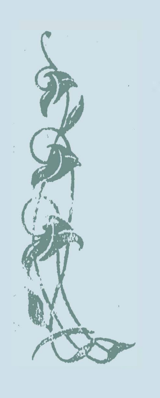
В БЛЕСТКОЙ ТЬМЕ

В смокингах, в шик опроборенные, великосветские
олухи
В княжьей гостиной наструнились, лица свои оглупив.
Я улыбнулся натянуто, вспомнил сарказмно о порохе:
Скуку взорвал неожиданно нео-поэзный мотив.

Каждая строчка — пощечина. Голос мой — сплошь
издевательство.
Рифмы слагаются в кукиши. Кажет язык ассонанс.
Я презираю вас пламенно, тусклые ваши сиятельства,
И, презирая, рассчитываю на мировой резонанс!

Блесткая аудитория, блеском ты зло отуманена!
Скрыт от тебя, недостойная, будущего горизонт!
Тусклые ваши сиятельства! Во времена Северянина
Следует знать, что за Пушкиным были и Блок и
Бальмонт!

1913

В ЛИМУЗИНЕ

Она вошла в моторный лимузин,
Эскизя страсть в корректном кавалере,
И в хрупоте танцующих резин
Восстановила голос Кавальери.

Кто звал ее на лестнице: «Manon?»
И ножки ей в прохладном вестибюле,—
Хотя она и бросила: «Mais non»* —
Чьи руки властно мехово обули?

Да все же он, пустой, как шантеклер,
Проборчатый, офраченный картавец,
Желательный для многих кавалер,
Использованный многими красавец.

О женщина! Зови его в турнэ,
Бери его, пожалуй, в будуары...
Но не води с собою на Массиэ;
«Письмо» Массиэ... Оно не для гитары!..

1910. Июль

---

* «Но нет» (*фр.*)

НА ОСТРОВАХ

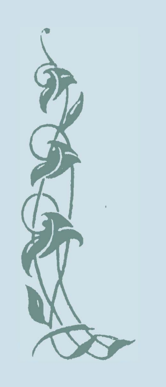
В ландо моторном, в ландо шикарном
Я проезжаю по Островам,
Пьянея встречным лицом вульгарным
Среди дам просто и — «этих» дам.

Ах, в каждой «фее» искал я фею
Когда-то раньше. Теперь не то.
Но отчего же я огневею,
Когда мелькает вблизи манто?

Как безответно! как безвопросно!
Как гривуазно! но всюду — боль!
В аллеях сорно, в куртинах росно,
И в каждом франте жив Рокамболь.

И что тут прелесть? и что тут мерзость?
Бесстыж и скорбен ночной пуант.
Кому бы бросить наглее дерзость?
Кому бы нежно поправить бант?

1911. Май.

ВАЛЕНТИНА

Валентина, сколько счастья! Валентина, сколько
жути!
Сколько чары! Валентина, отчего же ты грустишь?
Это было на концерте в медицинском институте,
Ты сидела в вестибюле за продажею афиш.

Выскочив из ландолета, девушками окруженный,
Я стремился на эстраду, но, меня остановив,
Предложила мне программу, и, тобой завороженный,
На мгновенье задержался, созерцая твой извив.

Ты зашла ко мне в антракте (не зови его пробелом),
С тайной розой, с красной грезой, с бирюзовою
грозой
Глаз восторженных и наглых. Ты была в простом
и белом,
Говорила очень быстро и казалась стрекозой.

Этот день!.. С него — начало. Телефоны и открытки.
К начинаньям поэтессы я был очень милосерд,
И когда уже ты стала кандидаткой в фаворитки,
Ты меня сопровождала ежедневно на концерт.

А потом... Купэ. Деревня. Много снега, леса. Святки.
Замороженные ночи и крещенская луна.
Домик. Нежно и уютно. Упоенье без оглядки.
Валентина безрассудна! Валентина влюблена!

Все прошло, как все проходит. И простились мы
неловко:
Я «обманщик», ты сердита, то есть просто трафарет.
Валентина плутоглазка! остроумная чертовка!
Ты чаруйную поэму превратила в жалкий бред!

1914. Март

ТЕБЕ, МОЯ КРАСАВИЦА!

Ариадниной мамочке

Вуаль светло-зеленая с сиреневыми мушками
Была слегка приподнята над розовыми ушками.
Вуаль была чуть влажная она была чуть теплая,
И ты мне улыбалася, красивая и добрая...
Смотрела в очи ласково, смотрела в очи грезово,
Тревожила уснувшее и улыбалась розово.
И я не слышал улицы со звонами и гамами,
И сердце откликалося взволнованными гаммами.
Шла ночь, шурша кокетливо и шлейфами, и тканями,
Мы бархатною сказкою сердца друг другу ранили.
Атласные пожатия... рождения и гибели...
Отливы... содрогания... кружения и прибыли...
Да разве тут до улицы со звонами и шумами?!
Да разве тут до города с пылающими думами?!
Кумирню строил в сердце я, я строил в сердце пагоды...
Ах, губки эти алые и сочные, как ягоды!
Расстались... для чего, спроси... я долго грезил
в комнате...
О, глазки в слезках-капельках, мои глаза вы помните?
Вы помните? вы верите? вы ждете! вы, кудесная!
Они неповторяемы, мгновенности чудесные!..
Я требую настойчиво, приказываю пламенно:
Исчезни всё гнетущее! исчезни, вся вселенная!
Всё краткое! всё хрупкое! всё мелкое! всё тленное!
А мы, моя красавица, утопимся в забвении,
Очаровав порывностью бесстрастное мгновение.

1910. Январь

ПОЭЗА О ТЫСЯЧА ПЕРВОМ ЗНАКОМСТВЕ

Лакей и сен-бернар — ах, оба баритоны! —
Встречали нас в дверях ответом на звонок.
Камелии. Ковры. Гостиной сребротоны.
Два пуфа и диван. И шесть бесшумных ног.

Мы двое к ней пришли. Она была чужою.
Он знал ее, но я представлен в этот раз.
Мне сдержанный привет и сен-бернару Джою
Уйти куда-нибудь и не мешать — приказ.

Салонный разговор, удобный для аббата,
Для доблестной ханжи и столь же для гетер.
И мы уже не мы: Альфред и Травиата.
И вот уже оркестр. И вот уже партер.

Так: входим в роли мы совсем непроизвольно,
Но режет сердце мне точеный комплимент.
Как больно говорить! Как нестерпимо больно,
Когда предвидишь вот любой, любой момент!

Все знаем наперед: и будет то, что смято
Когда-то, кем-то, как и где — не все равно ль?
И в ужасе, в тоске,— Альфред и Травиата,—
Мы шутим,— *как тогда*,— лелея нашу боль...

1914. Осень

В ОСЕНОКОШЕННОМ ИЮЛЕ

Июль блестяще осенокошен.
Ах, он уходит! держи! держи!
Лежу на шелке зеленом пашен,
Вокруг — блондинки, косички ржи.

О небо, небо! твой путь воздушен!
О поле, поле! ты — грезы верфь!
Я онебесен! Я онездешен!
И Бог мне равен, и равен червь!

1911, июль
Дылицы

РОДНИК

Восемь лет эту местность я знаю,
Уходил, приходил,— но всегда
В этой местности бьет ледяная
    Неисчерпываемая вода.

Полноструйный родник, полнозвучный,
Мой родной; мой природный родник,
Вновь к тебе (ты не можешь наскучить!)
    Неотбрасываемо я приник.

И светло мне глаза оросили
Слезы гордого счастья, и я
Восклицаю: ты — символ России,
    Изнедривающаяся струя!

1914. Июль
Мыза Ивановка

К ЧЕРТЕ ЧЕРТА

Какою нежностью неизъяснимою, какой сердечностью
Осветозарено и олазорено лицо твое,
Лицо незримое, отождествленное всечертно
с Вечностью,
Твое — но чье?

В вагоне поезда, на каждой улице и в сновидении,
В театре ль, в роще ли — всегда приложится к черте
черта,
Неуловимая, но ощутимая,— черта-мгновение,
Черта-мечта!

И больно-сладостно, и вешне-радостно! Жить —
изумительно,
Чудесно все-таки! Ах, сразу нескольких — *одну*
любить!
Невоплощенная! Невоплотимая! тебя пленительно
Ждать — это жить!

1914, ноябрь

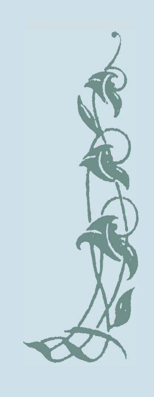
ПОЭЗА СПИЧЕЧНОГО КОРОБКА

Что это? — Спичек коробок —
Лучинок из берез?
И ты их не заметить мог?
Ведь это ж грандиоз!

Бери же, чиркай и грози,
Восторжен, нагл и яр!
Ползет огонь на все стези:
В твоей руке — пожар!

Огонь! огонь, природоцап,
Высовывай язык!
Ликуй, холоп! Оцарься, раб!
Ничтожный, ты велик!

Мыза Ивановка,
1914. Начало июля

РОНДО

Л. Рындиной

Читать тебе себя в лимонном будуаре,
Как яхту грез, его приняв и полюбя...
Взамен неверных слов, взамен шаблонных арий,
        Читать тебе себя.

Прочувствовать тебя в лиловом пеньюаре,
Дробя грядущее и прошлое, дробя
Второстепенное, и сильным быть в ударе.

Увериться, что мир сосредоточен в паре:
Лишь в нас с тобой, лишь в нас! И только для тебя,
И только о тебе, венчая взор твой царий,
        Читать тебе себя!

1914, февраль

АМАЗОНКА

Я встретил у парка вчера амазонку
Под звуки бравурной раздольной мазурки.
— Как кукольны формы у синей фигурки! —
Наглея восторгом, сказал я вдогонку.

Она обернулась, она посмотрела,
Слегка улыбнулась, раздетая взором,
Хлыстом помахала лукавым узором
Мне в сердце вонзила дремучие стрелы...

А рыжая лошадь под ней гарцевала,
Упрямо топталась на месте кобыла
И, право, не знаю,— казалось ли, было,—
В угоду хозяйке меня баловала...

1910, февраль

BERCEUSE

(НА МОТИВ МИРРЫ ЛОХВИЦКОЙ)

Ты так светла в клубящемся покрове.
Твое лицо — восходный Уротал.
В твоем дремучем чернобровье
Мой ум устало заплутал.

Ты вся — мечта коралловых уловов
Твои уста — факирская печать.
В твоих очах, в очах лиловых
Хотел бы сердце закачать.

А где-то плач и грохоты орудий...
Так было встарь, так вечно будет впредь.
Дай погрузиться в белогрудьи
И упоенно умереть.

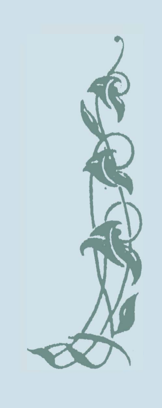
1910, сентябрь

ЭЛЕКТРАССОНАНС

Что такое электрассонанс?
Это — молния и светлячок.
Сон и скрипка. Гекзаметр и станс.
Мысль и грёза. Пила и смычок.
Разнокровье и злой мезальянс.
Тайна ночи и женский зрачок.
Мирозданье — электрассонанс!

1910. Февраль

В ГОСТИНИЦЕ

В большом и неуютном номере провинциальной
гостиницы
Я лежу в бессоннице холодноватыми вечерами.
Жутко мне, жутко, что сердце скорбью навеки
вынется
Из своего гнездышка — ...разбитое стекло в раме...

Из ресторана доносится то тихая, грустная музыка,—
Какая-нибудь затасканная лунная соната,
То такая помпезная,— правда, часто кургузая,—
—...Лилию оскорбляющее полнокровье граната...

И слышатся в этой музыке души всех женщин
и девушек,
Когда-либо в жизни встретившихся и возможных
еще в пути.
И плачется, бесслезно плачется в номерной тиши
кромешной
О музыке, о девушках, обо всем, что способно цвести...

Симферополь.
1914. Январь

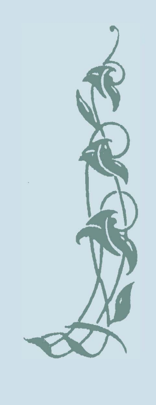
КУЗИНА ЛИДА

Лида, ты — беззвучная Липковская. Лида — ты —
хорошенькая девушка.
Стройная, высокая, изящная, ты — сплошная хрупь,
ты — вся улыбь.
Только отчего же ты недолгая? Только отчего твое
во льду ушко?
Только для чего так много жемчуга? Милая, скорей
его рассыпь!

Русая и белая кузиночка, не идут тебе, поверь мне,
ландыши;
Не идут тебе, поверь мне, лилии,— слишком ты для
белого-бела...
Маки, розы нагло оскорбительны, а лианы вьются,
как змееныши,—
Трудно обукетить лиф твой девичий, чтобы ты сама
собой была.

...Папоротник в блестках изумрудовых, снег
фиально белый и оискренный,
Пихтовые иглы эластичные — вот тебе единственный
убор,
Девушка со старческой улыбкою, замкнутой, но
точно солнце, искренней,
Неизвестно как-то умирающей,— как по ягоды идущей
в бор...

1912. Февраль

НИКЧЕМНАЯ

Ты меня совсем измучила, может быть, сама не ведая;
Может быть, вполне сознательно, может быть,
перестрадав;
Вижусь я с тобой урывками: разве вместе пообедаю
На глазах у всех и каждого,— и опять тоска-удав.

О, безжалостница добрая! ты, штрихующая профили
Мне чужие, но знакомые, с носом мертвенно-прямым!
Целомудренную чувственность мы зломозгло
объутопили
Чем-то вечно ожидаемым и литаврово-немым...

Слушай, чуждая мне блажница! обреченная
далёчница!
Оскорбить меня хотящая для немыслимых услад!
Подавив негодование, мне в тебя так просто хочется,
Как орлу — в лазорь сияльную, как теченью —
в водопад!

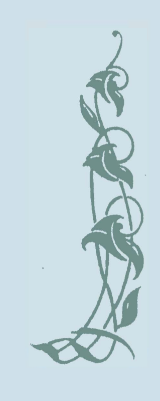
Одесса
1914. Февраль

ЖУТКАЯ ПОЭЗА

О, нестерпимо-больные места,
Где женщины, утерянные мною,
Навек во всем: в дрожании листа,
В порыве травном к солнечному зною,
В брусничных и осиновых лесах,
Во всхлипах мха — их жалобные плачи...
Как скорбно там скрипенье колеса!
Как трогательно блеянье телячье!
На севере и рощи, и луга,
И лады дум, и пьяненькие сельца —
Однообразны только для пришельца:
Для северян несхожесть их легка.
Когда-нибудь я встречу — это так! —
В таком лесу унылую старуху,
И к моему она приблизит уху
Лукавый рот. Потом за четвертак
Расскажет мне пророчная шарманка
О их судьбе, всех жертв моих. Потом
Я лес приму, как свой последний дом...
Ты — смерть моя, случайная цыганка!

1914. Февраль
Одесса

РОНДО ОРАНЖЕВОГО ЗАКАТА

Невымученных мук, невыгроженных гроз
Так много назади, и тяжек сердца стук.
Оранжевый закат лианами оброс
        Невыкорченных мук.

Оранжевый закат! ты мой давнишний друг,
Как лепеты травы, как трепеты берез,
Как щебеты мечты.. Но вдруг изменишь? вдруг?

Заплакать бы обжогом ржавых слез,
В них утопить колечки змейных скук
И ждать, как ждет подпоездник — колес,
        Невысмертивших мук!

Веймарн
1913. Август

ЕВГЕНИЯ

Это имя мне было знакомо —
Чуть истлевшее пряное имя,
И в щекочущем чувственность дыме
Сердце было к блаженству влекомо.

Как волна — броненосцу за пену,
Как за плен — бег свободный потока,
Это имя мне мстило жестоко
За забвенье, позор, за измену...

Месть швырнула в лицо мне два кома,
Кома грязи — разврат и бескрылье.
Я кончаюсь в неясном усилье...
Это имя мне жутко знакомо!..

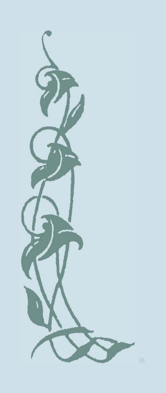
1909

КОГДА НОЧЕЛО

Уже ночело. Я был около
Монастыря. Сквозила просека.
Окрест отгуживал от колокола.
Как вдруг собака, в роде мопсика,
Зло и неистово залаяла.
Послышались осечки хвороста,
И кто-то голосом хозяина
«Тубо!» пробаритонил просто.
Лес заветрел и вновь отгуживал
Глухую всенощную, охая.
Мне стало жутко, стало нужно
Людей, их слова. Очень плохо я
Себя почувствовал. Оглушенный,
Напуганный, я сел у озера.
Мне оставалось верст одиннадцать.
Решительность меня вдруг бросила,—
От страха я не мог подвинуться...

Дылицы
1911. Июль

ПЯТИЦВЕТ I

Заберусь на рассвете на серебряный кедр
Любоваться оттуда на маневры эскадр.
Солнце, утро и море! Как я весело-бодр,
Точно воздух бездумен, точно мумия-мудр.
Кто прославлен орлами, ах, тому не до выдр!..

1910. Сентябрь.

РЕГИНА

Когда поблекнут георгины
Под ало-желчный лесосон,
Идите к домику Регины
Во все концы, со всех сторон.

Идите к домику Регины
По всем дорогам и тропам,
Бросайте на пути рябины,
Дабы назад вернуться вам.

Бросайте на пути рябины:
Все наши скрестятся пути,
И вам, искателям Регины,
Назад дороги не найти.

1913. Лето
Веймарн

ЛИРОБАСНЯ

Бело лиловеет шорох колокольчий —
        Веселится лесоветр;
Мы проходим полем, мило полумолча,
        На твоей головке — фетр,
А на теле шелк зеленый, и — босая.
Обрываешь тихо листик и, бросая
        Мелкие кусочки,
Смеешься, осолнечив лоб.
...Стада голубых антилоп
Покрыли травы, покрыли кочки...
Но дьяконья падчерица,
Изгибаясь, как ящерица,
        Нарушает иллюзию...
        Какое беззаконье!
— Если хочешь в Андалузию,
Не езди в Пошехонье...

———

Улыбаясь, мы идем на рельсы;
        Телеграфная проволока
        Загудела;
Грозовеет облако,—
        К буре дело.

———

Попробуй тут, рассвирелься!..

1911

НА ПРЕМЬЕРЕ

Овеев желание грезовым парусом,
Сверкая устовым колье,
Графиня ударила веером страусовым
Опешенного шевалье.

Оркестромелодия реяла розою
Над белобархатом фойэ.
Графиня с грацией стрекозовой
Кусала шоколад-кайэ.

Сновала рассеянно блесткая публика
Из декольтэ и фрачных фалд.
А завтра в рецензии светскою рубрикой
Отметится шикарный гвалт.

1911

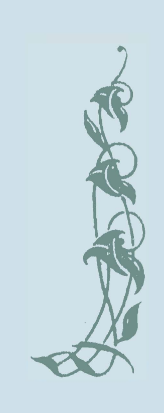
ДИССО-РОНДО

Ожили снова желанья...
Воспоминаний папирус
Снова ветреет, как парус,
И в бирюзе умиленья
Призрак сияния вырос.

Блекло-сапфировый ирис
Вяло поет новолунье,
Льется душа снова через
        Слова желанья.

Мысли, как сон, испарились
В прямости жизненных линий;
Долго со Злом мы боролись,
Отдых найдем в Аполлоне.
Снова сердца разгорелись,
        Слова желанья!

1911. Февраль

ТЕНЬ АПЕЛЬСИНОВОЙ ВЕТКИ

ИЗ ТИН-ТУН-ЛИНГ

Одиночила в комнате девушка.
Взволновали ее звуки флейты,—
Голос юноши в них... Голос, чей ты?
О, застынь в напряженной мечте ушко!

Чья-то тень на колени к ней падает,—
Из окна апельсинная ветка.
«Разорвал кто-то платье мне метко»,—
Грезит девушка с тайной отрадою...

Веймарн, мыза Пустомержа
1912. Август

ШАНТАЖИСТКА

Так Вы изволите надеяться, что Вам меня удастся встретить
Уж если не в гостиной шелковой, так в жесткой камере судьи?
Какая все же Вы наивная! Считаю долгом Вам заметить:
Боюсь, Вы дело проиграете, и что же ждет Вас впереди?..

Конечно, с Вашею энергией, Вы за инстанцией инстанцию:
Съезд мировой, затем суд округа, потом палата и сенат.
Но только, знаете, любезная, не лучше ль съездить Вам на станцию,
И там купить билет до Гатчины, спросив в буфете лимонад.

Он охладит Ваш гнев трагический, и Вы, войдя в вагон упруго,
Быть может, проведете весело в дороге следуемый час.
И, может быть, среди чиновников Вы повстречаете экс-друга,
Который — будем же надеяться! — не поколотит вовсе Вас!..

Приехав к месту назначения, Вы с ним отправитесь в гостиницу.
Он, после шницеля с анчоусом, Вам даст... Малагу-Аликант!
Вам будет весело и радостно, Вы будете, как именинница,
Ах, при уменьи, можно выявить и в проституции талант!..

Зачем же Вы мне угрожаете и обещаете отместки?
Зачем же нагло Вы хватаетесь за правосудия набат?
Так не надейтесь же, сударыня, что я послушаюсь повестки
И денег дам на пропитание двоякомысленных ребят!

1912. Ноябрь

ШАНСОНЕТКА ГОРНИЧНОЙ

Я — прислуга со всеми удобствами —
Получаю пятнадцать рублей,
Не ворую, не пью и не злобствую
И самой инженерши честней.

Дело в том, что жена инженерская
Норовит обсчитать муженька.
Я над нею труню (я ведь дерзкая!)
И словесно даю ей пинка.

Но со мною она хладнокровная,—
Сквозь пять пальцев глядит на меня:
Я ношу бильедушки любовные
От нее, а потом — для нея.

Что касается мужа господского —
Очень добр господин инженер...
«Не люблю,— говорит,— ультра-скотского.
Вот, супруги своей — например...»

. . . .
. . . .

В результате мы скоро поладили,—
Вот уж месяц как муж и жена.

Получаю конфекты, материи
И филипповские пирожки,
И — на зависть кухарке Гликерии,
Господина Надсона стишки.

Я давно рассчитала и взвесила,
Что удобная должность, ей-ей:
Тут и сытно, и сладко, и весело,
Да вдобавок пятнадцать рублей!

Веймарн
1913. Июнь

ОЗЕРОВАЯ БАЛЛАДА

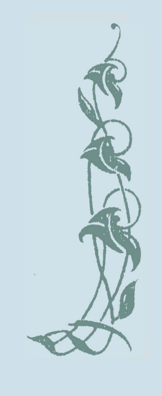
Св. кн. О. Ф. Имертинской

На искусственном острове крутобрегого озера
Кто видал замок с башнями? Кто к нему подплывал?
Или позднею осенью, только гладь подморозило,
Кто спешил к нему ветрово, трепеща за провал?

Кто, к окну приникающий, созерцания пестрого
Не выдерживал разумом — и смеялся навзрыд?
Чей скелет содрогается в башне мертвого острова,
И под замком запущенным кто, прекрасный, зарыт?

Кто насмешливо каялся? Кто возмездия требовал?
Превратился кто в филина? Кто — в летучую мышь?
Полно, полно, то было ли? Может быть, вовсе
не было?..
...Завуалилось озеро, зашептался камыш.

1910. Июнь

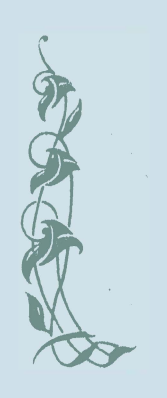
ИЗДЕВАТЕЛЬСТВО

Как блекло ткал лиловый колокольчик
Линялую от луни звукоткань!
Над ним лунел вуалевый эольчик
И, камешки кидая в воду: «кань»,
Чуть шепотал устами, как коральчик...
Он был оно: ни девочка, ни мальчик.

На озере дрожал электробот.
Все слушали поэта-экстазера
И в луносне тонули от забот.
Не призраками Серого Мизэра
Шарахнулся пугающий набат,—
И в отблесках пылающего замка
Умолк поэт, как жалкий акробат...

— Царица Жизнь воспитана, как хамка!

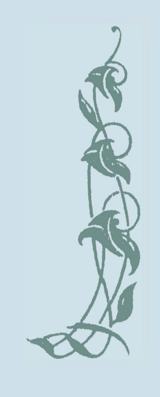
1911. Март

НА ГОЛОС ВЕСЕННЕЙ НОВЕЛЛЫ

Обстругав ножом ольховый прутик,
Сделав из него свистящий хлыстик,
Королева встала на распутьи
Двух аллей. И в девственном батисте
Белолильной феей замерла.
Вот пошла к избушке столяра,
Где лежали дети в скарлатине,
Где всегда отточенный рубанок
Для гробов, для мебели, для санок.
Вот и пруд, олунен и отинен,
Вот и дом, огрустен и отьмён.
— Кто стучит? — спросил столяр Семен.
«Королева...» — шепчет королева.
Прохрипели рыжие засовы,
Закричали в отдаленьи совы.
Вспомнилась весенняя новелла:
В ясенях отданье столяру.
Он впустил. Взглянула — как стрелу
Прямо в глаз любовника метнула.
И пошла к отряпенной кроватке.
Смерть и жизнь над ней бросали ставки.
Было душно, холодно и лунно.
Столяриха билась на полу
И кричала: «Дайте мне пилу!»

1911. Ноябрь

ЭСКИЗЕТКА

Сосны качеля, белесо ночело.
Лес печалел в белосне.
Тюли эоля качала Марчелла:
— Грустно весенне усни! —
Точно ребенка, Марчелла качала
Грезы, меня и весну.
Вот пробесшумела там одичало
Глуше затишия мышь
Крылья дымели, как саван истлевший.
— Сердце! тебя не поймешь.
Лед запылавший!

1911. Март

ЭГО-РОНДОЛА

Я — поэт: я хочу в бирюзовые очи лилии белой.
Ее сердце запело... Ее сердце крылато... Но
Стебель есть у нее. Перерублю, и...
Белый лебедь раскрыл бирюзовые очи. Очи лилии
Лебедь раскрыл. Его сердце запело. Его сердце
Крылато! Лебедь рвется в Эфир к облакам —
К белым лилиям неба, к лебедям небес!
Небесная бирюза — очи облак. Небо запело!.. Небо
Крылато!.. Небо хочет в меня: я — поэт!

1912

ПРОМЕЛЬК

Ив. Лукашу

Голубые голуби на просторной палубе.
А дождинки капали,— голуби их по́пили.
На просторной палубе голубые голуби
Все дождинки по́пили, а дождинки капали.

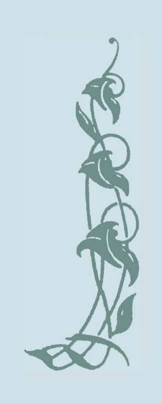
1911

ПЯТИЦВЕТ II

В двадцать лет он так нашустрил:
Проституток всех осёстрил,
Астры звездил, звезды астрил,
Погреба перереестрил.
Оставалось только — выстрел.

1911

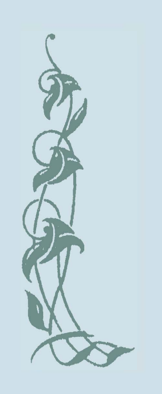

В РЕСТОРАНЕ

Граалю Арельскому

Воробьи на дорожке шустрятся.
Зеленеют кудри крокетуса.
Привезли из Остэндэ устрицы
И стерлядей из Черéповца.
— Послушайте, вы, с салфеткою,
Накройте мне стол под липою;
И еще я вам посоветую
Не стоять каменной глыбою,
А угостить меня рыбою,
Артишоками и спаржей.
Вы поняли? — «Помилуйте, даже
Очень
И буду точен».

1911. Май

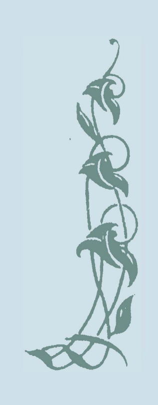
ОТЧАЯНИЕ

Я, разлоконив волосы русые,
Ухватила Петьку за ушко,
В него шепнула: «Тебя я скусаю...»
И выпила бокал Клико.

Успокоив его, благоматного,
Я дала ему морковки и чайку
И закричавши: «Всего приятного!»
Махнула серной по лужку.

Муж приехал с последним автобусом,—
Будничный потертый манекен...
Я застонала, и перед образом
Молила участи Кармен!..

1912. Май

ПОЭЗА О «MIGNON»

Не опоздайте к увертюре:
Сегодня ведь «Mignon» сама!
Как чаровательны, Тома,
Твои лазоревые бури!

«Mignon»!.. Она со мной везде:
И в бледно-палевых гостиных,
И на форелевых стремнинах,
И в сновиденьях, и в труде.

Ищу ли женщину с тоской,
Смотрюсь ли в давнее былое,
Кляну ль позорное и злое,—
«Mignon»!.. Она везде со мной!

И если мыслю и живу,
Молясь без устали Мадонне,
То лишь благодаря «Миньоне» —
Грезовиденью наяву...

Но ты едва ли виноват,
Ее бесчисленный хулитель:
Нет, не твоя она обитель...
О, Арнольдсон! о, Баронат!

1914. Октябрь

БЛАЖЕННЫЙ ГРИША

Когда проезжает конница
Мимо дома с красной крышей,
В кухне дрожит иконница,
Сколоченная блаженным Гришей...

И тогда я его мучаю
Насмешкою над дребезжаньем...
Убегает. И над гремучею
Речкою льет рыданья.

И хотя по благочестию
Нет равного ему в городе,
Он злится, хочет мести,
Мгновенно себя очортив...

1912. Март

ПРЕДОСТЕРЕГАЮЩАЯ ПОЭЗА

Художники, бойтесь «мещанок»:
Они обездарят ваш дар
Своею врожденною сонью,
Своим организмом шарманок;
Они запесочат пожар
В душе, где закон — Беззаконье.

Страшитесь и дев апатичных,
С улыбкой беззвучно-стальной,
С лицом, постоянным, как мрамор:
Их лики, из псевдоантичных,
Душе вашей бально-больной
Грозят беспросыпным кошмаром.

Они не прощают ошибок,
Они презирают порыв,
Считают его неприличьем,
«Явленьем дурного пошиба...»
А гений — в глазах их — нарыв,
Наполненный гнойным величьем!..

1912. Июль
Веймарн

CHANSONNETTE

Изящная, среднего роста,
С головкою bronze-oxide
Она воплощение тоста:
Mais non, regardez, regardez!

Пикантная, среднего роста,
Она героиня Додэ.
Поклонников много,— их до ста
Mais non, regardez, regardez!

Но женщина среднего роста
Бывает *высокой* en deux...
И надо сознаться, что просто...—
Mais non, regardez, regardez

1909. Ноябрь

ОНА КРИТИКУЕТ

— Нет, положительно искусство измельчало,
Не смейте спорить, граф, упрямый человек!
По пунктам разберем, и с самого начала;
Начнем с поэзии: она полна калек.
Хотя бы Фофанов: пропойца и бродяга,
А критика ему дала поэта роль...
Поэт! Хорош поэт... ходячая малага!..
И в жилах у него не кровь, а алкоголь.
Как вы сказали, граф? До пьянства нет нам дела?
И что критиковать мы можем только труд?
Так знайте ж, книг его я даже не смотрела:
Неинтересно мне!.. тем более, что тут
Навряд ли вы нашли б занятные сюжеты,
Изысканных людей привычки, нравы, вкус,
Блестящие балы, алмазы, эполеты,—
О, я убеждена, что пишет он «en russe».
Естественно, что нам, взращенным на Шекспире,
Аристократам мысли, чувства и идей,
Неинтересен он, бряцающий на лире
Руками пьяными, безвольный раб страстей.
Ах, да не спорьте вы! поэзией кабацкой
Не увлекусь я, граф, нет, тысячу раз нет!
Талантливым не может быть поэт
С фамилией — pardon! — такой... дурацкой.
И как одет! Mon Dieu! Он прямо хулиган!..
Вчера мы с Полем ехали по парку,
Плетется он навстречу — грязен, пьян;
Кого же воспоет такой мужлан?.. кухарку?!
Смазные сапоги, оборванный тулуп,
Какая-то ужасная папаха...
Сам говорит с собой... взгляд страшен, нагл и туп...
Поверите? — я чуть не умерла от страха.
Не говорите мне: «Он пьет от неудач!»
Мне, право, дела нет до истинной причины.
И если плачет он, смешон мне этот плач:
Сантиментальничать ли создан мужчина
Без положения в обществе, без чина?!..

1908

II. НЕЗАБУДКИ НА КАНАВКАХ

СТИХИ «ДАВНО МИНУВШИХ ЛЕТ»

NOCTURNE

Месяц гладит камыши
Сквозь сирени шалаши...
Всё — душа и ни души.

Всё — мечта, всё — божество,
Вечной тайны волшебство,
Вечной жизни торжество.

Лес — как сказочный камыш,
А камыш — как лес-малыш.
Тишь — как жизнь, и жизнь — как тишь.

Колыхается туман —
Как мечты моей обман,
Как минувшего роман...

Как душиста, хороша
Белых яблонь порошá...
Ни души, и всё — душа!

1908. Декабрь

ТОСКА ПО КВАНТУНУ

О греза дивная, мне сердце не терзай! —
Воспоминания о прожитом так живы.
Я на Квантун хочу, в мой милый Да-Лянь-Вань,
На воды желтые Корейского залива.

Я в шлюпке жизненной разбился о бурун,
И сердце чувствует развязку роковую...
Я по тебе грущу, унылый мой Квантун,
И, Море Желтое, я по тебе тоскую!..

1904. Птб.

ЗАПАД ПОГАС

Запад
Погас...
Роса
Поддалась...
Тихо
В полях...
Ива —
Голяк...
Ветрится
Куст...
Зебрится
Хруст...
Ломок
Ледок...
Громок
Гудок...
Во мгле
Полотно
И склепа
Пятно...

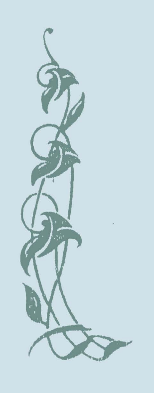
1910. Октябрь

ТРИОЛЕТ

В протяжных стонах самовара
Я слышал стон ее души.
Что было скрыто в песне пара —
В протяжных стонах самовара?
Венчалась ли она в глуши
Иль умирала дочь Тамара?
Как знать! Но в воплях самовара
Я слышал вопль ее души.

1909. Июль
Мыза Ивановка

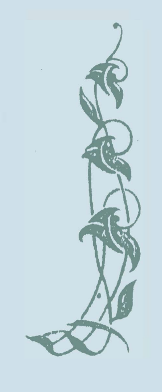
МОРСКОЙ НАБРОСОК

Е. А. Л.

Тому назад всего два года
На этом самом берегу
Два сердца в страсти без исхода
Дрожали, затаив тоску,—
Два женских сердца... Этой дрожью
Трепещет берег до сих пор...

...Я прихожу подъять свой взор
На море, и у гор подножья
Послушать благостную дрожь,
Потосковать душой пустынной
Вновь о вине своей невинной,
Где правду скрашивала ложь!..

1912. Август
Эстляндия, Jebe, Тойла

ГРАЦИОЗА

Дмитрию Крючкову

Я нежно хотел бы уснуть,
  Уснуть — не проснуться...
Далеко-далеко уйти,
  Уйти,— не вернуться...

Хотел бы ее целовать,
  Почти не целуя:
Словами ведь грубо сказать,
  Как тонко люблю я...

Ни страсти хочу, ни огня,
  И стоны сиянья,
Чтоб телом к ней в тело войти,
  Войти для страданья...

Хочу я не тела ее,
  Но лишь через тело
Прочувствовать душу могу
  Всецело...

1911. Октябрь

PRELUDE II

Мои стихи — туманный сон.
Он оставляет впечатление...
Пусть даже мне неясен он,—
Он пробуждает вдохновение...

О люди, дети мелких смут,
Ваш бог — действительность угрюмая.
Пусть сна поэта не поймут,—
Его почувствуют, не думая...

1909

ГДЕ ПРИ ВЗДОХЕ ВЕТЕРКА ПОЕТ ФАРФОР...

МАНЧЖУРСКИЙ ЭСКИЗ

Там, где нежно колокольчики звенят
И при вздохе ветерка поет фарфор,
Еду я, восторгом искренним объят,
Между бархатных полей и редких гор.

Еду полем. Там китайцы сеют рис;
Трудолюбьем дышат лица. Небеса
Ярко сини. Поезд с горки сходит вниз.
Провожают нас раскосые глаза.

Деревушка. Из сырца вокруг стена.
Там, за ней, фанзы приземисты, низки.
Жизнь скромна, тиха, убога, но ясна —
Без тумана русской будничной тоски.

Пасть раскрыл свою, на нас смотря, дракон,
Что из красной глины слеплен на фанзе.
Я смеюсь: мне грозный вид его смешон.
Село солнце, синь трава в сырой росе.

1905

ЭСКИЗ

Клубится дым при солнце зимнем,
Несется в дебри паровоз;
Причудлив он в хитоне дымном,
В хитоне смутном как хаос.

Снег лиловатого оттенка
Пылит под небом голубым.
Вдали темнеет леса стенка,
А дым — как снег, и снег — как дым.

1908. Декабрь
Лигово. Вагон

ТРАУРНАЯ ЭЛЕГИЯ

Умирала лилия лесная

К. Фофанов

Умирала она в пору августа,
Когда зелень трав и дубрав густа,
Когда в воздухе вкус малиновый,
Когда ночь дрожит в тьме осиновой.
Умирала она, ясно ведая,
Что такое смерть, храбро следуя
За давнишними пожеланьями
Молодой уснуть с колебаньями
Незнакомая... И правдивая,
И невинная, и красивая!..
Умерла она, сделав грустно нам...
К ней путем идем, болью устланным,
На могилу к ней, одинокую,
Как она была, на далекую...
Там помолимся о душе ее:
— Да прославится имя твое!

1909. Июнь

ЦАРИЦА ИЗ ЦАРИЦ

В моей душе — твоих строфа уст,
И от строфы бесплотных уст
Преображаюсь, словно Фауст,—
И звук любви уже не пуст.

Как в Маргариту юный Зибель —
В твой стих влюблен я без границ,
Но ждать его не может гибель:
Ведь ты — царица из цариц!

1908. Ноябрь

ОТТОГО И ЛЮБЛЮ

Я люблю сердечно, безрассудно,
Безотчетно всю, как есть, тебя!
Но за что люблю, я знаю смутно,
А верней — совсем не знаю я.

Как тебя целую! как милую!
Ты со мной — смеюсь, а нет — грущу...
Оттого тебя ведь и люблю я,
Что любви причины не ищу!..

1907

ВЕРНУТЬ ЛЮБОВЬ

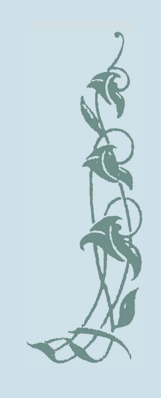
...То ненависть пытается любить
Или любовь хотела б ненавидеть?..
Минувшее я жажду возвратить,
Но, возвратив, боюсь его обидеть,
Боюсь его возвратом оскорбить.

Святыни нет для сердца святотатца,
Как доброты у смерти... Заклеймен
Я совестью, и мне ли зла бояться,
Поправшему любви своей закон!

Но грешники — безгрешны покаяньем,
Вернуть любовь — прощение вернуть.
Но как боюсь я сердце обмануть
Своим туманно-призрачным желаньем:

Не месть ли это? не зависть ли? сгубить
Себя легко, и свет небес не видеть...
Что ж это: зло старается любить
Или любовь мечтает ненавидеть?..

23 сентября 1908

БУКЕТ ЗАБВЕНЬЯ

Я погружу в букет душистый
Лицо и душу погружу.
И лес ресниц твоих пушистый,
Пушистый лес воображу.

Я озарял его, сжигая
Доверья хрупкие костры...
О, дорогая-дорогая,
С душой любовницы-сестры!

Но то ушло, пришло другое...
Того, что было, не спасти...
О, дорогое-дорогое,
Мое далекое, прости!

Прости и ты, мой ангел чистый,
Краса и гордость бытия!
Бросаю жизнь в букет душистый
И захлебнусь в букете я.

1910. Май
Мыза Ивановка

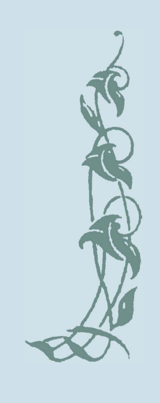

BERCEUSE ТОМЛЕНИЯ

Я люблю тебя нежнее
Белой лилии,
Я пою тебя волшебней
Сказок фей.
Я беру тебя в аллее
Весь — воскрылие,
В поэтическом молебне
Чародей.

К груди грудь, во взоры взоры!
Вешней лени я
Не осилю — ах, нет мочи,—
Я в плену.
Мне мерещатся озера
Из томления.
В них все глубже, все жесточе
Я тону

1913. Май
Веймарн

МЕЛЬНИЦА И БАРЫШНЯ

Постарела труженица-мельница,
На горе стоит, как богадельница;
Под горою барышня-бездельница
Целый день заводит граммофон
На балконе дачи; скучно барышне:
Надоел в саду густой боярышник,
А в гостиной бронза и плафон.
Я смотрю, вооруженный... лупою:
Граммофон трубой своею глупою
Голосит, вульгаря и хрипя,
Что-то нужно-пошлое, а дачница
В чем другом, но в пошлости удачница,
Ерзает на стуле, им скрипя...
Крылья дряхлой мельницы поломаны,
Но дрожат в обиде, внемля гомону
Механизма, прочного до ужаса,
И пластинкам, точным до тоски...
Ветра ждет заброшенная мельница,
Чтоб рвануться с места и, обрушася,
Раздавить ту дачу, где бездельница
С нервами березовой доски...

От жары и «музыки» удар меня,
Я боюсь, вдруг хватит, и — увы!..
Уваженье к мельнице, сударыня,
Здесь она хозяйка, а не вы!

1911. Июнь
Дылицы

МИНЬОНЕТЫ

1

Да, я хочу твоих желаний,
Да, я люблю твое «люблю»!
Но мы уйдем туда, где — лани,
Уйдем: здесь больно, я скорблю.
Лишь там тебе, моей Светлане,
Я расскажу, я распою,
Как я хочу твоих желаний,
Как я люблю твое «люблю»!

2

Ловлю печаль в твоей улыбке
И тайный смех в твоих слезах...
Твои глаза блестят, как рыбки,
Но сердце — в смутных голосах.
Ты в заблужденьи, ты в ошибке!
Топлю глаза в твоих слезах,—
И снова — смех в твоей улыбке,
И снова — грудь в твоих слезах!

1910. Март

ОДИН БЫ ЛЕПЕСТОК!..

Мне тайно верится, что ты ко мне придешь,
Старушка-девушка, согбенная в позоре,
И взором бархата затепленные зори
Мне тайно верится — ты бодро расцветешь.

Мне тайно верится, ты все еще грустишь
О том, что сказано, о том, что не успето...
О, разберись в пыли истлевшего букета:
Один бы лепесток! — и ты меня простишь,
Мне свято верится!..

1910. Февраль

ЧЬИ ГРЕЗЫ?..

Я пить люблю, пить много, вкусно,
Сливаясь пламенно с вином,
Но размышляю об одном
И не могу решить искусно.

Да, мудрено решить мне это
(И в этом не моя вина!):
Поэт ли хочет грез вина,
Вино ли просит грез поэта?

1909

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

(АРИЯ ЛОТАРИО)

Спи-усни, дитя-Миньона,
Улыбаяся шутя...
Спи-усни, без слез, без стона
Утомленное дитя.

Замок спит, и спят озера,
Позабудь скитаний дни,
С голубой надеждой взора
Незабудкою усни.

Сердце, знавшее уроны
Зачаруй в уютном сне,—
И растает грусть Миньоны,
Как снежинка по весне.

1908. Ноябрь

МАДРИГАЛ

Ал. Ал. Наумовой

Часто вы мне грезитесь фиалкой —
Этим нежным, ласковым цветком;
Иногда — таинственной русалкой,
Воплощенной грезящим умом.
Иногда — принцессой кроткой, хрупкой,
Милосердной даже к комару,
И всегда — свободною голубкой,
Ввысь летящей к правде и добру!

1907

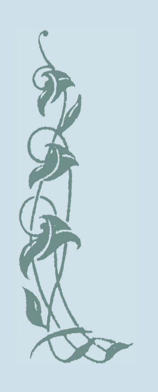
ПОВСЕМЕСТНАЯ

Ее глаза, глаза газели,
Синеют в усиках ресниц.
Она опустит очи ниц,
И щеки вдруг зарозовели.

В устах змеящийся укус,
Лицо меняет беспрестанно.
И волосы, длиннее стана,
Немного приторны на вкус.

Бескрылой похоти раба,
Она приниженно кичлива.
Эскиз готов. Пошлоречива
Моей натурщицы судьба.

1911. Июнь
Елизаветино

ПО ВОСЕМЬ СТРОК

I

Вы стоите на палубе за зеркальною рубкою
И грызете, как белочка, черносливную косточку...
Вы — такая изящная и такая вы хрупкая,
Вы похожи на девочку и немного на ласточку.
Улыбаются весело два матроса у румпеля,
Капитан донжуанствует, вам стихи декламируя,
О таинственном крейсере, о голубке над куполом,
То чаруя Мореллою, то Дарьяльской Тамарою...

1910

II

Карменсите

В тебе столько нежности тихой,
Но, время бездумно влача,
Ты скрыла ее под шумихой
Такого ж бездумного дня.
Но в каждом движеньи плеча
И в склоне твоем над гречихой —
В тебе ж столько нежности тихой...
О, если б она для меня!

1910
Саблино

III

Я приду к тебе, еврейка,
В звездном плеске сонных струй.
Отворяй-ка поскорей-ка,
Отвори и не горюй!
За любовь плати любовью,
За измену отомсти:
По холмистому горбовью
Труп мой в озеро спусти...

1910

РОНДЕЛЬ

От солнца я веду свой древний род!
Мирра Лохвицкая

«От солнца я веду свой древний род!» —
Сказала доблестная Саба.
В краю банана, змей и краба
Жил впечатлительный народ.
Царь слов обратно не берет,
Когда звучат слова не слабо...
«От солнца я веду свой древний род!» —
Сказала доблестная Саба.
Всегда венец, всегда вперед! —
Вот лозунг знойного араба.
Но в небе грянула гроза бы,
Когда бы смел воскликнуть «крот»:
— От солнца я веду свой древний род!

1911

ПОЛУСОНЕТ

Твои горячие кораллы
Коснулись бледного чела,
Как сладострастная пчела,—
И вот в душе звучат хоралы.

Моя тоска меня карала,
И я не пел, и петь не мог,
Но ты сняла с души забрало
И с песни рыцарской — замок.

Без жизни жизнь и сон без сна
Теперь окончены. Весна
Моей любви поет и трелит...

Спеши вдыхать весны цветок,
Спеши! И радости поток
Нас захлестнет, но не разделит!

1909

ВАНДА

(ОКТАВЫ)

Посв. В. В. Уварову-Надину

1

Грустила ночь. При чахлом свете лампы
Мечтала Ванда, кутаясь в печаль;
Ей грезился дурман блестящей рампы,
Ей звуков захотелось,— и рояль
Ее дразнил прелюдией из «Цампы».
Она встает, отбрасывая шаль,
И медленно подходит к пианино
Будить его от грезящего сплина.

2

А ночь глядит в растворенную дверь,
Вся трепеща и прислонясь к веранде...
Как девушка взволнованна теперь!
Как дышит ночь душисто в душу Ванде!
Мотив живет... И если б *вечный* зверь
Его услышал, если б зверской банде
Он прозвучал — растроганное зло,
Хотя б на миг, любовью мысль зажгло.

3

О, чаровница-музыка, тебе
Крылю восторг, пылаю фимиамы!
О власти мысль внушаешь ты рабе,
Ребенка устремляешь к сердцу мамы,
Туманишь зло, зовешь любовь к себе
И браку душ поешь эпиталамы.
Тебе дано пороки побороть,
Гармония, души моей Господь...

1908. Ноябрь

НАСМЕШКА КОРОЛЯ

Владетель умирал. Льстецов придворных стая
Ждала его конца, сдувая с горностая
Одежды короля пылинки, между тем
Как втайне думала: «когда ж ты будешь нем?»

Их нетерпение заметно королю,
И он сказал, съев ломтик апельсина:
— О, верные рабы! Для вас обижу сына:
Я вам отдам престол, я сердце к вам крылю! —

И только он умолк,— в разнузданности дикой
Взревели голоса, сверкнули палаши.
И вскоре не было у ложа ни души,—
Лишь двадцать мертвых тел лежало пред владыкой.

1911. Июль
ст. Елисаветино, село Дылицы

ЛЕОНИДУ АФАНАСЬЕВУ

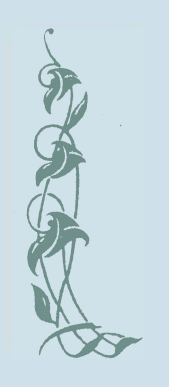
> «У плотины старой мельницы...»
>
> *Леонид Афанасьев*

Ваши милые мелодии,
Где воспели вы наш сад,
Как волшебные рапсодии —
Души многих вдохновят.

Так любовна и так красочна,
Друг мой, ваша акварель;
Целомудренна и сказочна,
Как на севере апрель.

Если снова на свободе я
Заберусь в мой старый сад,
Приезжайте,— и мелодии
Ваши снова зазвучат!

1908

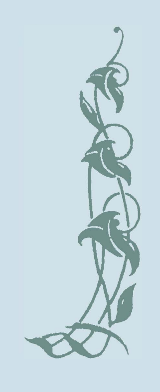
ОТВЕТ Л. АФАНАСЬЕВУ НА ЕГО ПОСЛАНИЕ

Ты шел дорогою проезжей,
И был твой шаг трудолюбив,
А я парил в лазури вешней,
Весь мир в осколки раздробив!

Ты робко пел и робко шел ты,
Боясь прохожих обогнать...
Лист зеленел, потом стал желтый,—
Зазеленеет ли? — Как знать!

Ты изменил Луне и Нимфе,
Изменой поругав сердца...
Но пусть шалаш твой на Олимпе —
Напротив моего дворца!

1910

ИЗМЕНА МАЯ

Я родился в мае, месяце весеннем,
Звонком и веселом,
Шумном и душистом,
И сказали роды: «Мы тебя оденем
Светлым ореолом —
Как молитвы, чистым».

Улыбнулось солнце, солнце засверкало,
Ласковым приветом
Чествуя рожденье;
Солнце загорелось, запылало ало
И зажгло поэтом
С искрой вдохновенья!

Разодет цветами с детской колыбели,
Я запел соловкой
Радостно и звонко,
Запечатлевая мир, где все скорбели,
Юною головкой
И душой ребенка.

Время шло, и солнце потускнело в тучах,
Лаской не блестело,
Злоба песнь косила;
Опадали розы при ветрах летучих,
Истомилось тело,
Притупилась сила.

Время шло... И радость дней моих весенних
Растопилась в слезах,
Сердцу не внимая!
И теперь я плачу, плачу на коленях
О погибших грезах,
Об измене мая!

1908. Февраль

НЕРАЗГАДАННЫЕ ЗВУКИ

В детстве слышал я ночами
Звуки странного мотива.
Инструмент, мне неизвестный,
Издавал их так красиво.

Кто играл? на чем? — не знаю;
Все покрыто тайной мглою;
Только помню, что те звуки
Власть имели надо мною.

Их мотив был так чарующ,
Так возвышен, полон ласок;
Вместе с тем печален, страшен —
Описать его нет красок.

Я боялся этих звуков,
Их таинственного свойства,
Но когда я их не слышал,
Я был полон беспокойства.

Я любил, когда незримый
Музыкант играл ночами;
Я лежал в оцепененьи
С удивленными очами;

Я лежал в своей кроватке,
Щуря глазки, и, дыханье
Затаив, ловил так жадно
Их гармонию рыданья.

Звуков больше я не слышу.
Что они мне предвещали?
Счастье ль в мире равнодушья
Или горе и печали?

Не нашел себе я счастья,—
Звуки горе мне напели:
Я боялся их недаром
С безмятежной колыбели.

А любил я их, мне мнится,
Потому, что эти звуки
Мне сулили счастье в смерти,
На земле напев лишь муки.

Знает кто? быть может, струны
Пели мне слова Завета:
«Кто страдает в царстве мрака,
Насладится в царстве света».

8 октября 1903
Квантун, порт Дальний

NOCTURNE

Струи лунные,
Среброструнные,
Поэтичные,
Грустно-нежные,—
Словно сказка, вы
Льетесь, ласковы,
Мелодичные,
Безмятежные.

Бледно-палевы
Вдруг упали вы
С неба синего;
Льетесь струями
Со святынь его
Поцелуями,
Скорбь сияния...
Свет страдания...

Лейтесь, вечные,
Бесприютные —
Как сердечные
Слезы жаркие!..
Вы, бескровные,
Лейтесь, ровные,—
Счастьем мутные,
Горем яркие.

1908. Сентябрь

ПЕРЕКАТ II

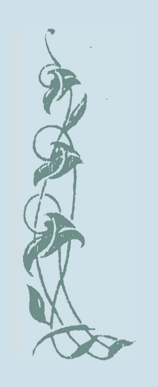
Как эта грустная обитель,
Твое сердечко опустело.
Любовь, как ясный небожитель,
В нем больше жить не захотела.

И вот глаза твои тоскливы,
Как эта грустная обитель.
Они угрюмы и пугливы,
Когда увидят белый китель.

Я понимаю: обольститель
убил любовь в тебе изменой,
Как эта грустная обитель,
Вступая в бой с морскою пеной.

Дитя, взгляни: волна обратно
Бежит покорно. Так Спаситель
Тебя хранит,— ты благодарна,
Как эта грустная обитель.

1908. Декабрь

НОВОГОДНЯЯ ЭЛЕГИЯ

С новолетьем мира горя —
С новым горем впереди!
Ах, ни счастья, ни отрады,
Ни сочувствия не жди!

Проследи печальным оком
Миновавшие года:
Не дождался от них счастья,—
Не дождешься никогда.

А с какою ты надеждой
Им судьбу свою вверял,
Верил в сбыточность мечтаний
И надеялся, и ждал.

Не ищи в унылой тундре
Ароматных ярких роз,—
Не ищи любви и счастья
В мире муки, в мире слез.

Не дождался — не дождешься,
Боль была и есть в груди...
С новолетьем мира скорби —
С новой скорбью впереди!..

1908. 2-го января

ВСЁ ТО ЖЕ

Всё те же краски, те же типы
В деревнях, птицах и цветах:
Как век назад — сегодня липы,
Как век вперед — любовь в мечтах.

Строй мирозданья одинаков,
Почти разгадан, скуп и плоск.
Но есть значение без знаков.
Есть знак, расплывчатый, как воск.

1909. Июль
Мыза Ивановка

ТО БУДЕТ ВПРЕДЬ...

...То будет впредь, то было встарь...
Он полюбил Мечту, рожденную мечтою,
И первую любовь, заворожен святою
Своей избранницей, принес ей на алтарь.

Но полюсом дышал ее далекий взор,
От веянья его увяли в сердце розы,
    В глазах замерзли слезы...
И треснул форм Мечты безжизненный фарфор.
    — Фарфоровые грезы! —

1908. Апрель

ПРОБА ПЕРА

Полна чаруйных разочарований
        Весна в лесу:
Крестьянку в ало-синем сарафане
        На полосу
Хлебов, вчера поспевших, жду я в полдень
                Но
        И сыро, и темно,
        И день так холоден...

1914. Июль
Мыза Ивановка

ЦВЕТЫ И ЯДОЦВЕТЫ

Цветы не думают о людях,
Но люди грезят о цветах...
Цветы не видят в человеке
Того, что видит он в цветке...

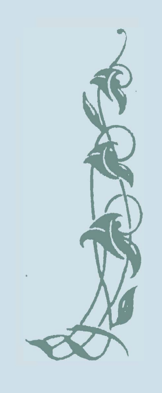
Цветы людей не убивают —
Цветы садов, цветы полей...
А люди их срывают часто!
А люди часто губят их!

Порою люди их лелеют,
Но не для них, а для себя...
В цветах находят «развлеченье»,
Души не видят у цветов...

Нет тяжелее и позорней
Судьбы доступного цветка!
Но есть цветы с иным уделом:
Есть ядовитые цветы!..

Их счастье в том, что их расцвета
Не потревожит человек...

1911. Февраль

ПРОМЕЛЬК

Янтарно-гитарные пчелы
Напевно доили азалии,
Огимнив душисто-веселый
Свой труд в изумрудной Вассалии.

1911. Июль
Дылицы

МИРУЭТЫ

Зоюсе

В березовом вечернем уголке
С тобою мы на липовой скамейке,
И сердце бьется зайчиком в силке,
Олуненные тени, точно змейки,
То по песку, то по густой аллейке
В березово-жасминном уголке.

Жасмин — мой друг, мой верный фаворит:
Он одышал, дитя, твое сердечко,—
Оно теперь душисто говорит
Оно стрекочет нежно, как кузнечик.
Да освятится палевый наш вечер,
И ты, жасмин, цветущий фаворит!

1911

ЛЕПЕСТКИ ОЖИВАЮТ

> Эти люди не в силах загрязнить то, что я любил в тебе; их слова падали подобно камням, брошенным в небо и не способным смутить ни на минуту ясной его лазури...
>
> *М. Метерлинк*

Помнишь, Женя? — это было в мае,
Года два, мой друг, тому назад.
Если ты забыла, дорогая,
Не забыл, быть может, старый сад.

Вечерело. Мы вдыхали струи
Ветерка, обнявшего сирень.
Что за речи! что за поцелуи!
Что за чудный незабвенный день!

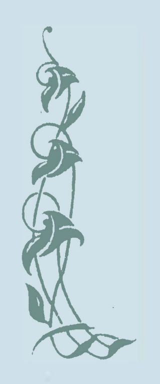
Подойдя задумчиво к сирени,
Ты роскошный сделала букет
И сказала: «Вот тебе от Жени
Получай, возлюбленный поэт!»

Засмеялась ласково и нежно,
Я пьянел, вдыхая аромат.
Ты взглянула в очи мне прилежно,
Прошептав: «Мне грустно, милый брат...»

Вздрогнул я, склонился на колени,
Я тебя, голубку, утешал
И тебе, моей любимой Жене,
Губки, глазки, ручки целовал.

...Мы расстались: мы с тобой «не пара»,
Как сказали «добрые друзья».
Но нельзя забыть признаний жара
И тебя забыть нельзя, нельзя!

И нельзя забыть былого тени,
Эти раз любившие сердца,
Этот вздох, душистый вздох сирени,
Эти ласки, ласки без конца!

До сих пор, тревожа и волнуя
Душу мне, палят мои уста
Эти, только наши, поцелуи
Под охраной нашего куста.

О, когда б вернулись чувства мая,
Чувства наши светлые назад!
Помнишь, Женя? помнишь, дорогая?
Если ты забыла, помнит сад.

1908. Февраль

СЕРДЦЕ МОЕ

Сердце мое, этот колос по осени,
Сжато серпом бессердечия ближнего,
Сжато во имя духовного голода,
В славу нетленных устоев Всевышнего.
Пусть же слепые жнецы, бессознательно
Сжавшие сердце мне многолюбивое,
Им напитаются с мысленным отблеском
Радуги ясной, сулящей счастливое.

1908. Август
Мыза Ивановка

МОЛЧАНЬЕ ШУМА

Убийцей жизни, мысли пробужденья,
Порывов светлых, воздуха и грез —
Преступным городом — убийцей вдохновенья —
Ползу среди ударов и угроз.

Ползу без напряженья, без сознанья,
Без чувств, без глаз, без слуха и без сил...
И шумом города смеется мне Молчанье
Мертвее, безнадежнее могил.

1908. Март
Птб

ЧТО ТАКОЕ ГРЕЗА?

Что такое — греза? Что такое — греза?
Это мысль о розе, но еще не роза...

Что такое — греза? Что такое — греза?
Это бархатисто-нежная мимоза...

Что такое — греза? Что такое — грезы?
Это серафима блещущие слезы!

1909. Май
Мыза Ивановка

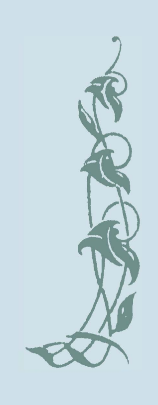

СТАНСЫ

Счастье жизни — в искрах алых;
В просветленьях мимолетных,
В грезах ярких, но бесплотных,
И в твоих очах усталых.

Горе — в вечности пороков,
В постоянном с ними споре,
В осмеянии пророков
И в исканьях счастья — горе.

1907

ТРИОЛЕТ

П. А. Ларионову

Мне что-то холодно... А в комнате тепло:
Плита натоплена, как сердце нежной лаской,
Я очарован сна загадочною сказкой,
Но все же холодно, а в комнате тепло.
Рассудок замер. Скорбь целует мне чело,
Таинственная связь грозит своей развязкой,
Всегда мне холодно... другим всегда тепло!..
Я исчервлен теплом, как сердце — едкой лаской...

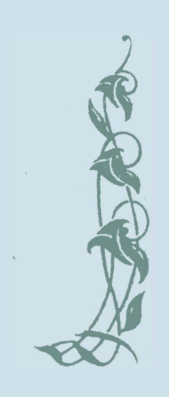
1909. Май
Мыза Ивановка

МЕЧТЫ О ФОФАНОВЕ

В кустах белоснежных черемух
Принцесса веселая Мая
Уснула, с отрадой внимая
Весеннему щебету птиц,
И видит во сне голубая
Принцесса веселая Мая:
Пирует в лазурных хоромах,
В сияньи восторженных лиц,
    Ее любимец давних лет
    Царевич пылкий Триолет!

1911. Май

СТАНСЫ

К. М. Фофанову

Звезда любви — звездой погаснет,
И где вы, светлые мечты!
И нет любви, и больше вас нет...
Зачем, судьба, куешь меч ты?

Лишь ты одно блестишь, страданье,
Своей нетленной красотой
В людской улыбке и рыданьи
Неугасимою звездой

1908
Мыза Ивановка

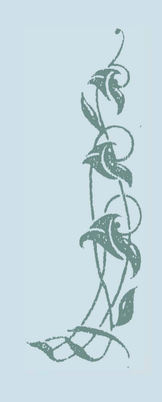

ОСЕННЯЯ ЦАРИЦА

В апреле природа все юнее,
    Но осенью боле пригожа.
Царица осенняя,— Юния,—
    На Врубеля Музу похожа...

Царица осенняя,— Юния,—
    Как лилия, золотокрыла...
Чем ночь лиловее и луннее,
    Тем шире глаза пораскрыла...

1912. Август
Веймарн

ЕЕ СЕСТРА

Ее сестра — ее портрет,
    Ее портрет живой!
Пускай ее со мною нет,
    Ее сестра со мной!

Я жду чарующего сна,
    Надежду затая.
Пусть больше не моя она,
    Ее сестра — моя!

1908
Мыза Ивановка

МИНЬОНЕТ

Уважать — это вовсе не значит любить,
А любя, уважаешь невольно!
Если чувства захочешь в слова воплотить —
Воплощать никогда не довольно!

Загляни ж мне в глаза, чтоб любовь углубить,
Загляни бархатисто-фиольно...
Говорить — это вовсе не значит — любить,
А по взгляду узнаешь невольно!..

1912. Март

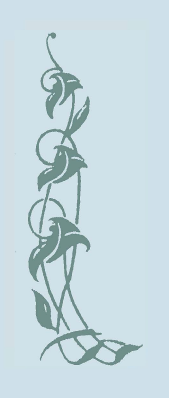
ИМПРОВИЗА

В живой уют зеленых кружев
Вошел я в мае всей душой.
Я жаждал счастье обнаружить,
Я верил... Было хорошо.

Тебя искал — везде, повсюду,
А парк внимательно следил...
Я все шептал: «Приди... укутай...
Я верю... устаю... приди...»

Но ты не так же, нет! а как же?
Да очень просто: ты не так,
Не так, как я: ты — в экипажах,
А мне болезнен каждый шаг...

1910. Май
Павловск

ЭКСЦЕНТРИЧКА

Звезда горит звезде,
Волне журчит волна.
Но в ней, чего нигде:
Она собой полна!

Заплачет,— блещет смех.
Смеется,— слышен плач.
И грех ее — не грех,
И смерть ей не палач...

Пускай звезда к звезде!
Пускай к волне волна!
В ней нет, что есть везде,
И в этом — вся она!

1908

ТЕЗКИ

Зовут вас одинаково, но, Боже,
Как обе вы различны! — у одной
Каштановые волосы; характер
Весенний, героический; в глазах
Чертята прыгают, чертята смеха,
И давят ангела неутолимой скорби.
Вот первая из вас, и ты — вдали.

Вторая — анемичная блондинка,
Конфузливая, ровная; в лице
Упорная и прозная забота;
В губах — наивность, чувственность, лукавь...
И ты — со мной. Вы обе, это — я.

1912. Июль. Веймарн
Мыза Пустомержа

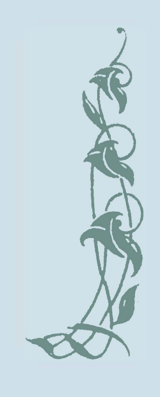
ОТКРЫТКА ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Вы поселились весной в Нидерландах,
Бодро и жизненно пишете мне.
Вы на оплесканных морем верандах,
Я же в колосьях при ветхом гумне.

Милый! но Вы не ошиблись, что волны
И за моим нарастают окном:
Только не море,— то ветрятся клены —
Волны зеленые,— поле с овсом.

Вам — о полянах — на море Немецком,
Мне же в полях — о просторе морском:
В сердце поэта,— и мудром, и детском,—
Неумертвима тоска о ином...

1913. Август
Веймарн

БЕЖАТЬ В ЛЬЯНОСЫ!

Я в ранней юности любил Эмара,
Очарование его рассказов.
Моей фантазии, рабе экстазов,
Дороже многого семья омара...

Дороже многого душе фантаста
Вы, краснокожие, и вы, пампассы!
Все наши фабрики и все лампасы
За вас отдал бы я, как груз балласта.

Все дети города больны, курносы,
Бездушны женщины, мужчины грубы,
Вампиры в смокингах, в пальто инкубы...
Бежим, мечта моя, бежим в льяносы!

1910. Март

КАДРИЛЬОН

Грезить и плакать —
Плакать и грезить...
Больно и сонно,
Темень и склякоть...
Как пустозвонно
Пробило десять...
Плакать и грезить —
Грезить и плакать...

1908. Ноябрь

ЗНАКОМ ЛИ ТЫ?

Знаком ли ты с щемящею тоской
Унылых дней без проблесков, без ласки.
Крылатых грез тускнеют краски,
И ты — один!.. чужой!

И к бездне роковой ведет тебя стезя...
А можно б счастье знать, волшебнее чар юга!..
Но где искать тебя, подруга?
И можно б,— да нельзя!..

1908

ИЗ КАРМЕН СИЛЬВА

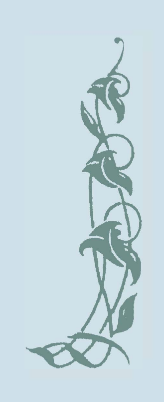
Скромнее будь в желаньях,
И воцарится мир:
Яд зависти к страданьям
Влечет ненастный мир.

О, зависть ненавистна
И рушит города...
Рай шепчет укоризну,
Ад манит в ворота.

Она заводит войны
И славу топчет в грязь,
И дерзко, и спокойно
Права клеймит, смеясь.

И материнской муки
Причиною она.
Поменьше грез от скуки,
И станет тишина.

1908. Сентябрь

ЕЕ ВНИМАНЬЕ

Ее вниманье, как зефир,
Коснулось струн души несчастного
И в ощущении прекрасного
Забыл, что я, как правда, сир...

Забилось доброе во мне,
Запело ласковыми струнами;
Я опьянел мечтами юными
И впечатленьями вполне.

Грустят со мною вечера...
Как хороши мои мучения!
В душе — горячее течение,
В душе — счастливая пора...

1907. 1-го июня
СПБ

МАДРИГАЛ

Увижу ль Вас, я Вами околдован,
В мечтах ли Вы, я грезой упоен.
Ах, знали б Вы, как ум мой очарован,
Когда Вы посещаете мой сон.
Владычица мной скованной короны.
Простите эти бледные штрихи:
Изящны Вы — как музыка «Миньоны»,
Как Мирры Лохвицкой стихи!

1908

ЛЕСНОЙ НАБРОСОК

Леса сосновые. Дорога палевая.
Сижу я в ельнике, костер распаливая.
Сижу до вечера, дрова обтесывая...
Шуршит зеленая листва березовая...
Пчела сердитая над муравейниками,
Над мухоморами и над репейниками,
Жужжит и кружится, злом обессиленная.
Деревья хвойные. Дорогая глиняная.

1911. Июнь
Елисаветино. Дылицы

УКОР

Каждый раз, дитя, когда увижу
 Твоего отца,
Я люблю тебя и ненавижу
 Без конца:

О тебе он мне напоминанье,
 О тебе укор...
И твоя любовь, твое страданье —
 Мой позор!

1908

ПОД ШУМ VICTORIA BAY *

КВАНТУНСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Грежу: пред мною Балтийские воды,
Цвета лазури, все в искрах — брильянтах,
Сердце в мелодиях, страстных варьянтах,
Счастья, прощенья, любви и свободы.
Разум мой ясен, светлы мои мысли;
Все ощущенья невинны и скромны.
Счастлив бедняга гонимый, бездомный...
В дали вечерней — земля. Остров? мыс ли?
Видишь? Что это? там, кажется, люди?
Значит, там есть идеалу преграда?
О, мне не надо людей! мне́ не надо!
О, не будите страданий вы груди!
Здесь так спокойно, пустынно и дико;
Но, умоляю, еще хоть минуту...
Если виновен, простите вину ту
Лишь на мгновенье... Без жалоб, без крика
После готов пострадать за мгновенье...
Здесь наберусь я любви всеобильной...
С духом подъятым и с верой всесильной
После прощу вам за ваши ж мученья!

Квантун
Порт Дальний, 5 августа,
1903

* Бухта «Виктория» в Желтом море (*прим. автора*).

ПЛЫВУ РЕКОЙ...

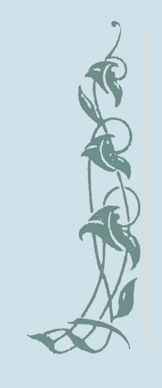
Плыву рекой, играющей и быстрой,
В таких крутых лесистых берегах,
Плыву один, и вспыхнувшею искрой
Блестит любовь минутная в мечтах.

Я поражен и слов не нахожу я
Изобразить мой ужас, мой восторг,
Что страсть во мне проснулась и, бушуя,
С рассудком вновь вступает в знойный торг!..

О неужель былые увлеченья
И их финал — мучительный кошмар —
Не загасили веру в наслажденье
И страсть мою — как буря, как пожар!

Но все равно: он выше размышленья,
В душе моей сверкнувший светлый луч!
Его ловлю и, если вновь паденье,
Пускай паду, достигнув новых круч.

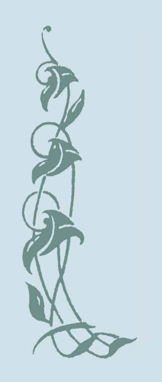
1908
Мыза Ивановка

НА МИГ

Случалось вам, я думаю, не раз
Любить на миг спокойное мерцанье
И задушевность незнакомых глаз,
В которых нечто вроде состраданья
Ласкало вас; и будь счастливец вы,
Или гонимый жизнию бродяга,—
Вам радостно... Не так ли для травы
Мила росы сочувственная влага?

1908
Мыза Ивановка

ВЕШНИЙ ЗВОН

ТРИОЛЕТЫ

1

Идет весна, поет весна,
Умы дыханьем кружит.—
Природа в миг пробуждена!
Звенит весна! шумит весна!
Весной никто не тужит!
Весною радость всем дана!
Живет весна — живит весна,
Весь мир дыханьем кружит!

2

Бегут ручьи, бурлят ручьи!
Играют, пляшут воды!
Купает солнце в них лучи!
Спешат, шумят, бурлят ручьи,
Как радостные годы.
И под лучами, как мечи,
Лед рубят бешено ручьи,
Ревут, бушуют воды!

3

Чаруют, трелят соловьи,
Плывут струи сирени...
Тревожит душу зов любви,
Сирень, весна и соловьи...
Мечты о страстном плене...
Нет сна... желание в крови...
Она — в мечтах... Ах, соловьи!
Ах, томный бред сирени!

4

Вокруг — все жизнь, любовь и свет,
Веселье, смех и розы!
Поет восторженно поэт
Весну, любовь, и жизнь, и свет,
Живительные грозы,
И то поет, чего и нет!..
Простим ему — так весел свет,
Так мелодичны розы!..

1908

СЕРЕНАДА

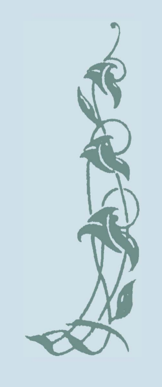
ХОРОВОД РИФМ

Как сладко дышится
В вечернем воздухе,
Когда колышатся
В нем нежных роз духи!
Как высь оранжева!
Как даль лазорева!
Забудьте горе Вы,
Придите раньше Вы,
Над чистым озером
В кустах акации
Я стану грез пером
Писать варьяции
И петь элегии,
Романсы пылкие
Без Вас — как в ссылке я,
При Вас же — в неге я.
Чего ж Вы медлите
В румянце золота?
Иль страсть исполота,
Слова не бред ли те?
Луны луч палевый
Пробрался. Перепел
В листве эмалевой
Росу всю перепил.
С тоской сердечною
Отдамся музе я,
Со мной иллюзии,
Вы, мифы вечные.
Как нервно молнии
Сверкают змеями.
Пойду аллеями,
Поеду в чёлне я
По волнам озера
Топить бессилие...
Как жизнь без роз сера!
О если б крылия!
Орлом по сини я
Проплыл чудесною
Мечтой, уныние
Проклявши тесное.

Но лживы роз духи —
Мои иллюзии,
Души контузии —
Больней на воздухе.
Высь стала сумрачна,
Даль фиолетова,
И вот от этого
Душа от дум мрачна.
Всё тише в пульсе я
Считаю маятник,
В груди конвульсии,—
И счастью — памятник!

1907

ШУТКА

Я помню: день смеялся блеском
Июльских солнечных лучей.
Форель заигрывала плеском,
Как дева — ласкою очей.

Лес щебетал в расцветшем гуле,
И вот пришли ко мне певцы,
Они запели об июле,
И песнь неслась во все концы.

Своею песней разукрасив
Плотину, мельницу и парк,—
Уехал милый Афанасьев
Из-под ветвей зеленых арк.

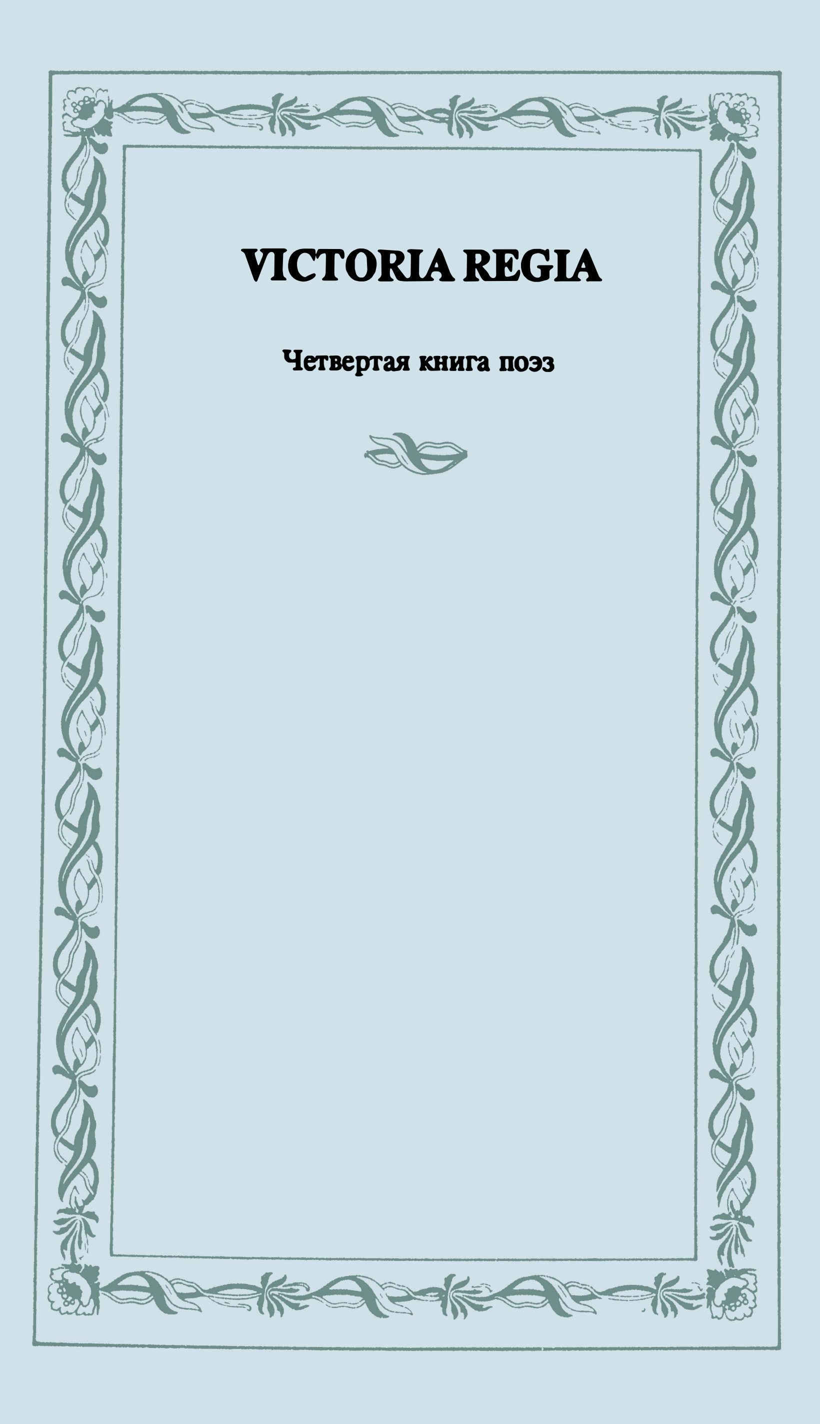
И вслед за ним вечерним часом,
Под звуки гимна моего,
Ушел отмеченный Парнасом
Мой незабвенный Комифо *.

1908. Октябрь

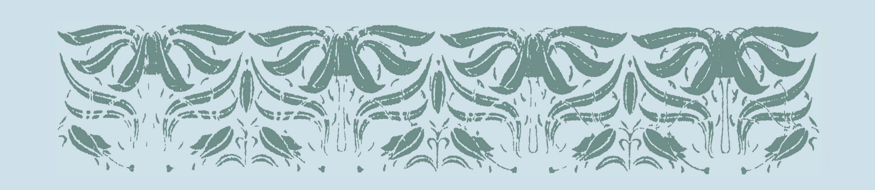
---

* Псевдоним К. М. Фофанова (*прим. автора*).

VICTORIA REGIA

Четвертая книга поэз

I. А САД ВЕСНОЙ БЛАГОУХАЕТ!..

ВЕСЕННИЕ ТРИОЛЕТЫ

Андрею Виноградову

Еще весной благоухает сад,
Еще душа весенится и верит,
Что поправимы страстные потери,—
Еще весной благоухает сад...
О, нежная сестра и милый брат!
Мой дом не спит, для вас раскрыты двери...
Еще весной благоухает сад,
Еще душа весенится и верит...

Еще благоухает сад весной,
Еще в глазах моих блестят слезинки,
Еще влекут в безвестное тропинки,—
Еще благоухает сад весной...
О, жизнь моя! Ты вся еще пред мной!
Черемух цвет пророчит мне снежинки...
Еще благоухает сад весной,
Еще в глазах моих дрожат слезинки...

А я устал! а юность позади!
Зачем же сад весной благоухает?
Взор отсверкал, померк и потухает.
И я устал... и юность позади...
О, жизнь моя! Ты вся еще в груди!
Вопью тебя,— и сердце воспылает!
Пусть я устал, пусть юность позади,
Но сад еще весной благоухает!..

1913. Веймарн. Мыза Пустомержа

ВОСТОРЖЕННАЯ ПОЭЗА

Восторгаюсь тобой, молодежь! —
Ты всегда,— даже стоя,— идешь,
Но идешь постоянно вперед,
Где тебя что-то многое ждет.
Не желаю я думать о том,
Что с тобою случится потом,
Что, спустя много весен и зим,
Будет твой крылолет отразим.
Но пока молодежь молода,
Не погаснет на небе звезда,
Не утопится солнце в воде,—
Да весенятся все и везде!
И смотрю я в сплошные глаза:
В них потоп, а в потопе — гроза,
А в грозе зацвели васильки...
Оттого — я, не зная тоски,
Так спою, что и ты запоешь,
Овосторженная молодежь!
Так грозово возгряну «ура»,
Что умрет безвоскресно вчера!
И вонзаю я в завтра копье,
Прославляя сегодня твое!

1914. Январь
Керчь

КУЗНЕЦ

Спеши к наковальне, кузнец!
Покуда здоров ты, покуда ты молод,
Куй счастью надежный венец!
Душою измолот, душою расколот,
Душою истерзан, когда, как свинец,
Жизнь станет тяжелой, и старости холод
Напомнит про глупый, нелепый конец,—
Тогда берегись, не хватайся за молот:
Тебе он изменит, кузнец!

1910

ПОЭЗА ДОВЕРИЯ

Верю небу! Верю морю!
Верю ночи! Верю дню!
Никого не опозорю!
Ничего не оскверню!

Верю солнцу! Верю смерти!
Верю вере и любви!
Каждой грезе! каждой жертве!
Слову вечному: «Живи»!

Верю в радость и страданье!
Верю в фабрику! в стихи!
Верю в строгое молчанье
И в вульгарное «хи-хи»!

Все приемлемо, все нужно,—
Это каждому скажи,
Как мне северно, как южно
Верить этой общей лжи.

1914. Февраль
Одесса

В ПОЛЕ

В полях созрел ячмень,
Он радует меня!
Брожу я целый день
По волнам ячменя.

Смеется мне июль,
Кивают мне поля.
И облако — как тюль,
И солнце жжет, паля.

Блуждаю целый день
В сухих волнах земли,
Пока ночная тень
Не омрачит стебли.

Спущусь к реке, взгляну
На илистый атлас;
Взгрустнется ли,— а ну,—
А ну печаль от глаз.

Теперь ли тосковать,
Когда поспел ячмень?
Я всех расцеловать
Хотел бы в этот день.

1909. Июль
Мыза Ивановка

НЕ ЗАВИДУЙ ДРУГУ

Не завидуй другу, если друг богаче,
Если он красивей, если он умней.
Пусть его достатки, пусть его удачи
У твоих сандалий не сотрут ремней...

Двигайся бодрее по своей дороге,
Улыбайся шире от его удач:
Может быть, блаженство — на твоем пороге,
А его, быть может, ждут нужда и плач.

Плачь его слезою! смейся шумным смехом!
Чувствуй полным сердцем вдоль и поперек!
Не препятствуй другу ликовать успехом:
Это — преступленье! Это — сверхпорок!

1909

ПРЕДЧУВСТВИЕ ПОЭМЫ

Душа все больше, все безгневней,
Все малодушнее она...
Я грежу летом и деревней,
И это значит — вновь весна!

О, неизменная невеста,
Подруга моего стиха,
Под взрывы птичьего оркестра
Встречай улыбно жениха!

Прости былые заблужденья,
Ошибки молодой любви
И, в ореле всепрощенья,
Вновь нареченным назови!

Своею негою измаяв,
Дай благостно с тобой возвлечь,
Чтоб на бессмертье Дочь обречь,—
Чрез двадцать шесть волнуйных маев,
Чрез двадцать шесть бесплотных встреч...

1914. Март
Петроград

ЛУЧИСТАЯ ПОЭЗА

Ан. Н. Чеботаревской

Я хочу быть росою двух цветущих цветов.
Я хочу быть стезею голубых голубков.
Я хочу быть солучьем двух лазурных планет.
Я хочу быть созвучьем между «да», между «нет»

Если буду росою, обрильянчу цветы.
Если буду стезею, олазорю мечты.
Если буду солучьем, я миры съединю.
Если буду созвучьем, я себя сохраню.

Так да буду собою и во веки веков!
Животворной росою двух цветущих цветов,
Бирюзовой стезею голубых голубков,
И солучьем созвездий, и созвучьем основ.

1913. Февраль

CARTE-POSTALE *

Сегодня я плакал: хотелось сирени,—
    В природе теперь благодать!
Но в поезде надо,— и не было денег,—
    И нечего было продать.

Я чувствовал, поле опять изумрудно,
    И лютики в поле цветут...
Занять же так стыдно, занять же так трудно,
    А ноги сто верст не пройдут.

Гулять же по городу, видеть автобус,
    Лицо проститутки, трамвай...
Но это же гадость! Тогда я взял глобус
    И, в грезах, поехал в Китай.

1912. Май
СПб

* Почтовая карточка (*фр.*).

МОНОЛОГ

Не правда ль? позорно дать руку тому,
Кто гибнет и верит, что можешь помочь ты...
Позорно и скучно, и странно... К чему —
Когда есть «летучие почты»,
Конфетти и шпоры, и танцы, и лесть?

Вот в том-то и ужас, что все это есть!

Когда же умрет он — бессильный, больной —
И в церковь внесут его прах охладелый,
Ты плакать, пожалуй, посмеешь!.. Иной
Подумает: «слезы души опустелой»...

Будь я мертвецом, я покинул бы гроб,
Согнул бы законов природы кольцо
И все для того, для того это, чтоб —
Тебе плюнуть в лицо!..

1909. Декабрь

РОНДОЛЕТ

Смерть над миром царит,
а над смертью — любовь!

Мирра Лохвицкая

«Смерть над миром царит, а над смертью —
любовь!»
Он в душе у меня, твой лазоревый стих!
Я склоняюсь опять, опечален и тих,
У могилы твоей, чуждой душам рабов.

У могилы твоей, чуждой душам рабов,
Я склоняюсь опять, опечален и тих,
«Смерть над миром царит, а над смертью —
любовь!»
Он в душе у меня, твой скрижалевый стих:

Он в душе у меня, твой скрижалевый стих:
«Смерть над миром царит, а над смертью —
любовь!»
У могилы твоей, чуждой душам рабов,
Я склоняюсь опять, опечален и тих.

Я склоняюсь опять, опечален и тих,
У могилы твоей, чуждой душам рабов,
И в душе у меня твой надсолнечный стих:
«Смерть над миром царит, а над смертью —
любовь!»

1910. Февраль

СОНАТА

Каждый вечер вы веете мимо
В темном платье и с бледным лицом,
Как гетера усладного Рима,
. . . .

Я всегда вижу только ваш профиль,
Потаенно-печальный овал
И в Магдалах ли вас, на Голгофе ль,
Только, помню, когда-то знавал.

На меня никогда, никогда вы
Не взглянули, не смели взглянуть:
Вашу память душили удавы,
И медянки окольчили грудь.

И пока полносердно с балкона
Я, лелея, смотрел вам во след,
Богоматери меркла икона,
И дрожал я войти в кабинет:

Мне казалось, что гасла лампада,
И пустел, закрываясь, киот...
Все я ждал, что из росного сада
Кто-то девно меня позовет...

И на миг несказанным обманут,
Я спешил на несказанный зов,
И не видел, как ландыши вянут
От моих недостойных шагов.

1911. Ноябрь

РОМАНС III

За каждую строку, написанную кровью,
За каждую улыбку обо мне,—
Тебе ответствую спокойною любовью
И образ твой храню в душевной глубине.

Не видимся ли миг, не видимся ль столетье —
Не все ли мне равно, не все ль равно тебе,
Раз примагничены к бессмертью цветоплетью
Сердца углубные в медузовой алчбе?..

О, да: нам все равно, что мы с тобой в разлуке,
Что у тебя есть муж, а у меня — жена.
Ищи забвения в искусстве и в науке.
И в сновидениях, и в грезности вина.

Работай и мечтай! читай, переживая!
Живи себе вовсю, отчаянно греша!
Ведь ты же человек! Ты — женщина живая!
Ведь не без тела же — она, твоя душа!

Я тоже не святой... Но со святой любовью
Благодарю тебя, отвоенный вполне,
За каждую мечту, проникнутую кровью,
За каждую твою слезинку обо мне!

1914. Март

ВЕСЕННИЕ РОНДЕЛИ

1

Опять Вы бродите в лесах,
Опять Вы бегаете в поле,
Вы рады солнцу, ветру, воле,
Вы снова в смутных голосах
Очарования и боли.
Опять Вы бродите в лесах,
Опять Вы бегаете в поле.
Я к Вам спешу на парусах
Своих экстазных своеволий,
Плету венки из центифолий,
И сердце — твердо на часах,
Пока Вы бродите в лесах.

2

Я вас не видел года два,
Но никогда не забываю,
Как выходил встречать к трамваю
И как кружилась голова.
Какие нежные слова,
Какое устремленье к маю!
Я Вас не видел года два,
Но никогда не забываю.
Два раза уж росла трава —
Я уходил к иному краю,
Но все по-прежнему сгораю
Желаньем видеть Вас у рва,
Где не встречал Вас года два!

3

Вы не видали средь осин
По направленью пятой горки
Сухие сморщенные корки
Того, что было — апельсин?
С другою женщиной, чей сын
Был создан мной на том пригорке,
Вы нас встречали средь осин,
По направленью к пятой горке?
Я спасся, спасся от трясин,

И вот опять один я в норке,
Мой разум ясен, взоры зорки,
И, что поэт опять один,
Вы не слыхали шум осин?

4

Вы мужу верная жена,
Но вам от этого не слаще
Грустите Вы все чаще, чаще,
Душа тоской поражена.
Мечта светла, мечта нежна,
Когда Вы с ней в ольховой чаще.
Вы мужу верная жена,
Но Вам от этого не слаще.
Как жизнь угрозна и страшна
В своей бездарности кричащей,
И где же выход настоящий
Тому, кто в ночь не знает сна,
Кто мужу верная жена?

5

Зажгла малиновый фонарь
И плачет на груди кузины.
Закат. Лиловые долины.
Томленье. И луна — янтарь.
Ей вспоминается январь.
Концерт и взор его орлиный.
Зажгла малиновый фонарь
И плачет на груди кузины.
Как обманул ее алтарь!
Грустит. Из небольшой корзины
На блюдечко кладет малины
И апатично, впредь как встарь,
Горит малиновый фонарь.

6

Ах, барышня, я Вас виню,
Что вы сестры не окрылили,
Что вместо каталога лилий
Позволили взглянуть в меню...
Я слов своих не изменю
И, без особенных усилий,

Ах, барышня, я Вас виню,
Что Вы сестры не окрылили.
Муж хочет есть? ну, дать свинью;
Глядишь, цыпленком угостили;
Но вы же сами — в «новом стиле»,
И вдруг — не допустить к огню?..
Да, барышня, я Вас виню...

1913
Мыза Пустомержа

ОНА И ОНИ

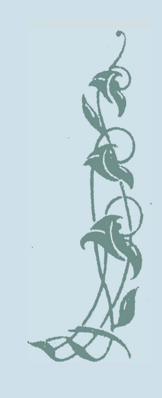
Ночеет парк, отишен весь бесстыжей тьмой.
Я прохожу, брожу во тьме, во тьме.
И знаю я, что ждет меня ее письмо.
И хорошо мне оттого, и сон — в уме.

Здесь нет ее, но здесь они, и много их.
Что ты шипишь, хрипишь, скрипишь, ворчишь,
скамья?
Да, я сидел на трухло-злых столбах твоих.
Да, до нее и не она была моя.

И много их. И мне не счесть. Ну да, ну да.
Все знаю я. Все помню. Хочу забыть,
Как на траве, как на скамье, как у пруда
Случайных дев хотел в мечту я осудьбить...

Душа вне тела, ты — мечта! А груда тел,
Тел вне души — возмездье жизни за мечту.
Пока я ею до конца не овладел,
Души другой (и ни одной) я не прочту...

1911. Ноябрь
Гатчина

ТАК УЖ СКАЗАЛОСЬ...

О своей любви Вы мне не говорите:
Я люблю мужа, у меня дети;
Не трудитесь расставлять сети,
А если пылаете,— сгорите!

Меня коробят ваши признанья,
Вы меня не уважаете. Оставьте.
От сантиментальностей избавьте,
Или — я скажу: «до свиданья».

Ах, я хотела сказать: «прощайте»,
А сказалось отчего-то: «до свиданья»...
Ну что же делать? В наказанье
И вы можете сказать мне: «прощайте...»

И дождетесь моего прощенья...
(Все должно прощаться до свиданья...)
О, не правда ли: мое оправданье —
Ваше наслажденье?

1911. Ноябрь

КОРРЕКТНОЕ ПИСЬМО

Тебе доверяюсь: сочувствуй иль высмей,
Но выслушай несколько строк.
Читая твои укоризные письма,
Я снова печален и строг.
Во многом права ты, мне данная Богом,
Сберечь от опасного рва,
Но, критик суровый, во многом, во многом,
Прости, не совсем ты права.
Тебя все смущает: но кто же он, кто он?
Нахал? сумасшедший? больной?
Новатор в глазах современников, клоун,
В глазах же потомков — святой.
Я разве не мог бы писать примитивно,
Без новых метафор и слов?
Я так и пишу иногда. Но наивно
Порой от запетых стихов.
Твой ласковый голос когда-то мне вырек
(Ты помнишь, мой друг дорогой?),
Что я не новатор, что я — только лирик,
Дитя с мелодичной душой...
Сужденье твое — мне закон: твой поклонник
Я весь,— с головы и до ног.
Допустим, я лирик, но я — и ироник...
Прости. Я подавлен и строг.

1912

ТИАНА

Тиана, как странно! как странно, Тиана!
Былое уплыло, былое ушло...
Я плавал морями, садился в седло,
Бродил пилигримом в опалах тумана...

Тиана, как скучно! как скучно, Тиана!
Мадлэна — как эхо... Мадлэна — как сон...
Я больше уже ни в кого не влюблен:
Влюбляются сердцем, но — как, если — рана?..

Тиана, как жутко! как жутко, Тиана!
Я пил и выплескивал тысячи душ
И девьих, и женских,— все то же; к тому ж
Кудесней всех женщин — ликер из банана!..

Тиана, как дико! мне дико, Тиана,
Вложить вам билеты в лиловый конверт
И ждать на помпезный поэзоконцерт:
Ведь прежде так просто — луна и поляна.

И вдруг — вы, снегурка, нимфея, лиана,
Вернули мне снова все миги тех лет,
Когда я был робкий, безвестный поэт,
О славе мечтавший,— без славы дурмана...
Тиана, как больно! мне больно, Тиана!

1913. Ноябрь

КЛАДБИЩЕНСКИЕ ПОЭЗЫ

I

Да, стала лирика истрепанным клише.
Трагично-трудно мне сказать твоей душе
О чем-то сладостном и скорбном, как любовь,
О чем-то плещущем и буйном, точно кровь.

И мне неведомо: хочу сказать о чем,
Но только надобно о чем-то. Быть плечом
К плечу с любимою, глаза в глаза грузя.
Там мало можно нам, а сколького нельзя.

Какою нежностью исполнена мечта
О девоженщине, сковавшей мне уста
Противоплесками чарующих речей,
Противоблесками волнующих очей!

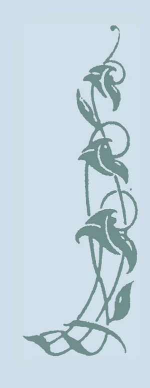
Не то в ней дорого, что вложено в нее,
А то, что сердце в ней увидело мое,
И так пленительно считать ее родной,
И так значительно, что нет ее со мной...

Мадлэна милая! Среди крестов вчера
Бродя с тобой вдвоем, я думал: что ж, пора
И нам измученным... и сладок был озноб,
Когда — нам встречные — несли дубовый гроб.

И поворачивали мы,— плечо к плечу,—
И поворотом говорили: «не хочу».
И вновь навстречу нам и нам наперерез,
И нагоняя нас, за гробом гроб воскрес.

И были мертвенными контуры живых,
Под завывания о мертвых дорогих,
И муть брезгливости, и тошнота, и страх
Нас в глушь отбросили...
                    Живой на мертвецах,
Как я скажу тебе и что скажу, когда
Все всяко сказано уж раз и навсегда?!

1914. Декабрь

II

Вы на одиннадцатом номере, из Девьего монастыря,
Домой вернулись в черной кофточке и в шляпе
беломеховой,
С лицом страдальческим, но огненным,
сребоморозовой мечтой горя,
И улыбаясь смутно-милому, чуть вздрагивая головой.

И было это в полдень солнечный, в одну из наших
зимных встреч
На парковоалейных кладбищах, куда на час иль
полтора
Съезжались мы бесцельно изредка,— давнишние ль
мечты сберечь,
Глаза ль ослёзить безнадежностью иль в завтра
претворить вчера...

Как знать? Да и зачем, любимая? Но «незачем»
больней «зачем»:
«Зачем» пленительно безвестностью, а «незачем»
собой мертво.
Так мы встречались разнотропные, наперекор всему
и всем,
Мы, не встречаться не сумевшие во имя чувства
своего...

Ни поцелуя, ни обручия — лишь слезы, взоры и слова.
Слегка присев на холм оснеженный, а часто — стоя
тайный час.
Какой озлобленною нежностью зато кружилась голова!
Какою хлесткой деликатностью звучало — «Вы»,
и «Вам», и «Вас».

Назвать на «ты» непозволительно; и в голову мне
не придет
Вас звать на «ты», когда действительно Вам дорог
Ваш привычный муж.
Особенно Вы убедительна, что легче не встречаться
год,
Что эти встречи унизительны, что надобность
скрывать их — ужас!..

О, любящая двух мучительно! Вам муж как мне моя
жена:

Ни в мужа, ни в жену влюбленные, и ни в друг
друга — в Красоту!
Пленительнейшая трагедия! Душа, ты скорбью
прожжена!
Зато телесно неслиянные, друг в друге видим мы
Мечту!

1914. Декабрь

ВАРИАЦИЯ

Весна — и гул, и блеск, и аромат...
Зачем мороз снежинки посыпает?
Наряд весны нежданной стужей смят,
А сад еще весной благоухает!..

Но солнце вновь дробит лучистый звон
И лед в лучах певучих растопляет —
Опять весна взошла на пышный трон,
И снова сад весной благоухает!

1908. Ноябрь

ПОЭЗА МАЙСКИХ ДНЕЙ

Какие дни теперь стоят!
Ах, что это за дни!
Цветет, звенит, щебечет сад,
Господь его храни!

И нет кузнечикам числа,
Летящим на восток,
Весна себя переросла,
И рост ее — жесток...

У моря, в липовой тени,
Стада на берегу.
Я не могу в такие дни
Работать, не могу!..

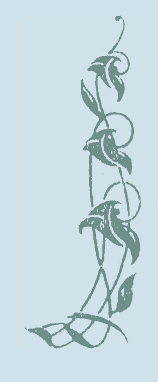
Ах, что же делать мне с собой?
Я весь сплошная лень:
В такие дни я сам не свой,
Ведь в эти дни — сирень!

Безволно море. Синегладь.
А небо — как оно.
Нельзя ни грезить, ни желать,
Чего-то не дано...

Чего-то жду, кого-то жду...
Так страстно жду весь день...
Сирень, сирень в моем саду!
В моем саду — сирень!

Цвети, звени, пылай, мой сад,
Господь тебя храни!
Какие дни теперь стоят!
Ах, что это за дни!

1914. Май
Эст-Тойла

БАЛТИКА

БАЛТИЙСКАЯ ПОЭЗА

1

О, море нежное мое, Балтийское,
Ты — миловиднее всех-всех морей!
Вот я опять к тебе, вот снова близко я,
Тобой отвоенный, для всех ничей...

2

О, Сканда-Балтика, невеста Эрика!
Тебе я с берега
Дарю венок...
Ты, лебедь белая, голубка сизая,
Поешь капризово
У барда ног.

3

В цветах апрелести,
В улыбках весени,
В алмазах юности,
В мечтах любви
Пою я прелести
И тоны плесени,
И среброструнности,
Мое, твои!

4

О дева-женщина!
Ты овселенчена
Своими предками,
Родивши их...
Клич орлий викингов
Зыбучих митингов
Словами меткими
Вмещаешь в стих.

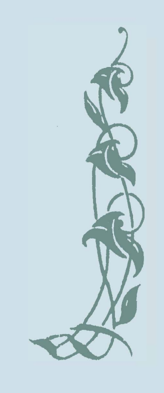

5

Фатой венечною
Туман опаловый
Тебя изласкает
И задраприт,
И негой вязкою
Закат коралловый
Лазурно-млечное,
В тебе сгорит.

6

Да, я опять к тебе! Да снова близко я
И вновь восторженно тебя пою,
О, море милое мое, Балтийское,
Ты, воплотившее Мечту мою!

БАЛТИЙСКИЕ КЭНЗЕЛИ

В пресветлой Эстляндии, у моря Балтийского,
Лилитного, блеклого и неуловимого,
Где вьются кузнечики скользяще-налимово,
Для сердца усталого — так много любимого,
Святого, желанного, родного и близкого!

И в час ранне-утренний, и в полдень обеденный,
И в сумерки росные в мой сад орезеденный
В пресветлой Эстляндии, у моря Балтийского,
Столпляются девушки... Но с профилем Эдиным
Приходит лишь изредка застенчиво-рисково...

О, с профилем Эдиным! Мне сердце обрызгала
Косою — оволнила. И к берегу южному
Залива Финляндского, сквозь девушек дюжину,
Все ближе ледяная сафирно-жемчужная
Пресветлой Эстляндии царица Балтийская!

1914. Май
Эст-Тойла

ЭСТЛЯНДСКАЯ ПОЭЗА

Андрею Виноградову

Распахните все рамы у меня на террасе, распахните
все рамы —
Истомило предгрозье. Я совсем задыхаюсь. Я совсем
изнемог.
Надоели мне лица. Надоели мне фразы. Надоели мне
«дра́мы»
Уходите подальше, не тревожьте. Все двери я запру
на замок.

Я весь день, и весь вечер просижу на террасе,
созерцая то море,
То особое море, нет которому равных во вселенной
нигде.
Помню Ялту и Дальний, и Баку с Таганрогом. На
морях,— я не спорю.
Но Балтийское море разве с теми сравнится при
Полярной звезде?..

Это море — снегурочка. Это море — трилистник.
Это — вишен цветенье.
Это призрак бесчертный. Эрик принц светлоокий.
Это море Лилит.
Ежецветно. Капризно. Несказанно больное. Всё порыв.
Все — мгновенье.
Всё влеченье и зовы. Венценосная Сканда. Умоляя —
велит.

Оттого-то и дом мой — над отвесным обрывом
любимого моря.
Миновало предгрозье. Я дышу полной грудью.
Отдыхаю. Живу.
О, сказанья про Ингрид! О, Норвегии берег!
О, эстляндские зори!
Лишь в Эстляндии светлой мне дано вас увидеть
наяву! наяву!

1914. Май
Эст-Тойла

ОСЕНИ ПРЕДЧУВСТВИЕ

Заалеют клены и залимонеют, будут ало-желты.
Побуреет в бурях море голубое, голубое небо,
Будет в зорях холод, в вечерах — угрозье, в полднях —
хлаже золото.
Хочешь иль не хочешь — сердцем затоскуешь
от немого гнева.

Ах, земле сочувствуй,— осудить опасно: после
жатвы тяжко.
Надо же на отдых: хлеб свой оправдала
труженица-матка.
Всех она кормила: и крестьян, и птичек, травку,
и барашка.
Смертно вы устали: ты, земля и лошадь, рыжая
лохматка.

Отдохните осень, отдохните зиму. Пробудитесь
к марту.
С помощью Господней, помощью надежной, снова
за работу.
Приходи, старуха, в старой желтой кофте!
Вымечи-ка карту
На свою погибель, предсказавши солнцу к маю
позолоту.

1914. Май
Эст-Тойла

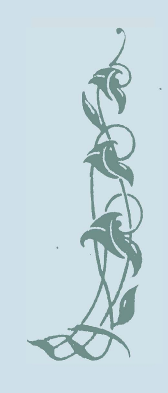
ПИСЬМО НА ЮГ

Наш почтальон, наш друг прилежный,
Которому чего-то жаль,
Принес мне вашу carte-postale
В лиловый, влажный, безмятежный
Июньский вечер. Друг мой нежный,
Он отменил мою печаль —
Открытки вашей тон элежный.

Мы с вами оба у морей,
У парусов, у рыб, у гребли.
Вы в осонетенном Коктэбле,
А я у ревельских камней,
Где, несмотря на знои дней,
Поля вполную не нахлебли,
Но с каждым днем поля сильней.

...Скажи, простятся ль нам измены
Селу любезному? Зачем
Я здесь вот, например? И с кем
Ты там, на юге? Что нам пены
В конце концов?!.. что нам сирень?!..
Я к *нам* хочу! и вот — я нем
У моря с запахом вервэны...

1914. Июнь
Эст-Тойла

ЭКСТАЗА

О, ландышевая сирень! оранжевые облака!
Закатно-лимонное море безвольное!
Несбыточная Мадлэн! О, веровая тоска!
О, сердце,— минувшим, как будущим, полное.
И только. И больше ни чувства, ни слова.
Все живо, как прежде.
Как прежде, все ново.
Как прежде!..
Бессмертные настроения:
Сирень ландышевая...
Облака оранжевые...
В надежде
Да святится мгновение!

1914. Июнь
Эст-Тойла

ВЕРВЭНА

Как пахнет морем от Вервэны
И устрицами, и луной!
Все клеточки твои, все вены
Кипят Вервэновой волной.

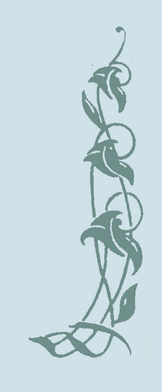
Целую ли твои я веки,
Смотрюсь ли в зеркала очей,
Я вижу сон чаруйный некий,
В котором море все свежей.

Неистолимою прохладой
Туда, где крапчатый лосось.
Где чайка взреяла Элладой,
Влекусь я в моревую сквозь.

Но только подойду я к морю,
Чтоб тронуть шлюпки бичеву,
Со сном чаруйным впламь заспорю,
К тебе у моря воззову!

Повеет от волны Вервэной,
Твоею блузкой и косой.
И, смутным зовам неизменный,
Я возвращусь к тебе с тоской.

1914. Июнь
Эст-Тойла

ПИСЬМО ХОРОШЕЙ ДЕВУШКИ

Милый, добрый! пожалейте
Бедную свою пичужку:
Мельницу сломали нашу,
Нашу честную старушку.

Больно. Тяжко. Бестолково.
Все былое рушат, губят.
Люди ничего святого,
Дорогого нам, не любят!

Знали б вы, как я тоскую!..
Потоскуемте же вместе...
Может быть, теперь пивную
Выстроят на этом месте?!..

Пусть не смеют,— я сломаю!
Отомщу за честь старушки!
Добрый, милый! вы поймите:
Няня!.. мельница!.. игрушки!..

1914. Июнь
Эст-Тойла

РОНДЕЛЬ БЕЛОЙ НОЧИ

Сегодня волны не звучат,
И облако — как белолилия.
Вот английская эскадрилия
Плывет из Ревеля в Кронштадт.
Ты на балконе шоколад
Кусаешь, кутаясь в мантилии.
Сегодня волны не звучат,
И облака — как белолилии.
Я у забора. Горный скат.
Ах, ленно сделать мне усилия —
Сбежать к воде: вот если б крылия!
Я странной немотой объят
И жутью: волны не звучат.

1914. Июнь
Эст-Тойла

ОКТАВА

Татьяне Краснопольской

Заволнуется море, если вечер ветреет.
Если вечер ветреет, не слыхать мандолин.
А когда вечер сонен, заходи,— и зареет
И зареет над морем голубой Вандэлин.
Вандэлин околдует, Вандэлин обогреет,
Обогреет живущих у студеных долин.
    У студеных долин, где приют голубей,
    Замиражится принц бирюзы голубей!

1910. Август

ПОЭМА МЕЖДУ СТРОК

1

Мечты мои всегда у моря —
Того, откуда я бежал,
Себя безвольем опозоря,
Боясь любви, как змейных жал...

Я помню: сумерки лиловы...
Да, север, сумерки и май...
Идем втроем. Их две. Как новы!
Как неисчерпанны! — познай!

Олесенное побережье
И повороты, и холмы...
Какая нега! фразы реже...
И нет ли нас? И есть ли мы?

Ах, я не знаю, не узнаю,
Как я не знал тогда, тогда!..
Но к северу, но к морю, к маю! —
Всегда не здесь, всегда туда!

Не от того, что здесь мне плохо:
Мне лучше, мне милее здесь,
Но не сдержать о прошлом вздоха,
И я,— так что ж? — я в прошлом весь...

2

Стояли в полночь у обрыва
Я, мой Перунчик и жена...
Как Эда Финского залива,
Светила бледная луна...

О *той* я думал. У рыбачьих
Хибарок, лодок и сетей
Сверкнули глаза два горячих,
Меня зовущих из ветвей...

Я вздрогнул,— я шагнул для спуска!
Смелей с уступа на уступ!

Звала батистовая блузка
И очерк тех,— вервэнных,— губ...

Но тихо мне жена сказала
С неизменившимся лицом:
«Пусть подождет дочь адмирала,
Не торопись,— мы все сойдем»...

Как можно было в силуэте
Среди деревьев, сверху вниз,
Узнать соперницу,— в ответе
Нуждается такой сюрприз...

3

Дни, лепестковые как розы!..
Вдыхали счастья впопыхах!..
...Елены Яковлевны слезы,
И мой перед слезами страх...

Забуду ли и вас, профессор,
Анатом, сводник и хитрец,
Ползун по скалам и повеса,
Рогатых жен родной отец?..

Забуду ли террасу с пивом,
Ваш разговор с моей женой,
И тут же фразу: «под обрывом»,
Закушенную ветчиной?...

Забуду ли и нашу шлюпку
И бурноволновый волан?
Скидаемую быстро юбку,
На пляже позы «под Дункан»?..

А после звука Берлиоза —
Ее призыв в ночных полях!..
...Елены Яковлевны слезы,
И мой перед слезами страх?..

1914. Август
Мыза Ивановка

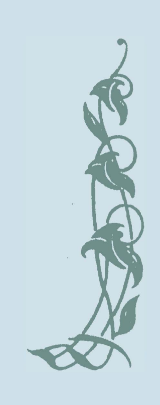
ЯБЛОНЯ-СОМНАМБУЛА

Спит белая вешняя яблоня.
Ей любо, как девушке, грезить.
Что, в зеркале неба корабль луня,
Восходит тоскующий месяц.

Плывет над землею он алчною,
Во влажном скользит малахите.
Он дышит дыханием яблочным
И сердце ее он похитил.

О грезы! К нему вы зареяли...
Вас месяц приветливо встретил...
Вам знойно,— просите о веере,—
И жар вам овеерит ветер.

1910. Ноябрь

ИЗ ЦИКЛА «СИРИУС»

СОНЕТНЫЙ ВАРИАНТ

О ты, звезда лазоревого льда,
Ты, Сириус сверкательно-кристальный,
Есть на тебе дворец,— он весь хрустальный!
Вокруг него серебрится вода;
Повсюду снег; но снег тот не печальный:
Лазурно-бел и бархатно-пушист;
Он вид всегда хранит первоначальный
И до сих пор, как в день созданья, чист.
Я покажу тому, чей взор лучист,
Все чудеса открытой мной планеты.
Вы слышите? — поют мои сонеты.
Ледяный стих серебрян и душист.
Лети, корабль, на Сириус,— туда,
В кольцо волшбы лазоревого льда!

1909. Декабрь

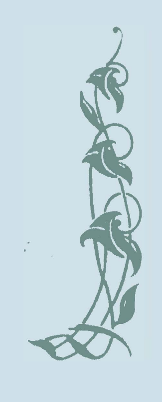
ВЕЧЕРОМ ЖАСМИНОВЫМ

Сонным вечером жасминовым, под лимонный плеск
луны,
Повстречалась ты мне, грешница, с белой лилией в
руке...
Я приплыл к очам души твоей по лунящейся реке...
Берега дремали хлебные — золотые галуны.

Распустила косу русую,— проскользнула в рожь коса
И скосила острым волосом звездоликий василек.
Улыбнулась, лепестковая, и завился мотылек —
Не улыбка ль воплощенная?.. Загудело, как оса...

Сердце тихо очаровано... Сердце ранено чуть-чуть...
Захлебнулся ум в забвении... Вдалеке — виолончель...
Сонным вечером жасминовым сядь на лунную качель:
Будет с лилиями грешница и чарующая чудь...

1910. Март

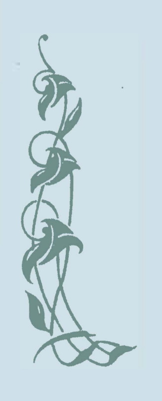

ЭТО ТОЛЬКО В ЖАСМИН...

Это только в жасмин... Это только в сирень...
Проклинается город надрывно...
Заночеет бело,— и в простор деревень
Окрыляется сердце порывно...

И не хочется сна... И зачем ты один?..
Кто-то бродит в ничем... Что-то в ком-то...
Это только в сирень... Это только в жасмин...
Это только узоры экспромта...

1912. Весна

И ОНА УМЕРЛА МОЛОДОЙ...

Я хочу умереть молодой...

Мирра Лохвицкая

И она умерла молодой,
Как хотела всегда умереть!..
Там, где ива грустит над водой,
Там покоится ныне и впредь.
Как бывало, дыханьем согреть
Не удастся ей сумрак густой,
Молодою ждала умереть,
И она умерла молодой.

От проезжих дорог в стороне
Есть кладбище, на нем — островок,
И в гробу, как в дубовой броне,
Спит царица без слез, без тревог,
Спит и видит сквозь землю — насквозь —
Кто-то светлый склонился с мечтой
Над могилой и шепчет: «Сбылось,—
И она умерла молодой».

Этот, грезой молящийся,— кто?
Он певал ли с почившей дуэт?
Сколько весен душой прожито?
Он поэт! Он поэт! Он поэт!
Лишь поэту она дорога,
Лишь поэту сияет звездой!
Мирра в старости зрила врага,—
И она умерла молодой.

1909. Май

НЕТ НИЧЕГО

Молодость кончилась как-то сразу.
Ночью увяла в саду сирень.
Я не влюбляюсь больше ни разу.
Даже лениться, лениться — лень!

Было когда-то все голубое:
Негодованье, порыв, тоска.
Было когда-то все молодое,
И безразличье — теперь, пока...

Но если «пока» — навек, без срока?
Удастся ль в «опять» претворить его?
Надеюсь безумно! хочу жестоко!
И нет ничего, как нет ничего!..

1914. Сентябрь
Мыза Ивановка

ЗАГОРНОЙ...

В столице Грузии загорной,
Спускающейся по холмам
К реке неряшливо-проворной,
Есть милое моим мечтам.

Но тем странней мое влеченье
В те чуждые душе края,
Что никакого впечатления
От них не взял на север я.

И тем страннее для рассказа
Что не смутила ни на миг
Меня загадочность Кавказа
(Я Лермонтова не постиг)...

Однако в Грузии загорной
Есть милое моим мечтам:
Я вижу женщину, всю черной,
Кому я имени не дам.

Она стройна, мала и нервна,
Лицо бескровно, всё — вопрос,
Оно трагически безгневно
И постоянно, как утес.

Уста умершей; уголками
Слегка опущены; сарказм
И чувственность — в извечной драме;
В глазах,— угрозье горлоспазм.

Не встретите на горных шпилях
Ее «с раздумьем на челе»:
Она всегда в автомобилях,
Она всегда навеселе!

Я не пойму — ты явь иль пена
Прибоя грёз моих, но ввек
Ты в памяти запечатленна,
Нечеловечий человек.

1913. Октябрь

СЕГОДНЯ НЕ ПРИДУ

Сегодня не приду; когда приду — не знаю...

Ее телеграмма

«Сегодня не приду; когда приду — не знаю...»
Я радуюсь весне, сирени, солнцу, маю!
Я радуюсь тому, что вновь растет трава!
— Подайте мой мотор. Шоффэр, на Острова!

Пускай меня к тебе влечет неудержимо,
Мне хочется забыть, что я тобой любима,
Чтоб чувствовать острей весенний этот день,
Чтоб слаже тосковать...
— В сирень, шоффэр! в сирень!

Я так тебя люблю, что быть с тобою вместе
Порой мне тяжело: ты мне, своей невесте,
Так много счастья дал, собой меня впитав,
Что отдых от тебя среди цветов и трав...

Пощады мне, молю! Я требую пощады!
Я видеть не могу тебя и мне не надо...
— Нельзя ли по морю, шоффэр?.. а на звезду?..
Чтоб только как-нибудь: «Сегодня не приду...»

1914. Июнь
Эст-Тойла

АМУЛЕТЫ

Звенели ландыши во мху,
Как серебристый колокольчик,
И белки в шубках на меху,
Сгибали хвостики в колечки.
О, красота пушистых кольчек!
О, белок шустрые сердечки!

И было красочно везде
В могучий, бравый полдень мая;
И птички трелили в гнезде,
Кричали утки, как китайцы,
И, хворост радостно ломая,
Легко попрыгивали зайцы.

Была весна, был май — сам сон!
Любилось пламенно, но строго...
Был пышнокудр еще Самсон!..
Коляска, тройка и бубенчик...
К тебе знакомая дорога...
О май! о белочка! о птенчик!

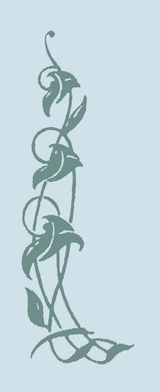
1910. Февраль

ВЕСЕННИЙ МАДРИГАЛ

В душистом белорозовом горошке
Играют две батистовые крошки.
Постукивают ножки по дорожке.
Показывает бонна детям рожки.
О, фрейлейн! Вы и пара ваших крошек —
Душистый белорозовый горошек.

1911. Май

СЕРДЦУ ДЕВЬЕМУ

Сонке

Она мне принесла гвоздику,
Застенчива и молода.
Люблю лесную землянику
В брильянтовые холода.

Рассказывала о концерте
И о столичном том и сем;
Но видел поле в девьем сердце,
Ручьи меж лилий и овсом.

Я знаю: вечером за книгой,
Она так ласково взгрустнет,
Как векше, сердцу скажет: «прыгай!»
И будет воль, и будет гнет...

С улыбкою, сомкнув ресницы,
Припомнит ольхи и родник,
И впишет четкие страницы
В благоуханный свой дневник.

1913

ЗАКЛИНАНИЕ

Татиане Краснопольской

На клумбе у меня фиалка
Все больше — больше с каждым днем.
Не опали ее огнем,
Пчела, летучая жужжалка.
Тебе ее да будет жалко,
Как мне тебя: мы все уснем.

1914. Май
Эст-Тойла

ОДНО ИЗ ДВУХ

Ты в жизнь вошла в колье жемчужном
Горда, сверкательна, строга.
Глаза, проникнутые южным,
Омраченные жемчуга.

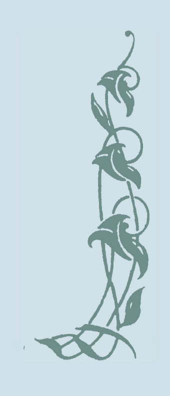
И встреченному незнакомцу,
Который так безбрежно жил,
Ты поклонилась, точно солнцу,
И встречный близок стал и мил.

Сердца улыбно укачали
И утомились до зерна.
Но жемчугов твоей печали,
Как прежде, матовость черна.

Твой черный жемчуг целомудрен,
Невинна темная душа,
И девственный твой лик окудрен.
Ты отрицаньем хороша.

Ты ждешь со страстностью упорной
Иного встречного, когда
Зарозовеет жемчуг черный,
А нет — погаснет навсегда!

1913. Январь

ПЕСЕНКА ГОРНИЧНОЙ

Пошла бродить я по полю
И прислонилась к тополю...
Смотрю: а рядом перепел
Всю воду в луже перепил...
Смотрю, лягушек дюжина
На солнышке сконфуженно
Присела и не прыгает,
Ногами только дрыгает...
Залюбовалась пчелками
С взлохмаченными челками
И восхитилась осами
С расчесанными косами...
Глазами жадно-прыткими
Любуясь маргаритками,
Я собрала букетики
Себе и другу Петьке...
В лесу, у муравейника,
Связала я три веника
И поспешила вечером
Я на свиданьем с кучером...

1911. Июль
Дылицы

ПОЭЗА ТРЕХ ПРИНЦЕСС

Моя дежурная адъютантэсса,—
Принцесса Юния де Виантро,—
Вмолнилась в комнату бодрей экспресса,
И доложила мне, смеясь остро:

— Я к вам по поводу Торквато Тассо...
В гареме паника. Грозит бойкот...
В негодованьи княжна Инстасса,
И к светозарному сама идет.

Мне даже некогда пригубить жало,
И взор сиреневый плеснуть в лазорь:
Бегу — мороженое из фиалок
Вам выльдить к празднику Лимонных Зорь...—

И фиолетовая, как черника,
Фигурка Юнии газелит в сад.
Дверь раскрывается, и Вероника
Уже готовится журчать доклад:

— Я к вам по поводу Торквато Тассо...
В гареме паника. Грозит бойкот...
В негодовании княжна Инстасса,
И к светозарному сама идет.

Но-ах! мне некогда к Вам на колени.
«Кальвиль раздорная» среди принцесс:
Варить приходится ликер сирени
Для неисчерпываемых поэз.—

И точно ласточка в окно порхнула,
Слегка вервэною проколыхав...
Виолончелили от меццо-гула
В саду наструненные души трав.

И в этих отгулах рванулись двери,—
И изумительнейший гастроном,
Знаток изысканнейших эксцессерий,
Инстасса въехала на вороном.

— Мы, изучавшие Торквато Тассо
По поведению, по твоему,—
Все перессорились... Но я, Инстасса,
Всех оправдаю я и всё пойму.

Утишу бешенство и шум базарный,
Всех жен разрозненных объединя,
Лишь ты, мечтанный мой, мой светозарный,
Впусти не в очередь к себе меня!

1915. Январь

ПИСЬМО-РОНДО

С курьерским, в пять, я радостно приеду
К тебе, Олег, и будешь ты опять
Встречать меня. Везу тебе победу
        С курьерским, в пять.

Что хочешь, делай все со мной. Распять
Ты, может быть, свою захочешь Эду
За годы те, что нам пришлось страдать.

Простишь ли, нет — неважно мне. Но «Леду»
Изволь к пяти на станцию прислать:
Имей в виду, что буду я к обеду,
        С курьерским, в пять.

1915. Январь

МЕТЁЛКА-САМОМЁЛКА

С утра ушел Ермолка
К елани по грибы.
Метелка-самомелка
В углу его избы.

Ермолкина светелка
Углами не красна.
Метелка-самомелка,
Изба тебе тесна!

Вдруг ощетинясь колко,—
Без цели, без пути,—
Метелка-самомелка
Пошла себе мести!

Окурок и иголку,
Опорки, самовар
Метелка-самомелка
Гребет, войдя в ковар.

Сгребает все без толка
В Ермолкиной избе
Метелка-самомелка
Смеется, знай себе.

Айда на двор! глядь, елка!
А там и целый лес...
Метелка-самомелка
Сильна, как Геркулес.

Как будто богомолка
В мужском монастыре,
Метелка-самомелка
Ширеет на дворе.

Глядь, мельня-мукомолка,—
И тотчас же мука
Метелкой-самомелкой
Взвита под облака.

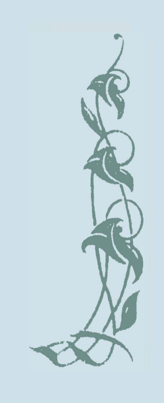
Сметает рощи, волка,
Деревни, города.
Метелка-самомелка
Метением горда.

Такая уж весёлка:
На нивы, хоть мала,
Метелка-самомелка
Все реки намела!

Всё в кучу: слон и кролка!
Америка, Китай!
Метелка-самомелка
Мети себе, катай!

...Метелка-самомелка,
Где, бывшее Землей?..
Живи в веках, Ермолка,
Прославленный метлой!

1914. Июль
Мыза Ивановка

ПОЭЗА ДЕТСТВА МОЕГО И ОТРОЧЕСТВА

1

Когда еще мне было девять,
Как Кантэнак — стакана, строф
Искала крыльчатая лебедь,
Душа, вдыхая Петергоф.
У нас была большая дача,
В саду игрушечный котэдж,
Где я, всех взрослых озадача,
От неги вешней мог истечь.
Очарен Балтикою девной,
Оласкан шелестами дюн,
Уже я грезил королевной
И звоном скандинавских струн.
Я с первых весен был отрансен!
Я с первых весен был грезэр!
И золотом тисненный Гранстрэм —
Мечты галантный кавалер.
По волнам шли седые деды —
Не паруса ли каравелл? —
И отчего-то из «Рогнеды»
Мне чей-то девий голос пел...
И в шторм высокий тенор скальда
Его глушил — возвестник слав...
Шел на могильный холм Руальда
По брынским дебрям Изяслав.
Мечты о детстве! вы счастливы!
Вы хаотичны, как восторг!
Вы упояете, как сливы,
Лисицы, зайчики без норк!

2

Но все-таки мне девять было,
И был игрушечный котэдж,
В котором — правда, это мило? —
От грез ребенок мог истечь...
В котэдже грезил я о Варе,
О смуглой сверстнице, о том,
Как раз у мамы в будуаре
Я повенчался с ней тайком.
Ну да, наш брак был озаконен,
Иначе в девять лет нельзя:

Коробкой тортной окоронен,
Поцеловал невесту я.

3

Прошло. Прошло с тех пор лет двадцать,
И золотым осенним днем
Случилось как-то мне скитаться
По кладбищу. Цвело кругом.
Пестрело. У Комиссаржевской
Благоухала тишина.
Вдруг крест с дощечкой, полной блеска
И еле слышимого плеска:
Варюша С.— Моя жена!
Я улыбнулся. Что же боле
Я сделать мог? Ушла — и пусть.
Смешно бы говорить о боли,
А грусть... всегда со мною грусть!

4

И все еще мне девять. Дача —
В столице дач. Сырой покров.
Туман, конечно. Это значит —
Опять все тот же Петергоф.
Сижу в котэдже. Ряд плетеных
Миньонных стульев. Я — в себе,
А предо мною два влюбленных
Наивных глаза. То — Бэбэ.
Бэбэ! Но надо же представить:
Моя соседка; молода,
Как я, но чуточку лукавит.
Однако, это не беда.
Мы с ней вдвоем за файв-о-клоком.
Она блондинка. Голос чист.
И на лице лазурнооком —
Улыбка, точно аметист.
Бэбэ печальна, но улыбит
Свое лицо, а глазы вниз.
Она молчит, а чай наш выпит,
И вскоре нас принудит мисс,
Подъехав в английской коляске,
С собою ехать в Монплезир,
Где франтам будет делать глазки,
А дети в неисходной ласке
Шептать: «но это ж... votre plaisire?..»

5

Череповец! пять лет я прожил
В твоем огрязненном снегу,
Где каждый реалист острожил,
Где было пьянство и разгул.
Что ни учитель — Передонов,
Что ни судеец — Хлестаков.
О, сколько муки, сколько стонов,
Наивно-жалобных листков!
Давно из памяти ты вытек,
Ничтожный город на Шексне,
И мой литературный выдвиг
Замедлен по твоей вине...
Тебя забвею. Вечно мокро
В твоих обельменных глазах,
Пускай грядущий мой биограф
Тебя разносит в пух и прах!

6

О, Суда! голубая Суда!
Ты, внучка Волги! дочь Шексны!
Как я хочу к тебе отсюда
В твои одебренные сны!
Осеверив свои стремленья,
Тебя с собой перекрылив
К тебе, река моя,— оленья
За твой стремительный извив.
Твой правый берег весь олесен,
На берегу лиловый дом,
Где возжигала столько песен
Певунья в тускло-золотом.
Я вновь желаю вас оперлить,
Река и дева, две сестры.
Ведь каждая из вас, как стерлядь:
Прозрачно-струйны и остры.
Теките в свет, душой поэта,
Вы, русла моего пера,
Сестра-мечта Елисавета
И Суда, греза и сестра!

Петербург
Декабрь. 1912

КОЛЬЕ РОНДО

Александру Толмачеву

1

В мимозах льна, под западные блики,
Окаменела нежно влюблена,
Ты над рекой, босая и в тунике,
    В мимозах льна.

Ты от мечтаний чувственных больна.
И что-то есть младенческое в лике,
Но ты, ребенок, слабостью сильна

Ты ждешь его. И кличешь ты. И в клике
Такая страстность! Плоть закалена
В твоей мечте. Придет ли твой великий
    В мимозы льна?

2

Окаменела, нежно влюблена
И вот стоишь, безмолвна, как Фенелла,
И над тобой взошедшая луна
    Окаменела.

Твое лицо в луненьи побледнело
В томлении чарующего сна,
И стало все вокруг голубо-бело.

Возникнуть может в каждый миг страна,
Где чувственна душа, как наше тело.
Но что ж теперь в душе твоей? Она
    Окаменела.

3

Ты над рекой, босая и в тунике,
И деешь чары с тихою тоской.
Но слышишь ли его призыво-крики
    Ты над рекой?

Должно быть, нет: в лице твоем покой,
И лишь глаза восторженны и дики,
Твои глаза, колдунья под луной!

Воздвиг камыш свои из речки пики.
С какою страстью бешеной, с какой
Безумною мольбою к грёзомыке —
Ты над рекой!

4

В мимозах льна олуненные глазы
Призывят тщетно друга, и одна
Ты жжешь свои бесстыжие экстазы
В мимозах льна.

И облака в реке — то вид слона,
То кролика приемлют. Ухо фразы
Готово различить. Но — тишина.

И ткет луна сафировые газы,
Твоим призывом сладко пленена,
И в душу льнут ее лучи-пролазы
В мимозах льна.

5

Ты от мечтаний чувственных больна,
От шорохов, намеков и касаний.
Лицо как бы увяло, и грустна
Ты от мечтаний.

Есть что-то мудро-лживое в тумане:
Как будто *тот*, но всмотришься — сосна
Чернеет на офлеренной поляне.

И снова ждешь. Душе твоей видна
Вселенная. Уже безгранны грани:
Но это ложь! И стала вдруг темна
Ты от мечтаний!

6

И что-то есть младенческое в лике,
В его очах расширенных. Чья весть
Застыла в них? И разум в знойном сдвиге
И что-то есть.

Что это? смерть? издевка? чья-то месть?
Невидимые тягостны вериги...
Куда-то мчаться, плыть, лететь и лезть!

К чему же жизнь, любовь, цветы и книги,
Раз некому вручить девичью честь,
Раз душу переехали квадриги
И что-то есть.

7

Но ты, ребенок, слабостью сильна,—
И вот твой голос тонок стал и звонок,
Как пред тобой бегущая волна:
Ведь ты — ребенок.

Но на форелях — розовых коронок
Тебе не счесть. Когда придет весна,
Не всколыхнут сиреневый просонок,

И в нем не счесть, хотя ты и ясна,
Спиральных чувств души своей! Бессонок!
Готовностью считать их — ты властна,
Но ты — ребенок...

8

Ты ждешь его. И кличешь ты. И в клике —
Триумф тщеты. И больше ничего.
Хотя *он* лик не выявит безликий,
Ты ждешь его.

И в ожиданьи явно торжество,
И нервные в глазах трепещут тики,
Но ты неумолимей оттого;

Раз ты пришла вкусить любви владыки
Своей мечты, безвестца своего,
Раз ты решила пасть среди брусники,—
Ты ждешь его!

9

Такая страстность. Плоть закалена.
Во мраке тела скрыта ясность.
Ты верою в мечту упоена:
        Такая страстность.

Тебя не испугает безучастность
Пути к тебе не знающего. На
Лице твоем — решимость и опасность.

И верою своей потрясена,
Ты обезумела. И всюду — красность,
Где лунопаль была: тебе дана
        Такая страстность.

10

В твоей мечте придет ли твой великий?
Ведь наяву он вечно в темноте.
Что ты безумна — верные улики
        В твоей мечте.

И вот шаги. Вот тени. Кто вы, те?
Не эти вы! но тот,— единоликий,—
Он не придет, дитя, к твоей тщете!

Высовывают призраки языки,
И прячутся то в речке, то в кусте...
И сколько злобы в их нещадном зыке —
        К твоей мечте.

11

В мимозах льна — ах! — не цветут мимозы,
А только лен!.. Но, греза, ты вольна,
А потому — безумие и слезы
        В мимозах льна.

Да осветится жизнь. Она тесна.
В оковах зла. И в безнадежьи прозы
Мечта на смерть всегда обречена.

Но я — поэт! И мне подвластны грозы,
И грозами душа моя полна.
Да превратятся в девушек стрекозы
В мимозах льна!

20 января 1915
Петроград

«ПЕРУНЧИК»

Петру Ларионову

Я хочу, чтобы знала Россия,
Как тебя, мой Перунчик, люблю,
Чтобы очи твои голубые
Осветляли улыбку мою!

В тихой Гатчине, в парке дворцовом,
У форелей, цветов и лисиц,
Ты живешь молодым, бестолковым,
Весь пронизанный трелями птиц.

Для тебя незаметно начальство,—
Ты свободен, восторжен и дик.
Жизнь в природе — пленительней вальса;
Утонувший в природе — велик.

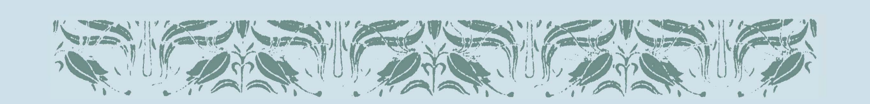
Русокудрый, плечистый, громадный,
Весь лазоревый и золотой,
Ты какой-то особо отважный:
Полупьяный и полусвятой!..

Ах, недаром же Фофанов дивный,
Мой Перунчик, тебя полюбил:
Мой Перунчик — цыпленок наивный!
Мой Перунчик — эмблема всех сил!

О, мой пламенный! мой вдохновенный,
Бесталанный, но истый поэт!
Русский! юный! весенний! нетленный!
Мой сообщник грезовых побед!

1914. Апрель
Киев

II. МОНУМЕНТАЛЬНЫЕ МОМЕНТЫ

ГЕРМАНИЯ, НЕ ЗАБЫВАЙСЯ!

Германия, не забывайся! Ах, не тебя ли сделал
Бисмарк?
Ах, не тебя ль Вильгельм Оратор могущественно
укрепил?
Но это тяжкое величье солдату русскому на высморк!
Германия, не забывайся! — на твой расчет
ответом — пыл!

Твое величье — в мирном росте; твоя политика
к победам —
Германия, не забывайся! — не приведет тебя, а тут:
И наша доблестная Польша, и Прибалтийский край,
соседом
К тебе придвинутый, под скипетр твоей державы
не взойдут.

С твоей союзницею наглой, с Австро-Венгеркою,
задирой,
Тебе ль грезэркой быть, буржуйка трудолюбивая?
тебе ль?!..
Германия, не забывайся! Дрожи перед моею лирой
И помни, что моя Россия твою качала колыбель!

Эст-Тойла
1914. Июнь

Примечание: Поэза эта написана автором за несколько дней до убийства Франца-Фердинанда, наследника австрийского престола...

ПОЭЗА ВОЗМУЩЕНИЯ

Культурнейший монарх культурной части света!
Оратор и мудрец! философ и солдат!
Внемли моим словам свободного поэта,
Гремящим, как набат!

Я говорю тебе, чья «гордая» корона
Иного ослепить способна невзначай:
Ты — варвар! ты тиран! ты — шут Наполеона!
Пред богом отвечай!

Виню тебя за то, что ты, нахмурив брови,
Воздвиг в своей стране гоненье на славян;
Виню тебя за то, что ты возжаждал крови,
Гордыней обуян!

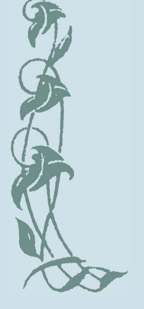
Виню тебя за то, что мысль направил косо,
Чем запятнал себя и всю свою семью;
Виню тебя за то, что сбросил, как с откоса,
Германию свою!

Предатель! мародер! воитель бесшабашный!
Род Гогенцоллернов навек с тобой умрет...
Возмездия тебе — торжественный и страшный
Народный эшафот!

Так вот она страна Бетховена и Канта,
Плюющая в глаза славянским матерям!..
Так вот культурный центр и мощи, и таланта,
Короновавший Срам!

О, Гёте, оживи! Воскресни, светлый Шиллер!
Кричите из гробов, всеобщие друзья:
— Вильгельм, постой! в стране, где немцами мы жили
Разбойничать нельзя!

1914. Август
Мыза Ивановка

ПОЭЗА К ЕВРОПЕ

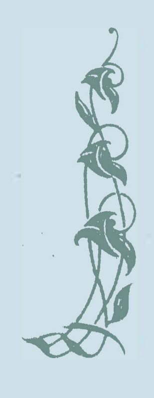
Вильгельм II, германский император,
Хотел давно Европу покорить.
Он подал знак,— и брат пошел на брата,
Рубя сплеча. Живи, кто может жить!

А жить теперь — вопрос самозащиты:
Кто хочет жить, будь доблестным бойцом!
Да будут вечной славою покрыты
Идущие на недруга с мечом!

Запомните, идущие от клена,
От рыбных рек, от матери-сохи:
Кощунственно играть в Наполеона,—
Им надо быть! — вот в том-то и грехи.

Да, тяжело забыть сестру и брата,
Уют семьи и таинства любви...
Он должен пасть, германский император,
Вильгельм II: кто хочет жить, живи!

Мыза Ивановка
Июль 1914

ПОЭЗА БЛАГОСЛОВЕНИЯ

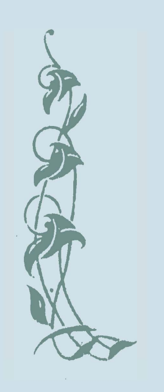
Я не сочувствую войне
Как проявленью грубой силы.
Страшны досрочные могилы
И оскорбительны вдвойне.

К победе красная стезя,
И скорбь на ней — исход конечный.
Безрáзумной и бессердечной
Войне сочувствовать нельзя.

Но есть великая война —
Война народной обороны:
Отбросить вражьи легионы
Встает пронзенная страна.

Когда отечество в огне,
И нет воды, лей кровь, как воду...
Благословение народу!
Благословение войне!

1914. Август
Мыза Ивановка

ВСЕ ВПЕРЕД!

Кто рушит Германию, скорее на станцию! —
Там поезд за поездом стремится вперед.
Да здравствует Сербия! Да здравствует Франция!
И сердце Славянии — наш хлебный народ!

За малую, милую и смелую Сербию
Мы крепко и пламенно, друзья, постоим!
Проявим спокойствие, восторг и энергию,
Россия-Медведица пред гневом твоим!

Раскройте же, матери и жены, Евангелье!
В ряды Краснокрестия ступайте без слов!
Да здравствует Бельгия, Япония, Англия!
Ура, Черногория, царица орлов!

1914. Июль
Мыза Ивановка

ПОЭЗА О ГУННАХ

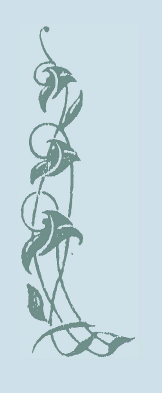
Смешна пангерманизма мания,—
В нее поверит лишь профан.
С ушами влезешь ты, Германия,
В просторный русский сарафан!

С тобой, Россия, Англо-Франция:
Утроенная, ты стройна.
Ома́товит весь лоск германца
Отечественная война.

А ты, культурник века нашего,
Универсальный нео-гунн,
Чья дипломатия анашева,
Кровавых жаждешь ты лагун!

Да сгинет наглая Вильгельмия —
Разбойническая страна!
И да воскликнет мир в веселии:
«Германия прекращена!»

1914. Август
Мыза Ивановка

ЗАБАВА БЕЗУМНЫХ

Война им кажется забавой,
Игрой, затеей шалуна.
А в небе бомбою кровавой
Летящая творит луна
Солдата липою корявой
И медью — злато галуна.

И Бельгию уж не луна ли
Хотела превратить в отэль,
Где б их не только не прогнали,
А приготовили постель
И накормили, как едва ли
Кормили злаки их земель.

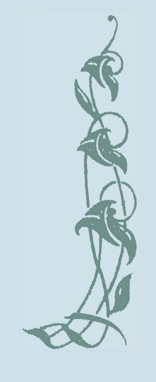
А герцогство Аделаиды
С его заманчивым мостом
Какие открывало виды!
Но стал автомобиль крестом
На том мосту,— и панихиды
Звучат на их пути пустом.

И Льеж сражен, и близко Сена.
Над Notre-Dame аэроплан
Кощунствует и, в жажде тлена,
Бросает бомбы... Рухнул план:
Взрыв душ французских, пушек пена,—
И враг смятеньем обуян!

От сна восставшая Варшава!
Ты поступила, как Париж:
Когда тевтонская орава
Надеялась — ты смертно спишь,—
Вздохнула ты, вся — гнев и лава.
Смела ее, и снова тишь.

Что ж, забавляйтесь! Льет отраду
Во всей Вселенной уголки
Благая весть: круша преграду,
Идут, ловя врага в силки,
К Берлину, к Вене и к Царьграду
Благочестивые полки!

1914. Октябрь

ОНИ СРАЖАЮТСЯ В ПОЛЯХ

Они сражаются в полях,
Все позабывшие в боях,
Не забывая лишь о том,
Что где-то есть родимый дом,
Что дома ждет, тоскуя, мать
И не устанет вечно ждать,
Что плачет милая жена,
В такие дни всегда верна,
И дети резвою гурьбой
Играют беззаботно «в бой».

Они сражаются в полях,
Сегодня — люди, завтра — прах,
Они отстаивают нас,
Но кто из них свой знает час?
А если б знать!.. А если б знать,
Тогда нельзя душой пылать:
Ужасно заряжать ружье,
Провидя близкое свое...
Неумертвимые в мечтах,
Они сражаются в полях!

1914. Октябрь

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ КАРПАТЫ

Войска победоносные
Идут на Будапешт,
В терпеньи безвопросные,
Исполнены надежд.

«Идем себе не знаючи,
Дорожкою-путем...
Во Львове были давеча,—
Куда теперь идем?..»

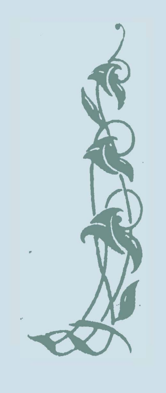
Идут себе, веселые
В святой своей тоске...
Вокруг — долины голые,
Карпаты — вдалеке.

«Карпаты — дело плёвое,—
Нам взять их не хитро,
Когда у нас здоровое
Рассейское нутро...

Ходите, ноги резвые,
Дыши вольготней, грудь!
Мы — хлебные, мы — трезвые,
Осилим как-нибудь!»

Храни вас Бог, любимые,
У вражьего леска,
Войска непобедимые,
Чудесные войска!

1914

ЕЩЕ НЕ ЗНАЧИТ...

Еще не значит быть изменником —
Быть радостным и молодым,
Не причиняя боли пленникам
И не спеша в шрапнельный дым...

Ходить в театр, в кинематографы,
Писать стихи, купить трюмо,
И много нежного и доброго
Вложить к любимому в письмо.

Пройтиться по Морской с шатенками,
Свивать венки из кризантэм,
По-прежнему пить сливки с пенками
И кушать за десертом крэм —

Еще не значит... Прочь уныние
И ядовитая хандра!
Война — войной. Но очи синие,
Синейте завтра, как вчера!

Война — войной. А розы — розами.
Стихи — стихами. Снами — сны.
Мы живы смехом! живы грезами!
А если живы — мы сильны!

В желаньи жить — сердца упрочены...
Живи, надейся и молчи...
Когда ж настанет наша очередь,
Цветы мы сменим на мечи!

1914. Октябрь

МОЙ ОТВЕТ

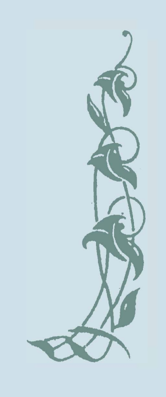
Еще не значит быть сатириком —
Давать озлобленный совет
Прославленным поэтам-лирикам
Искать и воинских побед...

Неразлучаемые с Музою
Ни под водою, ни в огне,
Боюсь, что будем лишь обузою
Своим же братьям на войне.

Мы избалованы вниманием,
И наши ли, pardon, грехи,
Когда идут шестым изданием
Иных «ненужные» стихи?!..

— Друзья! Но если в день убийственный
Падет последний исполин,
Тогда ваш нежный, ваш единственный,
Я поведу вас на Берлин!

1914. Зима

БЕЛАЯ ФЕЯ

По слезным лестницам, как белка, прыгая,
Крепясь при публике, во сне рыдая,
Мелькает белая, святая, тихая,
Такая скромная и молодая.

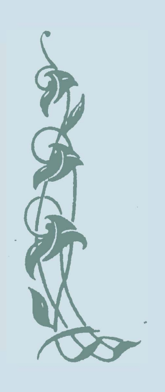
И в годы-сумерки, и в зори вешние,
И в жизни вечером — одна и та же:
Всегда безвестная, всегда нездешняя,
Покоя раненых она на страже.

В палатах буднично,— и удивительно ль,
Что фея белая больным желанна?
Кто поднимается, кто руку вытянул,
Смеются ласково и оснянно.

Полетом голубя бинты покажутся,
Шампанским вспенится лекарство в склянке,
И что-то доброе такое скажется,
Непроизвольное сестре-смуглянке...

Негромким отзвуком, неясным отблеском
Сестры и матери, жены, невесты
Провеет строгая героям доблестным,
А где расплачется — то свято место!

1914. Октябрь

ПОЭЗА О БЕЛЬГИИ

Вере Вертер

Кто знает? — ты явь или призрак?
Ты будешь ли? есть ли? была ль?
Но лик твой прекрасный нам близок,
В котором восторг и печаль...

Волшебница! ты златодарна:
Твоих городов карусель,
Под строфы Эмиля Верхарна
Кружа, кружевеет Брюссель...

Не верим — не можем! не смеем! —
Что в брызгах снарядовых пен,
Смертельно ужаленный змеем,
Сгорел бирюзовый Лувэн...

И чей это шепот crescendo
Сверляющий умы и сердца,
О бегстве народа в Остендэ,
Где будет начало конца?

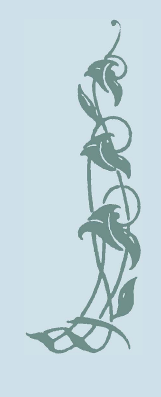
О, город прославленных устриц,
И пепельно-палевых дюн,
И волн голубеющих шустриц,—
О, город, трагичный канун!..

Ужель затерялась тропинка,
Тропинка туда, под уклон,
В укромный приют Метерлинка,
Дающего сладостный сон?..

Дождя светозарные нити
Сулят плодородье опять...
Помедлите, нежно усните,—
Не надо, не стоит бежать!..

Нам нужно дружнее сплотиться,
Прияв твой пленительный плен,
О, Бельгия, синяя птица
С глазами принцессы Малэн!..

1914. Октябрь
Петроград

ПОЭЗА ДЛЯ БРЮСОВА

Вы, чьи стихи как бронзольвы,
Вы поступаете бесславно.
Валерий Яковлевич! Вы —
Завистник, выраженный явно.

Всегда нас разделяла грань:
Мы с вами оба гениальцы,
Но разных толков. Ваша брань —
Уже не львы, а просто зайцы...

Различны данные у нас:
Я — вдохновенностью экватор,
И я осоловил Парнас,
Вы — бронзовый версификатор!

И свой у каждого подход
Все к тем же темам мирозданья,
У каждого свой взгляд, свой взлёт,
Свои мечты, свои заданья.

Вы — терпеливый эрудит,
И Ваше свойство — всеанализ.
Я — самоучка-интуит,—
Мне непонятна Ваша зависть!

Но чем же, как не ею, чем
Я объясню нападки Ваши
На скудость тем, моих-то тем!
На лейт-мотивность, мая краше!

Не отвечаю никому:
Достойных нет. Но Вам отвечу,
Я вам отвечу потому,
Что верю в нашу снова встречу.

Я исто смел. Я исто прям.
Вас ненавидят много трусов.
Но я люблю Вас: вот я Вам
И говорю, Валерий Брюсов.

Не вы ль приветили меня
В те дни, когда еще бутылки
Журчали, весело звеня,
Как Фофанов приветил пылкий?

Я Вам признателен всегда,
Но зависть Вашу не приемлю...
Прояснись, каждая звезда,
Ты, озаряющая землю!

1915. Январь

ПАМЯТИ К. М. ФОФАНОВА

Погасли пламенные похороны
Поэта, спящего в мечте...
Да озарится имя Фофанова
В земной рутине и тщете!

Не позабудьте, люди, подвига его:
Он златолетье с вами жил...
Душа измучилась юродивого,—
Разузлена система жил.

Сожженный трезвыми и пьяницами,
Лежит обуглившийся ствол.
Благоговейно ветер кланяется
Тому, чье имя — Произвол!

Листва седеет, и седеющая
Испепеляется во прах.
А сердце... сердце стонет: «где еще его
Ждет неизбежный новый страх?..»

О, ожидание убийственное!
Но, может быть, Земля — пролог
К загробному, всегда невыясненному,
Где есть спокойный уголок?..

Там Царство неба — аметистовая
Страна, где в мире и любви
В душистых сумерках посвистывая,
Перятся серо соловьи.

1911. Май

ПАМЯТИ А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА

Что сделать я мог, то я сделал, и с миром ты ныне,
О, жизнь, отпускаешь меня...

А. Жемчужников

Он отошел под колокол обедни,
Порвал злоцепь с печалью и нуждой.
Благословен почивший в день святой
Певец нужды — из могикан последний.

Храня заветы славной старины
В своей душе, душа идеалиста,
Он жизнь будил на пиршество весны,
И просыпалась жизнь, смеясь лучисто.

Но пробил час, как зло земли, жесток.—
Борцу за свет объятья тьма раскрыла.
Спокойно спи: ты сделал все, что мог,
И Смерть тебя на жизнь благословила.

1908. Март

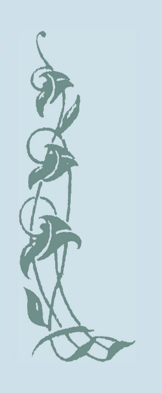
ПАМЯТИ П. И. ЧАЙКОВСКОГО

Я окропил росой его таланта
Свои мечты и вижу: входят в парк —
Как призраки — Онегин, Иоланта,
Татьяна, Лиза, Герман, Жанна д'Арк.

Струи ручья целуют черевички...
Эскиз теней набросила луна...
И гости грез запели там, где птички
В березах спят и дремлет тишина.

О греза-сон! о, греза-чародейка!
О, греза-луч созвездия поэм!
Но вскоре жизнь, как ведьма, как злодейка,
Рассеет сна обманчивый эдем...

1908. Октябрь

ПАМЯТИ МАЦИЕВИЧА

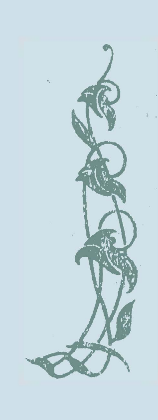
Он стал на миг бесстранным королем:
«Гном» стал велик...
Загрезился, забылся над рулем —
На миг...

«Куда хочу — везде: в дурман гитан,
Иль на Квантун...
Я все могу!» — подумал капитан —
Летун.

«Не всё»,— шепнулось кем-то, и на твердь,—
Ни то, ни се —
Он грохнулся. То прошептала смерть:
«Не всё...»

Столяр, сюда! Рубанок — касса ты
Для всех порфир...
В эфир, кто в смерти ищет красоты,—
В эфир!

1910. Сентябрь

У Е. К. МРАВИНОЙ

Мравина и колоратура —
Это ль не синонимы и стиль?
Догорела лампа. Абажура
Не схранила выблеклая Джильда:
Нет ни лампы, ни надлампника,—
        Всё сгорело...
(Недосмотр неопытного рампника?..)
Отчего так жутко-онемело
Поднялась навстречу мне она?
И она ли это? Как больна! —
Ничего от Мравиной. Тень тени.
Ветка перееханной сирени,
И бокал, извиненный до дна.

1913. Март
Ялта

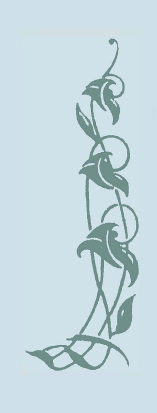

БАРОНАТ

МАДРИГАЛ

В оперных театрах сказочных планет,
Там, где все палаццо из пластов базальта,
Там, где веет воздух бархатом контральто,—
Лучшего сопрано, чем Ржевусска, нет.
И когда графиня, наведя лорнет,
Нежит соловьисто, зал колоратурой
И со строго-мерной светскою бравурой
Резвится по сцене в снежном парике,—
Точно одуванчик, пляшущий в реке,
Точно кризантэма в трепетной руке,—
Сколько восхищенья всюду: справа, слева!
Блещут от восторга серьги у гетер...
— Да, это — графиня,— говорит партер,
А балкон щебечет: «Это — королева!»

1910. Июнь

ТАРКОВСКАЯ

СОНЕТ С КОДОЮ

По подвигам, по рыцарским сердцам,—
Змея, голубка, кошечка, романтик,—
Она томилась с детства. В прейс-куранте
Стереотипов нет ее мечтам
Названья и цены. К ее устам
Льнут ровные «заставки». Но — отстаньте! —
Вот как-то не сказалось. В бриллианте
Есть место электрическим огням.

О, внешний сверк на хрупости мизинца!
Ты не привлек властительного принца:
Поработитель медлил. И змея

В романтика и в кошечку с голубкой
Вонзала жало. Расцвела преступкой,
От электричных ядов,— не моя!..—
        Тарковская.

Веймарн
1913. Август

МОНУМЕНТАЛЬНЫЕ ПУСТЯКИ

Прочтя рецензий тысяч двадцать,
Мне хочется поиздеваться.

Эпиграф-экспромт

1

Когда какой-нибудь там «критик»
(Поганенький такой «поэт»)
Из зависти твердит: «Смотрите,
Ваш Игорь — миг, Ваш Игорь — бред;
Он на безвременьи заметен
И то лишь наглостью своей» —
Тогда я просто безответен:
Так хорошо душе моей.
Не все ли мне равно — я гений
Иль заурядная бездарь,
Когда я точно сад весенний
И весь сплошная светозарь,
Я улыбаюсь безмятежно
Успехам, ругани — всему:
Мое бессмертье неизбежно,
И я спокоен потому.

2

Очаровательные темы
Меня преследуют весь год.
Но если я «большой» поэмы
Не напишу вовек, пусть тот,
Кто «где же твой Онегин?» ноет,
Вчитается в ту «мелюзгу»,
Какую я даю: «не стоит»
Еще не значит: «не могу».
В наш век все длительное немо,
А современному уму
Все творчество мое — поэма,
Какой не снилось никому.

3

Так много разных шалопаев
Владеет «мастерски» стихом —

Петров, Иванов, Николаев,
Что стих становится грехом.
Пусть угрожает мне «Удельной»
Любой желающий болван:
Как хорошо, что я — отдельный,
Что Игорь я, а не Иван!

1914. Июнь
Эст-Тойла

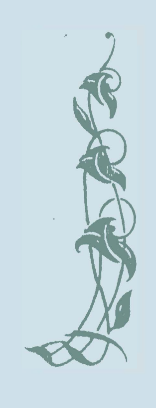
СУВЕНИР КРИТИКЕ

Ах, поглядите-ка! Ах, посмотрите-ка!
Какая глупая в России критика:
Зло насмеялася над «Хабанерою»,
Блеснув вульгарною своей манерою.

В сатире жалящей искала лирики,
Своей бездарности спев панегирики.
И не расслышала (иль то — *политика*?)
Моей иронии глухая критика...

Осталось звонкими, как солнце, нотами
Смеяться автору над идиотами
Да приговаривать: «Ах, посмотрите-ка,
Какая подлая в России критика!»

1910

КРЫМСКАЯ ТРАГИКОМЕДИЯ

И потрясающих утопий
Мы ждем, как розовых слонов

Из меня

Я — эгофутурист. Всероссно
Твердят: он — первый, кто сказал,
Что все былое — безвопросно,
Чье имя наполняет зал.

Мои поэзы — в каждом доме,
На хуторе и в шалаше.
Я действен даже на пароме
И в каждой рядовой душе.

Я созерцаю — то из рубок,
То из вагона, то в лесу,
Как пьют «Громокипящий кубок» —
Животворящую росу!

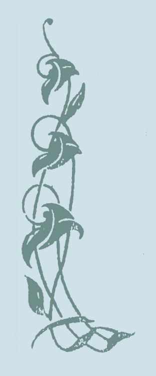
Всегда чуждаясь хулиганства,
В последователях обрел
Завистливое самозванство
И вот презрел их, как орел:

Вскрылил — и только. Голубело.
Спокойно небо. Золото
Плеща, как гейзер, солнце пело.
Так: что мне надо, стало то!

Я пел бессмертные поэзы,
Воспламеняя солнце, свет,
И облака — луны плерэзы —
Рвал беззаботно — я, поэт.

Когда же мне надоедала
Покорствующая луна,
Спускался я к горе Гудала,
Пронзовывал ее до дна...

А то в певучей Бордигере
Я впрыгивал лазурно в трам:
Кондуктор, певший с Кавальери
По вечерам, днем пел горам.

Бывал на полюсах, мечтая
Построить дамбы к ним, не то
На бригах долго. Вот прямая
Была б дорога для авто!

Мне стало скучно в иностранах:
Все так обыденно, все так
Мною ожиданно. В романах,
В стихах, в мечтах — все «точно так».

Сказав планетам: «Приготовьте
Мне век», спустился я в Москве;
Увидел парня в желтой кофте —
Все закружилось в голове...

Он был отолпен. Как торговцы,
Ругалась мыслевая часть,
Другая — верно, желтокофтцы —
К его ногам готова пасть.

Я изумился. Все так дико
Мне показалось. Это «он»
Обрадовался мне до крика.
«Не розовеющий ли слон?» —

Подумал я, в восторге млея,
Обескураженный поэт.
Толпа раздалась, как аллея.
«Я — Маяковский»,— был ответ.

Увы, я не поверил гриму
(Душа прибоем солона)...
Как поводырь, повел по Крыму
Столь розовевшего слона.

И только где-то в смрадной Керчи
Я вдруг открыл, рассеяв сон,
Что слон-то мой — из гуттаперчи,
А следовательно — не слон.

Взорлило облегченно тело,—
Вновь чувствую себя царем!
Поэт! поэт! совсем не дело
Ставать тебе поводырем.

С.-Петербург
21 января 1914

ПОЭЗА ИСТРЕБЛЕНИЯ

Меня взорвало это «кубо»,
В котором все бездарно сплошь,—
И я решительно и грубо
Ему свой стих точу, как нож.
Гигантно недоразуменье,—
Я не был никогда безлик:
Да, Пушкин стар для современья,
Но Пушкин — Пушкински велик!
И я, придя к нему на смену,
Его благоговейно чту:
Как он — Татьяну, я Мадлэну
Упорно возвожу в Мечту...
Меж тем как все поэзодельцы,
И с ними доблестный Парнас,
Смотря, как наглые пришельцы —
О, Хам Пришедший! — прут на нас,
Молчат в волшбе оцепенений,
Не находя ударных слов,
Я, среди них единый гений,
Сказать свое уже готов:
Позор стране, поднявшей шумы
Вкруг шарлатанов и шутов!
Ослы на лбах, «пьеро»-костюмы
И стихотомы... без стихов!
Позор стране, дрожащей смехом
Над вырожденьем! Дайте слез
Тому, кто приравнял к утехам
Призывы в смерть! в свинью! в навоз!
Позор стране, встречавшей «ржаньем»
Глумленье надо всем святым,
Былым своим очарованьем
И над величием своим!
Я предлагаю: неотложно
Опомниться! И твердо впредь
Псевдоноваторов — осторожно
Иль игнорирно — но презреть!
Для ободрения ж народа,
Который впал в угрозный сплин,
Не Лермонтова — «с парохода»,
А бурлюков — на Сахалин!
Они — возможники событий,
Где символом всех прав — кастет...
Послушайте меня! поймите! —
Их от сегодня больше нет.

1914. Февраль. С.-Петербург

III. СТИХИ В НЕНАСТНЫЙ ДЕНЬ

В ненастный день взойдет, как солнце,
Моя вселенская душа!

*(Заключительные строки
«Громокипящего кубка»)*

Вере Жуковской

I

Я жив, и жить хочу, и буду
Жить — бесконечный — без конца.
Не подходите, точно к чуду,
К чертам бессмертного лица:

Жизнь — в нашей власти: мы дотоле
Трепещем, бьемся и живем,
Пока в нас много ярой воли
К тому, что жизнью мы зовем.

Смерть торжествует в те мгновенья,
Когда поверил ты в нее,
И нет в тебе сопротивленья:
Смерть — малодушие твое.

Я не могу себе представить
Всем ощущеньем, всей душой,
Как можно этот мир оставить,—
Молчать, истлеть, не быть собой!

Я превозмог порывы гнева:
Убив другого — я убит...
А потому — любимец неба —
Прощу — чтоб жить! — всю боль обид.

Я смел и прям, и прост, и светел.
И смерти явно я бегу.
Я всех простил, я всех приветил,
А большего я не могу!..

Что значит жить? Для вас,— не знаю...
Жить для меня — вдыхать сирень,
В крещенский снег стремиться к маю,
Благословляя новый день

Искать Ее, не уставая,
И петь, и мыслить, и дышать.
Какие нови в чарах мая!
Какая в новях благодать!

И сколько новей в чарах мая,
Ведь столько песен впереди!
Живи, живое восторгая!
От смерти мертвое буди!

Но если ты, в чьих мыслях узость,
Мне скажешь «трус»,— услышишь ты:
— Да здравствует святая трусость
Во имя жизни и мечты!

1914. Октябрь

II

Во имя зорь весны грядущей
И вешнего разлива рек
Прости обидчика, живущий,
Как человека — человек.

В существование обиды
Душой и разумом не верь,
Враждебные эфемериды
Да изничтожатся теперь!

Да распылится самолюбье,
Как одуванчик золотой!
Цвети, улыбка алогубья,
Эмблема жизни молодой.

Смелее к ближнему с приветом,
А встретишь злобу — отойди,
Не осудив его при этом:
Людей так много впереди.

Непонимающий невинен,
Его винящий виноват.
Грядущий день весенен, дивен,
Сиренен, птичен, солнчен, злат.

И мая новый май сюрпризней
Своею новью огневой.
Во имя ощущенья жизни
Люби живущее, живой!

1914. Ноябрь
Петроград

III

Мою страну зовут Россией.
Я в ней рожден, ее люблю.
И если б вы меня спросили,
Молю ль победы ей,— молю!

Да, я молю. Но оттого ли,
Что край мой лучше всех краев?..
Везде краса и святость боли,
И скорбь везде, где льется кровь...

И люди все же всюду люди,—
Утонченники ль, дикари ль,—
Ведущие в добре и худе
Свою банальную кадриль.

Я, призывающий к содружью
И к радостям тебя, земля,
Я жажду русскому оружью
Побед затем, что русский — я!

Ах, роднозём, как заусенец,
Докучен, иногда кровав.
Кто мыслит глубже, тот вселенец:
Тогда, как я, мой недруг прав.

Но если недруг прав разбоем,
Самозащитою я свят.
Мы победим. И успокоим,
И оправдаем всех солдат.

IV

Мы победим! Не я, вот, лично:
В стихах — великий; в битвах мал.
Но если надо,— что ж, отлично!
Шампанского! коня! кинжал!

Великий в строфах — зауряден
По паспорту своей страны.
От девушек и виноградин
Поля кровавые видны.

Живой всегда над жизнью властен,
И выбор есть, и есть исход...
Какую же из двух напастей
Мне выбрать, милый мой народ?

Вот если б я был поэтесса! —
На Красный Крест сменил я меч...
Повторны времена Дантеса,
И глупо гениев беречь!..

Но издавна дружащий с риском,
Здесь я останусь невредим,
Тем более, что в очень близком
Мы несомненно победим.

V

Провижу день: в цветах застава.
Весна и солнце, и народ
В улыбках дев — любовь и слава.
Войска окончили поход.

Под музыку кавалерийских,
И значит щегольских, полков —
Чужие лица, как у близких,
В лучах расширенных зрачков.

Кирасы каски и кокарды,
Звяк шпор и сабель среброзлат.
Блистательны кавалергарды
В светилах элегантных лат.

И белоконные гусары
Венгерки приспустили с плеч.
Героям девы деят чары,
Брачуясь радые возлечь...

Отрадно в этот день весенний,
В народный, музычный, цветной,
Не чувствовать былых сомнений
Повеселевшею душой.

И что еще всегда томило
Противоречьями дразня,
Теперь так просто, любо, мило,—
Вчерашнее — не для меня.

Привет победе, людям, маю!
Цветам и чувствам молодым!
Я мертвецов не воскрешаю,
Но ярко радуюсь живым!

VI

Благословляю ваши домы!
Любовь и мир несу в страну.
Я, выгромлявший в небе громы,
Зажегший молнией луну!

Ушедшее непоправимо.
Шампань холопно пролита...
Но жизнь жива! Но жизнь любима!
И есть восторг! И есть мечта!

Вы, культоры гнилого мира,
Мир перестройте до основ!
Бряцай пророчно, Златолира,
Чарунья грез, вещунья снов!

В них — людокосящие войны
Невероятны,— как потоп.
В них — убеждения непробойны
И милосердней антилоп.

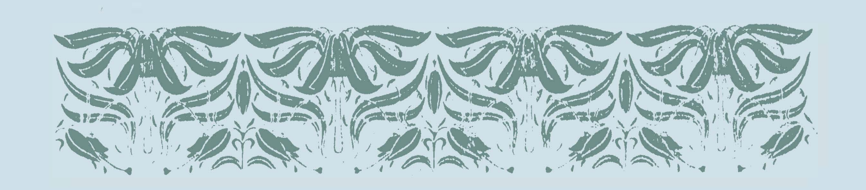
Не повторятся впредь ошибки,
Вас устремлявшие к войне!
Тому порукою — улыбки,
Замотыльчившие во мне.

Я верю, я охотно верю
В людскую светлую судьбу.
Нет места в человеке зверю,
Как в гордом места нет рабу!

1914. Ноябрь

Комментарии

Наследие Игоря-Северянина велико по объему, разнообразно по жанрам и далеко еще не освоено текстологически. Еще до революции, в разгар успеха своих первых поэтических книг, поэт задумал издавать продолжающееся «Собрание поэз», которое было начато его издателем В. В. Пашуканисом в 1916 г. (вышли тт. 1—4, 6). Впоследствии каждую вышедшую или подготовленную к печати книгу И. Северянин воспринимал как очередной том этого «Собрания...» и уже в 1925 г. при отдельном издании поэмы «Колокола собора чувств» приложил список книг, состоящий из 23-х томов. Впоследствии список этот уточнялся, изменялся и дополнялся; в наиболее полном (хотя еще не окончательном) виде он был представлен в рукописи 1937 г. (РГАЛИ, ф. 1152, оп. 1, ед. хр. 13, л. 200).

Наиболее «устойчивыми» в этих списках являются первые 9 «томов», собравшие практически все зрелое наследие дореволюционного И. Северянина. Приведем их, указывая проставленные автором даты включенных в них стихотворений и выходные данные первого издания:

Т. 1. Громокипящий кубок.— М.: Гриф, 1913 (поэзы 1905—1912).

Т. 2. Златолира.— М.: Гриф, 1914 (поэзы 1906—1913).

Т. 3. Ананасы в шампанском.— М.: Наши дни, 1915 (поэзы 1903—1915).

Т. 4. Victoria Regia.— М.: Наши дни, 1915 (поэзы 1908—1915).

Т. 5. Поэзоантракт.— М.: Северные дни, 1915 (поэзы 1903—1911).

Т. 6. Тост безответный.— М.: В. Пашуканис, 1916 (поэзы 1915).

Т. 7. Миррэлия.— Берлин: Москва, 1922 (поэзы 1916—1917).

Т. 8. Ручьи в лилиях (не издано) (поэзы 1896—1909).

Т. 9. Соловей.— Берлин-Москва: Накануне, 1923 (поэзы 1918).

В рукописи 1937 г. из этого списка исключен сборник «Ручьи в лилиях» (на его место поставлен сборник «Литавры солнца», объединивший (в нарушение заданной хронологии) стихи начала 20-х гг.). Такое исключение было либо недоразумением, либо произвольным нарушением принятого принципа: сборник «Ручьи в лилиях» был не только подготовлен к печати (см. рукопись в Литературном музее им. Ф. Крейцвальда в г. Тарту: ф. 216, № 1, 2), но и печатался весной и летом 1918 г. в петроградском издательстве «Земля» именно в качестве 8-го тома «Собрания поэз» (включившего, в соответствии с замыслом автора, ранние стихи, демонстрировавшие путь его поэтического становления (см. публикацию В. А. Кошелева: Русская литература, 1990, № 1, с. 68—69; вводную статью Р. Крууса: Игорь-Северянин. Письма к Августе Барановой/Подг. текста и комм. Бенгт Янгфельд и Рейн Круус.— Stockholm, 1988, с. 11). Книга не вышла в свет: видимо к ней относится запись в дневнике А. Блока от 26 августа 1918 г.: «Издательство в Смольном завалило типографию заказами брошюр, запретило печатать И. Северянина...» (Блок А. Записные книжки.— М.: Худож. лит-ра, 1965, с. 423). Позднее сборник «Ручьи в лилиях» целиком вошел в состав позднейшей рукописной книги «Настройка лиры» (РГАЛИ, ф. 1152, оп. 1, ед. хр. 2), не совпадающей по составу с книгой под тем же названием, намеченной в плане: в нее, помимо стихов 1896—1909 гг., включены стихотворения 20-30-х гг.

Порядок остальных «томов» (содержание которых относилось по преимуществу к периоду эмиграции Северянина) в разных «планах» различен. Наиболее продуманным этот порядок оказывается в печатном объявлении 1925 г.: хотя бы потому, что в него не вошли четыре сборника избранных стихотворений (которые в списке 1937 г. составили соответственно тома 29—32):

За струнной изгородью лиры.— М.: В. Пашуканис, 1918.
Pühhajõgi.— <Юрьев>: Одамеес, 1919.
Crème des Violettes.— <Юрьев>: Одамеес, 1919.
Трагедия Титана.— Берлин-Москва: Накануне, 1923.

Стихи этих сборников повторяли то, что вошло в издания «не избранного», и потому включение их в общий план «Собрания...» не было логичным.

Дальнейшее расположение «томов» собрания сочинений представлялось автору следующим образом (приводим по списку 1925 г., указывая выходные данные издания, авторскую датировку произведений, вошедших в каждый том, а также разночтения нумерации и названий по сравнению со списком 1937 г.):

Т. 10. Настройка лиры (1910—1918) (сборник не был издан; стихи, планировавшиеся для включения в него, не вошли в сборник под тем же названием, хранящийся в РГАЛИ и составлявшийся значительно позднее).

Т. 11. Вервэна.— Юрьев: Одамеес, 1920 (1918—1919).

Т. 12. Менестрель.— Берлин: Москва, 1921 (1919).

Т. 13. Виснапу Г. Amores. Переводы Игоря-Северянина.— М., 1922.

Т. 14. Фея Eiole.— Берлин: Отто Кирхнер и К°, 1922 (1920—1921).

Т. 15. Поэты Эстонии. Переводы Игоря-Северянина.— Юрьев: Вадим Бергман, 1929 (в списке 1925 г.— с другим названием: утесы Eestii. Антология эстонской лирики за 100 лет. Переводы из 35 поэтов).

Т. 16. Ундер М. Предцветенье. Переводы Игоря-Северянина.— Таллин: изд. переводчика, 1937 (в списке 1925 г. с названием: Предцветье) (в списке 1937 г.— т. 26).

Т. 17. Падучая стремнина.— Берлин: Отто Кирхнер и К°, 1922 (1922).

Т. 18. Литавры солнца (1922—1923) (рукопись РГАЛИ: ф. 1152, оп. 1, ед. хр. 1) (в списке 1937 г.— т. 8).

Т. 19. Колокола собора чувств.— Юрьев-Тарту: Вадим Бергман, 1925 (1923) (в списке 1937 г.— т. 18).

Т. 20. Роса оранжевого часа.— Юрьев-Тарту: Вадим Бергман, 1925 (1923) (в списке 1937 г.— т. 16).

Т. 21. Взор неизмеримый (1923—1924) (сборник не был издан, не был включен в список 1937 г.; вероятно, вошел какой-то своей частью в сборник «Классические розы»).

Т. 22. Рассказы в ямбах (1922—1924) (рукопись РГАЛИ: ф. 1152, оп. 1, ед. хр. 4).

Т. 23. Спутники солнца. Статьи об искусстве (1924) (сборник не был издан).

В середине 20-х годов Северянин начал испытывать значительные трудности с публикацией томов своего собрания, и намеченный порядок издания существенно сбился. В списке 1937 г. представлены новые тома (21—28), изданные во второй половине 20-х — 30-е гг. или сохранившиеся в рукописях:

Т. 21. Классические розы.— Белград, 1931 (1922—1930).

Т. 22. Адриатика.— Нарва: изд. автора, 1932 (1931).

Т. 23. Медальоны.— Белград, 1934.

Т. 24. Рояль Леандра. Роман в строфах.— Бухарест: изд. автора, 1935.

Т. 25. Очаровательные разочарования (рукопись РГАЛИ: ф. 1152, оп. 1, ед. хр. 3).

Т. 27. Теория версификации (рукопись; там же, ед. хр. 12).

Т. 28. Уснувшие весны (рукопись; там же, ед. хр. 13).

В этот список не вошли переводы И. Северянина из эстонской поэзии, изданные в последние годы его жизни:

Раннит А. В оконном переплете.— Таллин: Акад. Союз. Объед. Искусств, 1938.

Виснапу Г. Полевая фиалка.— Таллин: изд. переводчика, 1939.

Раннит А. Via dolorosa.— Стокгольм: Северные огни, 1940.

Кроме того, в списки не вошли многочисленные стихотворные и прозаические произведения И. Северянина последних лет, печатавшиеся в эмигрантской (а с 1940 г.— в советской) периодической печати. Состав и характер этих публикаций еще не прояснен окончательно в связи с трудностью подобного рода разысканий.

Настоящее издание является первой попыткой представить сочинения Северянина в соответствии с его авторским замыслом — в том виде и в той последовательности, в какой их воспринимал читатель-современник. Оно ни в коей мере не является «полным собранием». Так, поэт не включал в свои сборники многие стихи из ранних брошюр («К предстоящему выходу Порт-Артурской эскадры», «Гибель „Рюрика“», «Подвиг „Новика“» и т. п.), юмористические памфлеты из газет и другие стихотворные тексты. Некоторые тексты позднего периода творчества по тем же причинам остались за пределами этого издания.

Составители предпочли не сопровождать это издание развернутым реальным комментарием: при современном уровне изученности творчества Северянина любой такого рода комментарий неминуемо окажется избирательным и субъективным. В примечаниях приводятся лишь необходимые факты, касающиеся источников текста, воспроизведенного в настоящем издании.

ГРОМОКИПЯЩИЙ КУБОК

Отд. изд.: М.: Гриф, 1913.

Текст печатается по последнему (10-му) изданию: СПб.: Земля, 1918. (Собрание поэз. Т. 1). Тексты и датировки стихов уточнены по автору-копии сборника, датированной в 1935 г. и хранящейся в Литературном музее им. Ф. Крейцвальда (Тарту, Эстония).

В первом издании, вместо «Автопредисловия», сборник открывался предисловием Ф. Сологуба:

«Одно из сладчайших утешений жизни — поэзия свободная, легкий, радостный дар небес. Появление поэта радует, и когда возникает новый поэт, душа бывает взволнована, как взволнована бывает она приходом весны.

«Люблю грозу в начале мая!»

Люблю стихи Игоря-Северянина. Пусть мне говорят, что в них то или другое неверно с правилами пиитики, раздражает и дразнит,— что мне до этого! Стихи могут быть

лучше или хуже, но самое значительное то, чтобы они мне понравились.

Я люблю их за их легкое, улыбчивое, вдохновенное происхождение. Люблю их потому, что они рождены в недрах дерзающей, пламенною волей упоенной души поэта. Он хочет, он дерзает не потому, что он поставил себе литературною задачей хотеть и дерзать, а только потому он хочет и дерзает, что хочет и дерзает. Воля к свободному творчеству составляет ненарочную и неотъемлемую стихию души его, и потому явление его — воистину нечаянная радость в серой мгле северного дня. Стихи его, такие капризные, легкие, сверкающие и звенящие, льются, потому что переполнен громокипящий кубок в легких руках нечаянно наклонившей его ветреной Гебы, небожительницы, смеющейся и щедрой. Засмотрелась на Зевесова орла, которого кормила, и льются из кубка вскипающие струи, и смеется резвая, беспечно слушая, как «весенний первый гром, как бы резвяся и играя, грохочет в небе голубом».

О, резвая! О, милая!

Февраль 1913

Федор Сологуб»

ЗЛАТОЛИРА

Отд. изд.: М.: Гриф, 1914 (Поэзы. Книга вторая).

Текст печатается по последнему (6-му) изданию: СПб.: Земля, 1918 (Собрание поэз. Т. 2).

АНАНАСЫ В ШАМПАНСКОМ

Отд. изд.: М.: Наши дни, 1915 (Поэзы). В первом издании текст сборника был значительно сокращен: исключены 23 последних стихотворения («Мечты о Фофанове» и след.). В этом, сокращенном, виде был переиздан репринтным способом (М.: Книга, 1991). В последующих изданиях сборника Северянин восстановил сокращенные тексты.

Печатается по последнему (4-му) изданию: СПб.: Земля, 1918 (Собрание поэз. Т. 3).

VICTORIA REGIA

Отд. изд.: М.: Наши дни, 1915 (Четвертая книга поэз).

Текст печатается по последнему (4-му) изданию: СПб.: Земля, 1918 (Собрание поэз. Т. 4).

Содержание

ЗЛАТОЛИРА

АНАНАСЫ В ШАМПАНСКОМ

VICTORIA REGIA

Северянин Игорь

С28 Сочинения. В 5-ти т. Т. 1/Состав., вступ. статья, коммент. В. А. Кошелева и В. А. Сапогова.— СПб.: Издательство „Logos“, 1995.— 592 с.

ISBN 5-87288-081-2 (т.1)

ISBN 5-87288-080-4

Игорь Северянин — псевдоним Игоря Васильевича Лотарёва (1887—1941), одного из кумиров читающей публики 1910-х годов. В настоящем собрании сочинений впервые его творчество представляется в возможно полном виде, во всем обилии жанров, к которым обращался «король поэтов»: сборники «поэз» и поздние книги лирики, поэмы и автобиографическая проза, теоретический трактат и избранные письма. Разные по художественным достоинствам, эти произведения, собранные воедино в соответствии с последней авторской волей, позволяют вполне представить и его «двусмысленную славу», и его «недвусмысленный талант».

С $\frac{4702010102}{Г73(03)\text{-}95}$ Подписное ББК 84.Р1

Издательство благодарит коллектив Санкт-Петербургской бумажной фабрики Гознака и лично директора И. П. Щепина за помощь в выпуске данного собрания сочинений.

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН

СОЧИНЕНИЯ

Том 1

Художник *В. Е. Корнилов*
Технический редактор *И. В. Буздалева*
Корректор *В. И. Калганова*

ЛР № 030078 от 20.08.91.

Сдано в набор 28.06.94. Подписано в печать 20.05.95. Формат $84\times108^1/_{32}$. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,08. Тираж 3000 экз. Заказ 207

Издательство „Logos“. 190000, Санкт-Петербург, пер. Пирогова, 18

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени ГП «Техническая книга» Комитета Российской Федерации по печати. 198052, г. Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29

· LOGOS ·